

Николай Рерих

НЕРУШИМОЕ

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
Бесстрашие	5
Эзопова басня	6
Глаз дальний	9
Культура победительница	11
Самогубительство	14
Благожелательство	16
Неповторимое	19
Древние источники	21
Достоинство	23
Безумия	25
Звезды смерти	28
Внимательность	34
Китаб-эль-Иган	37
Сказки	39
Серов	42
Крылатая чума	44
Неисчерпаемость	47
Стойкость	49
Эпидемии	52
Художники	54
Tactica adversa	57
Oeuvre	60
Самое простое	63
Свет опознанный	65

<u>Бережливость</u>	68
<u>Зверье</u>	71
<u>Невидимки</u>	73
<u>Новые грани</u>	77
<u>Благоухание</u>	79
<u>Волны жизни</u>	81
<u>Истоки</u>	83
<u>Вперед</u>	86
<u>Легкие трудности</u>	88
<u>Тайны</u>	92
<u>Пример</u>	95
<u>Монсальват</u>	97
<u>Знамя</u>	101
<u>Сущность</u>	103
<u>«Пирровы победы»</u>	107
<u>Истинная сила</u>	110
<u>Влечение</u>	112
<u>Россия</u>	116
<u>Нереченное</u>	119
<u>Взаимность</u>	122
<u>Неприязнь</u>	125
<u>Промедление</u>	128
<u>Безымянное</u>	131
<u>«Совершенно новое»</u>	133
<u>Подражание</u>	136
<u>Videbimus</u>	138
<u>Serencipity</u>	140
<u>Сравнение</u>	143
<u>Врата в будущее</u>	146
<u>Великий облик</u>	150
<u>Фредум</u>	153

<u>Значительность</u>	156
<u>Архивы</u>	159
<u>Король Альберт</u>	162
<u>По лицу Земли</u>	164
<u>Желанный труд</u>	167
<u>«И это пройдет»</u>	169
<u>Будем радоваться</u>	171
<u>Средневековье</u>	174
<u>Предсказания</u>	177
<u>Катакомбы</u>	180
<u>Засуха</u>	183
<u>Письмо</u>	186
<u>Возрождение</u>	189
<u>Печати</u>	192
<u>Естество</u>	195
<u>Испытания</u>	198
<u>Лики</u>	202
<u>Нерушимое</u>	205
<u>Злата Прага</u>	208
<u>Оборона</u>	212
<u>Борьба с невежеством</u>	213
<u>Горький</u>	220
<u>Мир</u>	225
<u>Знак эры</u>	227

БЕССТРАШИЕ

Наука, если она хочет быть обновленной, должна быть, прежде всего, неограниченной и тем самым бесстрашной. Всякое условное ограничение уже будет свидетельством убожества, а тем самым станет непреодолимым препятствием на пути достижения.

Вспоминаю один разговор с ученым, который настолько хотел быть защитником новой науки, что даже старался унизить значение всех древних накоплений. Между тем именно каждый молодой представитель новой науки должен быть, прежде всего, открыт ко всему полезному и тем более к тому, что уже засвидетельствовано веками. Всякое отрицание уже противоположно творчеству. Истинный творец прежде всего не доходит до отрицания в своем светлом, постоянном поступательном движении. Творец и не имеет даже времени на осуждение и отрицание. Процесс творчества совершается в неудержимой прогрессии. Потому-то так больно видеть, когда, в силу каких-то предвзятостей и суеверий, человек запутывает сам себя призраками. Лишь бы не подумали, что ученый становится старообразным, — боязливый человек готов предать анафеме или забвению самые поучительные накопления древнего опыта.

Именно свободная, неограниченная наука опять открывает человечеству многие, давно забытые, полезные находки. Фольклор снова идет рука об руку с находками археологии. Песня и предание подкрепляют пути истории. Фармакопеи древних народов опять оживают в руках пытливого молодого ученого. Никто не скажет, что вся такая древняя фармакопея может быть дословно применима. Ведь многие иероглифы написаний условно символичны. Само значение многих выражений затерялось и изменилось в веках. Но опытность тысячелетий, тем не менее, дает неограниченное поле для полезных изысканий. Так, многое забытое должно быть вновь

открыто и благожелательно истолковано языком современности.

Обращаясь к археологии, мы видим, что многие раскопки последних лет изумляли нас изысканностью смысла и форм многих, даже частичных остатков. Эта изысканность, утонченное изящество давних веков, еще раз напоминает, с каким заботливым, почтительным вниманием мы должны прикасаться к этим заветам древности. Мы мечтаем о забытых лаках, об утраченной технике обделки камней, о неясных для нас способах сохранения веществ. Наконец, мы не можем не прислушаться ко многим старинным способам излечения таких бичей человечества, которые именно устрашают и посейчас. Когда мы слышим и убеждаемся в том, что старинные методы благотворно применяются в лечении некоторых форм рака, или туберкулеза, или астмы, или сердечного заболевания, то разве не долг наш оказать полное доброжелательное внимание этим отзвукам стародавшей накопленной мудрости?

Ограниченное отрицание не должно иметь места в кругозоре молодых ученых. Лишь убогое мышление могло бы отрезать и загромаждать поступательные пути. Решительно все, что может облегчать эволюцию, должно быть приветствовано и сердечно осознано. Все, что может служить на пользу развития человеческого мышления, — все должно быть и выслушано, и принято. Безразлично, в какой одежде или в каком иероглифе принесется осколок знания. Благо знания во всех краях мира будет иметь почетное место. В нем нет ни старого, ни молодого, ни древнего, ни нового. В нем совершается великая, неограниченная эволюция. Каждый,

затрудняющий ее, будет исчадием тьмы. Каждый, посильно содействующий ей, будет истинным воином, сотрудником Света.

22 декабря 1934 г.

Пекин.

ЭЗОПОВА БАСНЯ

“Скажи мне, с кем ты, и я тебе скажу — кто ты есть”.

Итак, некие собаки облаяли караван. По справедливости нужно сказать, что ни один из этих псов никак не пригодился бы в караване. Разве не замечательно, что вся темная стая подобралась так явно и по такому естественному подбору, что ни одного животного из них вы и не могли бы приобрести себе. Есть в них и маленькие, кривоногие, рыжие собачонки, есть и пегие кобели, есть и черные слюноточивые ублюдки, есть и колченогие, есть и бесхвостые. Казалось бы, выбор не малый. Но эта внешняя разница чисто кажущаяся. Внутренний смысл всей этой своры очень единообразен. Та же подлость, та же жестокость и кровожадность, та же увертливость и лживость всех вывертов. Разве не удивительно, что сбежалась свора с разных концов, и кормленные, и голодавшие, и борзые, и колченогие — по звериному инстинкту сбежались многие и лают они на проезжих, как по заказу. Думает путник, кто же и каким способом собрал всю эту вшивую команду? Почему же непременно какие-то уроды, запятнанные кровопролитием и всяким обдирательством, должны собраться в одну свору и, задравши хвосты, бегать по деревне? Как будто и время сейчас далеко не

весеннее. Как будто и коты на крышах еще не начали серенады, а кудластая свора уже спущена и бегаёт, рыча и таякая. И как это случилось, что ни одной маломальски породистой собачонки не пристало к оголтелой стае. Есть же такие законы в природе, по которым как в человекообразном, так и в животном царстве — “рыбак рыбака видит издалека”. Давнишние трактаты о естественном подборе недалеки от истины. Правда, иногда “в семье не без урода”, но чаще всего — “яблоко от яблони недалеко падает”. А если заведётся в стволе дерева червивость, то и плоды такого дерева гнилы.

Одни ямщики любят ответить на собачий лай лихим кнутом, а другие ухмыльнутся — “пусть себе горло дерет”. Но коли попадётся шавка под пристяжную, ямщик только скажет — “достукалась бестия”.

Бестия — слово латинское. Значит оно — зверь, животное. Много оно избродило по свету, ибо в самых разных обстоятельствах требовалось это обозначение. Животность и звероподобность не раз поражали человеческое мышление. Всевозможными способами человечество пыталось отделаться от звериных инстинктов. Худшие из человеческих состояний именно отмечались наименованием звериности и животности. Говорят, что лишения и страдания очищают человеческое сознание.

Спрашивается, какие же ещё страдания нужны? Какие же ещё лишения должно претерпеть человечество, чтобы отрешиться от низкой животности? Кто-то говорит, что ещё какие-то катастрофы должны пронестись над затуманенной нашей Землею. Некто утверждает, что какие-то острова должны провалиться, какие-то новые

моря должны возникнуть, но какие же размеры этих новых водных пространств должны быть, чтобы люди серьезно об этом задумались? Плачевно подумать, что люди так легко привыкают даже к самым ужасным положениям вещей. Точно бы требовалась какая-то ускоренная прогрессия воздействий, чтобы современное мышление озадачилось и помыслило о путях ближайшего будущего.

Говорят, что многие из современной молодежи, прежде всего, смотрят в газетах на страницу спорта и кино. Говорят, что многие затруднятся в перечислении самых выдающихся философов, а в то же время безошибочно перечислят бойцов и борцов, и звезд фильмов. Может быть, это и не совсем так, но рассказы профессоров и школьных преподавателей заставляют задуматься о современном течении мысли. Так же точно все это заставляет помыслить, что же именно толкнуло теперешнее поколение на такие крайности. Кто читал о последних годах Римской империи или Византии, тот с изумлением мог бы найти многие параллели. Среди них бросится в глаза необыкновенное устремление к цирку, к гладиаторам, к конским гонкам и ко всяким условным призам. Разве и теперь каждая деревня, а скоро каждая улица, не будет иметь свою королеву красоты, или свою замечательную руку, или ногу, или свой особенный волос. Точно бы ничем другим не может вдохновляться человеческое воображение, а в то же время неразрешимая механическая проблема загромождает течение прогресса.

Все государства, все учреждения, все частные лица живут вне бюджета, лишь умножая какой-то общеземной долг. Эта материальная задолженность не ограничится

одними земными, механическими условиями — она перейдет в другую, гораздо более опасную, задолженность, и если планета окажется духовным должником, то этот страшный долг может быть тяжким препятствием всего преуспевания.

“Собаки лают — караван идет” — так говорит оптимизм, а пессимизм вспоминает, как стаи озверелых собак пожрали часового у порохового погреба. Остались от него винтовка, тесак и несколько пуговиц. И каждый прохожий мог после случившегося беспрепятственно поджечь этот погреб и наделать непоправимый вред. Но будем следовать по путям оптимизма и примем каждый собачий лай как знак того, что движется нечто новое, полезное, неотложно нужное. Иногда даже горчайшие знаки пессимизма будут лишь тем естественным подбором, который во благо строительства все равно должен свершаться.

Особенно ужасны чудовища, когда они скрыты во тьме, но когда они так или иначе вылезают к свету, то даже самые их безобразные гримасы перестают быть страшными. Знать — это уже будет преуспевать.

*23 декабря 1934 г.
Пекин.*

ГЛАЗ ДАЛЬНИЙ

Бесконечная снежная равнина. Черной точкой по ней движется далекий путник. Может быть, и даже всего вероятнее, что цель его самая обыкновенная. Вероятно, он идет по глубокому снегу, от одного жилья к другому; может быть, возвращается домой и, проходя, сетует на

трудную дорогу. Но издалека он кажется чем-то необычным на этой снежной равнине. Воображение готово снабдить его самыми необыкновенными свойствами и мысленно дать ему поручение совсем особенное. Воображение даже готово позавидовать ему, идущему по вольному воздуху далеко за пределы города, полного яда.

Почему-то особенно четко осталось в памяти такое давнишнее впечатление из окна вагона, когда, после зимних праздников, приходилось ехать в город опять к школе. Через много лет, уже в просторах Азии, не раз возникало подобное же ощущение о каких-то далеких путниках, подымавшихся на хребет холма или уходивших в складки долины. Каждый такой путник, казавшийся в удалении чем-то гигантским, вызывал в караване всевозможные предположения. Обсуждалось, мирный ли он? Почему лежит путь его вне дороги? Зачем он спешит и почему он держит путь одиноко?

Длинное ухо Азии, то самое, которое действует иногда скорее телеграфа, заботливо слушает. Глаз, привыкший к далеким кругозорам, пытливо всматривается в каждую движущуюся точку. Не будем думать, что это происходит только от опасливости, боязливости или недоверчивости. Путник Азии предусмотрителен и вооружен, и готов к встречам. Внимательность порождена не только опасностями. Внимательный глаз будет, наверно, очень опытным глазом. Он будет привычен и ко многому особенному. Глаз опытного путника знает, что особенное случается не только в полночь; оно бывает и в полдень, и при ярком солнце, именно тогда, когда оно менее всего ожидаемо.

Неопытность, иначе говоря, неосведомленность готова просмотреть нечто, даже самое замечательное. “Как баран на новые ворота” — не замечая их особенности и не делая никаких выводов. Опытный путник Азии готов всегда к чему-то особенному. У него есть опытность к наблюдению за погодою. Он осмотрительно отнесется и к неожиданному конскому следу, пересекающему дорогу. Распознает, где шли конники, а где — груз. Появление тех или иных животных или птиц тоже будет разумно отмечено. Опытный путник ценит, когда сопутствующие понимают, почему он оглянулся, или задумался, или ловит ветер на мокрую руку, или озабоченно смотрит на конские уши или особенность шага.

Действительно, когда эта опытная школа жизни отмечена и оценена, тогда и разумнее, и веселее идти вместе. А вместо нелепых суеверий перед вами появятся страницы своеобразного, а иногда очень утонченного знания. Прискорбно видеть, как иногда это знание опрометчиво и невдумчиво стирается. Сколько раз приходилось замечать, как знающий, опытный спутник начинал или был готов рассказать что-нибудь очень значительное, но, взглянув в глаза присутствующих, замолкал, встряхнув головою или рукой. “Не стоит, мол, метать бисер; все равно, не захотят понять, да еще перетолкуют во зло”. Так, опытный путник всегда предпочтет лучше промолчать, нежели проиграть негодным людям.

Сколько песен и сказаний неповторенных приходится слышать в пустынных путях. Открываются там же тайники, которые в суете городов наглухо захлопываются. Сколько раз приходилось встречать

бывших путников пустынных в городской обстановке и всегда приходилось изумляться, что они показывались в ином и гораздо менее значительном виде. Их чуткое ухо и зоркий глаз дальний точно обволакивались чем-то в пыли города. Они казались совсем обыкновенными людьми. Их замечательные знания, ширина кругозора как бы сковывались чем-то. Вот почему у нас так неизгладимо врезаются особые подробности путевые.

Много рассказов о необычайной скорости передачи сведений в самых удаленных местностях Азии или Африки. Вспоминаю рассказ нашего друга Луи Марена. В Париже однажды было получено телеграфное сообщение о благополучном достижении в определенный день французской экспедицией одной из самых уединенных африканских местностей. Когда друзья дали себе отчет, сколько времени потребовалось бы на передачу этого известия обычным путем, они, к ужасу своему, начали убеждаться в том, что, очевидно, сведение это неверно, ибо оно не могло быть передано в такой короткий срок. Но впоследствии выяснилось, что сведение было правильно и потребовало оно такой краткий срок лишь в силу особенных местных обычаев. На больших расстояниях оно было передано туземцами в ночное время посредством условных ударов барабана или сухого дерева. Оказалось, что такая передача древнейшего времени всегда существовала между племенами, а некоторые местные европейские насельники пользовались ею.

Какая поэзия заключена в этих ночных таинственных звуках, передающих неведомо откуда спешные вести! Так же, как “цветы Тамерлана”, сторожевые башни

условными огнями быстрее доносили нужнейшие оповещения.

Сердце звучит на все необычное и крепко врезает эти многоценные печати в сознание. Когда же мы видим далекого путника на безбрежной снежной равнине, нам думается, что не случайно и не бесцельно совершает он трудный путь. Наверно, он несет важную новость; и ждут его те, кто поймет знамение будущего.

*25 декабря 1934 г.
Пекин.*

КУЛЬТУРА ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА

Итак, вам понравилось мое определение культуры и цивилизации. Надо отдать справедливость, что и в Индии, и в Китае такое определение понятия культуры и цивилизации было понимаемо очень легко и приветствовано как нечто вполне естественное.

Но так было не везде. Иногда мне вообще предлагалось исключить слово культура, так как цивилизация будто вполне выражает оба понятия. Мне приходилось доставать с полок всякие толковые словари, чтобы, даже формально, доказать различие этих двух слов. Конечно, оппоненты меня не убедили, но и не уверен, убедились ли они сами. Может быть, в силу каких-то предрассудков они продолжают считать, что цивилизация есть нечто осязаемое, а культура нечто эфемерное — отвлеченное. Может быть, несмотря на все доводы, кто-то все-таки полагает, что присутствие крахмального воротничка или модного платья уже является залогом не только прочной цивилизации, но,

может быть, и культуры. Ведь так часто внешние, условные признаки легкомысленно принимались за неоспоримое достижение.

Но в культуре нет места легкомысленности. Именно Культура есть сознательное познание, духовная утонченность и убедительность. Между тем как условные формы цивилизации вполне зависят даже от проходящей моды. Культура, возникнув и утвердившись, уже неистребима. Могут быть различные степени и методы ее выявления, но в существе своем она незыблема и прежде всего живет в сердце человеческом. Случайная фраза рассудка может удовлетвориться и механической цивилизацией, тогда как просветленное осознание может дышать лишь в культуре. Казалось бы, уже давно сказано, что культура есть то прибежище, где дух человеческий находит пути к религии и ко всему просветительному и прекрасному.

Культура есть уже ручательство в невозможности отступления. Если вы где-либо услышите о каких-то торжествах культуры, о праздничных днях, культуре посвященных, а затем узнаете, что на следующий день там же творилось и допускалось нечто антикультурное, то не верьте в эти торжества. Они были лишь суесловием и лжесловием. Они лишь опоганивали светлое понятие культуры. Теперь много где бывают объявленные дни культуры, на которых люди клянутся друг другу в том, что не допустят более некультурных проявлений. Торжественно свидетельствуется преданность всему культурному и отрицается все грубое, отрицательное, разлагающее. Как было бы хорошо, если бы все эти клятвы были искренними и неизменными. Но посмотрите

через малое время на листы тех же газет, и вы будете потрясены, увидев, что методы выражений и устремлений не только не очистились, но как бы стали еще мерзостнее и лживее. Не значит ли это, что многие из тех, которые только что всенародно свидетельствовали свое причастие к культуре, вероятно, даже и не понимали истинного значения этого высокого понятия. Ведь клятва культурою обязывает. Нельзя зря или злоумышленно произносить большие слова. Недаром Апостол напоминал ефесянам: “Так же сквернословие, и пустословие, и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарения”. “Всякое раздражение и ярость, и гнев и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас”. Он же предостерегал: “Дорожите временем, потому что дни лукавы”.

Как безобразно сквернословить около понятия культуры. Тут уже ничем не оправдаетесь. Сколько бы ни пытались забывать о самом слове культура и ограничивать ее цивилизацией, все же даже на низших ступенях цивилизованной общественности всякая грубость уже исключается. Кто-то скорбно замечает о существовании цивилизованных дикарей. Конечно, всякие формы одичания возможны. С одной стороны, можно было видеть, как люди, поставленные даже в высшую степень уединения, не только не теряли, но даже возвышали свое человекообразие. И, наоборот, очень часто даже среди так называемых цивилизованных форм жизни люди впадали в одичание, в звероподобность. Не будем называть примеры, ибо таковых у каждого достаточно. Все это лишь доказывает, насколько хрупки признаки цивилизации и как необходимо вспомнить о

принципах культуры. И не для лжедней культуры, но для внесения ее основ в жизнь каждого дня. Нельзя откладывать на какие-то долгие сроки истинные дни культуры. Иначе лжеторжества могут кому-то показаться уже достаточным. Ведь одно повторение слова культура еще не значит основание и применение этого понятия.

Существует много анекдотов о смехотворном применении разных научных терминов. Также невозможно профанировать и то великое понятие, которое должно улучшить и обновить сумерки современного существования. Если огни кинематографических вывесок яркие, если газетные отчеты изобилуют оценкою ударов, то ведь это еще не значит, что дни культуры приблизились.

Молодежь часто имеет полное право спросить старших о степени культурности их времяпрепровождения. Это не будет какой-то недозволенный бунт молодежи. Это будет просто вопрос о благообразном построении жизни. Часто именно молодой ум пытливо устремляется за пределы условной цивилизации. Часто дети неуголимо хотят знать о том, о чем они получают такие скудно формальные ответы старших. Да еще иногда будет прибавлено “*ergo bibamus*” — итак, выпьем. Чем подчеркивается полная несостоятельность мышления.

Жизнь во всех ее новых формах уже перерастает понятие условной цивилизации. Проблемы жизни, нарастающие с каждым днем, повелительно устремляют людей к высшим решениям, для которых уже невозможно отговориться условными, изжитыми формами. Или все вновь преображенные возможности

сочетаются прекрасным истинно культурным решением, или пережитки цивилизации потянут слабовольных к одичанию. Тогда никакие лжеторжества культуры не вдохновят и не удержат ложь и разрушения.

Но, хотя бы в меньшинстве, хотя бы гонимые, как издревле принято, все же пусть некоторые соберутся и в истинных торжествах культуры, где без суемыслия, без пышного празднословия они несломимо поклянутся друг другу следовать именно путями культуры, путями духовного совершенствования. Пусть будет так в разных странах, во всех углах мира, где бьется сердце человеческое.

*27 декабря 1934 г.
Пекин.*

САМОГУБИТЕЛЬСТВО

“...С такими людьми на великой реке Амуре, от их бунтов жить стало тяжело и невмочь”. Так, в середине XVII века доносил якутским воеводам Степанов. В докладах и местных летописях довольно подробно рассказывается, как тяжело происходило строение окраин не столько вследствие инородцев и иноземцев, но именно от каких-то неописуемых внутренних бунтов. Возникновения таких бунтов обычно не указываются, но зато часто перечисляются самые прискорбные и непоправимые последствия. А главное, что из-за внутренних неурядиц были наносимы удары и по достоинству внешних значений.

Не от недостатка ли кругозора и воображения происходили эти бесцельные, самогубительные

вспышки? И сейчас, разве мы не присутствуем при таких же, логически необъяснимых, столкновениях, которые происходят с такой же непозволительной грубостью, как и в далекие века? Не лежит ли одна из причин в срединной ограниченности мышления? Сердце человеческое стремится в своих невыразимых словах, биениях к чему-то лучшему, но бескрылый рассудок ограничивает себя лишь условиями сегодняшнего дня. На эти случайно привходящие условия он негодует, но именно ими же, а не чем другим и хочет найти разрешение.

Сложнейшие словопрения, изобретение нагроможденных терминов усложнения, как будто бы признак начитанности — все это не только не приводит, но именно отводит от потребности бытия. А ведь сейчас — так нужно простое сердечное слово. Не трехэтажный загроможденный термин, но частица светло выполнимой жизни ожидается. Народная масса хочет жить. Хочет, по возможности, украсить жизнь. Видим, как даже самые скудные племена стремились, и находим оригинальные возможности к такому украшению. Народная масса хочет знать. Отлично понимает народ, что знание вовсе не есть условно нагроможденная непонятность, но может быть преподано в очень простых, ясных словах, не огрызаясь и не злобствуя.

Каждому, кому приходилось толковать с народом, даже в самых удаленных местностях, конечно, ведомо это разумное стремление к простейшему выражению. Сами мы, вспоминая школьные и университетские годы, особенно приветливо оборачиваемся к тем учителям, которые преподавали ясно и просто. Безразлично от

самого предмета, будет ли это высшая математика, или философия, или история, или география — решительно все могло находить у даровитых преподавателей и ясные формы. Только ограниченные, неодаренные типы сами запутывались в своих же нагромождениях и, на внутреннюю потеху учеников, мучительно старались выбраться из проблем, самими же натворенных. Сколько раз такой неудачливый педагог кончал свои, ни к чему не пришедшие, пояснения трагическим “ну, вы понимаете”. Именно при такой необъясненности и создавались обидные клички, вспыхивала необузданная насмешливость и получалась внутренняя трещина.

Именно сейчас многие области перегружены вновь изобретенными сложностями. А ведь сейчас люди проходят через особенно ответственное время. Никто уже не удовлетворяется срединным мышлением недавнего прошлого. С одной стороны — заброшены сети в будущее, иногда самыми необузданными бросками. С другой же стороны — сознание обращает мысль к самым первоисточникам, откуда пытливое ухо ухватывает многое, неожиданно совпадающее с самоновейшими предположениями. Ответственно время, когда случилось такое сочетание самого нового с древнейшим. Как ни странно, но девятнадцатый век, во многих изысканиях, является одним из наименее убедительных. Самый нигилизм этого века оказывается неубедительным по своим примитивным построениям. Всякое ничто, всякая пустота, всякое небытие — уже отвергнуты. Отвергнуты не только философией и изучениями древности, но и самоновейшими открытиями физических наук. Лучшие ученые совершенно спокойно заявляют о таких своих

религиозных и философских взглядах, о которых их отцы, во многих случаях, не решились бы выступить, хотя бы для охранения своего “научного достоинства”. Таким порядком несомненны сдвиги, которые очень легко превращаются в подвиг. Ведь именно подвиг, в существе своем, не может быть ограниченным. Именно в подвиге доступна как древнейшая мудрость, так и самоновейшая проблема. При этом мы не будем лишь кое-что уважать в древности. Мы будем изучать ее вполне и добросовестно, и доброжелательно; и только такие честно неограниченные изыскания позволят нам выбрать то, что наиболее ясно применено в проблемах будущего. Опять-таки, если кто-то будет настаивать, что он лишь кое-что возьмет от древнейшей мудрости, — он ведь окажется ипокритом, ибо это “кое-что” может выполниться лишь после всестороннего, подлинного изучения. И тот, кто захотел бы положить в основу построений какое-то отрицание, тем самым подмешает в свой цемент ядовиторазъедающее вещество.

Много новых находок даются людям за последние годы. В них много раз приходилось убеждаться о несказуемой связи древних времен с нашими запросами. Если найдутся ясные слова о возможности жизни и преуспевания, то и темные бунты отойдут в область преданий. Люди, читая о них, лишь пожалеют о погибших возможностях и порадуются, что новые пределы знания помогут воздержаться от самогубительства. Ясность и простота — вот чего ждет сердце.

*28 декабря 1934 г.
Пекин.*

БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬСТВО

Насколько многое, очень знаменательное и благожелательное, остается нигде не записанным! Сегодня мы слышали, что Русская Пекинская Духовная Миссия была сохранена благодаря личному ходатайству Таши-Ламы. В истории верований такой благой знак должен заботливо сохраниться. Около религий, к сожалению, слишком много накапливается знаков холода и отрицания. И вот, когда вы в старом Пекине слышите прекрасный рассказ о том, как многие священнослужители и религиозные общества шествовали к Таши-Ламе просить его о сохранении Православной замечательной Миссии, хранящей в себе так много традиций, и узнаете, как доброжелательно было принято это обращение, — вы искренне радуетесь. И не только это обращение было принято дружелюбно, но и оказались желательные последования; и в историю Православной Миссии будет внесен этот замечательный акт высокого благожелательства.

Когда человечество обуяно бесами злобы и взаимоуничтожения, тогда всякий знак утверждения и взаимной помощи будет особенно ценным. Конечно, о доброте и доброжелательстве Таши-Ламы многое известно. Но одно дело, когда это рассказывается его соплеменниками, и совершенно другое, когда чуждые люди тоже имеют при себе такие свидетельства добрые.

Люди очень часто не отдают себе отчета, насколько ценно само запечатление добрых знаков. Существуют особые типы людей, которые предостерегают против всякого энтузиазма и даже против громко сказанного

доброго слова. Конечно, при таком образе мышления все погружается, если не во мрак, то, во всяком случае, в серенькие потемки. Противники всякого энтузиазма хотели бы приучить людей ни на что не отзываться, никак не реагировать и быть к добру и злу постыдно равнодушными.

В наши смутные дни особенно много таких серых жителей. В значительной мере именно на них лежит ответственность за глубоко всосавшуюся в общественный строй смуту. Смута потрясающая, а к тому же сама в себе дрожащая, является ничем другим, как бесформенностью, безобразием. Само слово смута, смущенность недалеко от извращенности, сомнительности и боязливости. В смуте рождаются неясные намеки. Она же порождает всякие анонимные наговоры. Когда сердце теряет трепет восторга, оно может впасть в трепет смущения. Насколько трепет восхищения будет устремляющим ввысь и прекрасным, настолько трепетание смущения будет ограничивающим, понижающим, устрашенным. А что же может быть безобразнее зрелища страха? Самые высшие понятия чести, достоинства, преданности, любви, подвига, ведь они могут быть нарушены и обезображены именно страхом. Страх ради люди могут промолчать, отречься и предательствовать. И какое множество молчаливых отречений и трусливых замалчиваний явлено в повседневной жизни.

Для отречения не нужно никаких высоких слов или прекрасных обстановок. Обычно именно отречение, замалчивание, умаление хорошо сочетаются с сумерками. Они живут в серости, когда четкие формы выедаются

потемками и все делается неопределенным. Неопределенность помыслов, нерешительность и есть именно смута. Смущенность не поет, не слагает красивые формы, но в дрожании искривляет все отражения. Так, пролетающая птица неопределенно касается тихой водной поверхности, и надолго после такого пролета задрожат только что прекрасно отразившиеся формы.

От смуты, от страха нужно лечиться. Так же, как от многих болезней нужно предпринимать длительное восстановление сил, так же нужно воздействие и от смуты. Нельзя позволить смуте загнивать в язвах и нарывах. Новые сильные мысли и мощные действия будут спасительны, чтобы вывести смущение духа в обновленное состояние. Конечно, одною переменою места или житейских условий смущение еще не будет осилено. Дух в сущности своей, сознание должно поразиться чем-то; а еще лучше — чем-то восхититься.

Невозможно допустить, чтобы восхищение, иначе говоря энтузиазм, не были бы доступны даже смущенным душам. Все-таки бывают же такие действия, такие положения в мире, которые заставят сердце восхититься и тем самым выйти из смущенных дрожаний. Прекрасное творчество, высокое знание, наконец, чистосердечное стремление к Горнему Миру — все чудеса, которых так много в жизни земной, легко могут уводить даже поникший дух в сады восхищения.

Если люди попытаются вычеркнуть из бытия своего иногда ими осмеянное слово энтузиазм или восторг, то чем же они заполнят эту страшную пустоту в своем сознании? В этом запустелом сердце поселится тоска и неверие, появится та мертвенная затхлость, которая

свойственна заброшенным пустым помещениям. Входя в заброшенный дом, люди говорят: “Придется долго обживать его”. И правильно, такая заброшенность угрожает даже и физическими заболеваниями.

Обжить жилье это еще не значит просто зажечь огонь. Потребуется именно человеческое присутствие, иначе говоря — биение человеческого сердца, чтобы оживить, одухотворить замершую жизнь.

Одним из простейших одухотворений будет каждое сведение о каком-либо добром и необычном в благожелательстве действию. Итак, будем радоваться каждому добру. Ведь оно уже рассеивает чье-то смущение и заменяет безобразие красотой.

*29 декабря 1934 г.
Пекин.*

НЕПОВТОРИМОЕ

“Размо-кропо-го-дилос!”

“Нет, коллега, не так!”

“Размо-кропо-годи-лос!”

“Да это просто Ванька написал размокропогодилось!”

Так давно шутили по поводу экспедиции Радлова по исследованию надписей на скалах и камнях Сибири. Не только потому шутили, что надписи долго не удавалось разобрать, но и вообще ухмылялись, не понимая значения археологии. Судьба древностей, в частности древностей русских, извилиста.

Когда приходилось рисовать разрезы курганов, то с особой болью отмечалась и грабительская траншея. И как часто эти грабители были почти современны самому

кургану или гробнице. Часто траншея шла с полным знанием особенностей погребения, с пониманием всех положенных ценных предметов. И в Египте, и в Азии, и в южных степях России грабители нередко шли по пятам погребения. А сколько профессионалов кладоискателей, всяких бугровщиков и курганщиков, навсегда затруднили научные выводы.

В очерках истории Сибири, например, читаем: “Несмотря на все эти опасности, связанные с отправлением промысла, некоторые курганщики обращали его в средство существования и приобретали в нем такую сноровку, что по одному наружному виду курганов определяли их относительную древность и содержание в них драгоценных металлов. Так как многие из курганов были значительны по своим размерам, а некоторые к тому же покрыты тяжеловесными камнями (в 100—200 пудов), то курганщики соединялись в артели (до 200—300 человек) и таким образом занимались “бугрованием”. Одна из таких артелей, состоявшая из 150 человек, в XVIII веке по среднему течению Иртыша нашла курган и извлекла из него до 50 фунтов золота в разных поделках. Конечно, далеко не все сибирские курганы были так богаты; однако могильного золота и серебра было столько в обращении, что в Красноярске на главном рынке курганных драгоценностей в XVIII веке могильное золото продавалось по 50—90 коп. золотник. Эти драгоценности в то время составляли важный предмет торговли на Ирбитской ярмарке, где охотно покупались русскими и инородцами, и распространялись за Урал.

Подобная же участь постигла и те памятники сибирской древности, из которых можно было извлечь хоть какую-нибудь пользу. Остатки древних сооружений, “каменные бабы” и надгробные камни, нередко покрытые любопытнейшими надписями и изображениями, “писанцы”, до последнего времени употреблялись либо на жернова, либо в качестве простого материала для постройки новых зданий, конечно, без всякого соображения о научном значении истребляемых памятников старины.

Наряду с хищничеством и алчностью можно встречать и самые неслыханные показания изуверства. Сколько прекрасных пещерных росписей и ваяний уничтожено рукою фанатизма. При этом опять-таки ищите ближе. Не успокаивайте себя, что кто-то и когда-то давно разрушал. Не обвиняйте только давно истлевших вандалов.

Изуверство и сейчас еще процветает. Да еще в каких замысловатых одеяниях! То оно наставляется религиозными заблуждениями, то, напротив, оно вдохновляется безбожием. Само хищничество курганщиков бледнеет перед диким размахом изуверства.

Из рук хищника иногда предмет попадал и в добрые руки. Но свирепость изуверства знала лишь уничтожение и обезображивание. Не ужасно ли помыслить, что изуверство существует и по сие время. В часы лекций о памятниках искусства и быта — именно эти памятники уничтожаются. Скажите после этого, что судьба творчества уже защищена. Посмейте утверждать, что все благополучно.

Только невежество будет успокаивать справедливую бдительность. А условное приличие скажет: не будем

нарушать чинность собрания неприятными сообщениями. Но дело-то в том, что действительная опасность велика. Ничем не успокоишься, когда знаешь, что изуверство живет во всем своем безобразном разнообразии.

Разобьет ли амфору хищник, перельет ли ювелир кубок Челлини на металл, будет ли уничтожена неповторимая статуя изувером, или будет ли разрушен памятник невеждою, во всем будет бездна дикости. Наряду с разрушениями разве не стоят и обезображивания прекрасных творений древности? Грубые пристройки, приделки, замазывания и квазиреставрация умерщвляют душу памятника.

После руки изувера следует рука ханжи, спесивого и невежи, которые по-своему изменяют тончайшие творения. Обычно бессмысленно, бесчувственно совершаются такие, часто непоправимые, святотатства. Исчезнувшая красота навсегда застывает в гримасе искажения. Плачевный, отталкивающий вид вместо недавнего очарования.

Оставляя в пустыне ценный памятник, спрашивали проводника: “Устоит ли?” И умудренный опытом покачал головою: “От зверей — может быть, от людей — вряд ли”.

Скорбно такое опытное слово. Но многие задачи решаются от противного. Пусть именно это противное и поможет благомыслящим сотрудникам собраться в мужественной защите всего священно прекрасного.

Главное, знайте больше. Прислушивайтесь, любите читать и беседовать о действительности. Уж больно много незнания.

*1 января 1935 г.
Пекин.*

ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ

“В чем истина веков — в законах и приказах или в пословицах и в сказках?” В первых — воля напряжена, а во вторых — чеканка мудрости.

Самая краткая пословица полна звучаний местности и века. А в сказке, как в кладе захороненном, сокрыта вера и стремления народа. Пословица может быть скорбною, но она не будет разрушительной, так же точно не бывает мерзких сказок, как и отвратительных песней. И пословица, и сказка к добру. А истоки приказа различны. Сколько приказов выдыхается и скоро испаряется. Но попробуйте искоренить пословицу или легенду. Хоть в подземелье уйдут, а затем снова вынырнут.

“Сумей схватить за хвост самого маленького черта, и он укажет, где притаился его наибольший”, — эта старая китайская пословица указывает на значение малейших подробностей для открытия главного. Действительно, самая заботливая подробность будет лучшим ключом к подвигу великому. Ошибочно думают, что подробности незначительны для пути восхождения. Даже самые прекрасные героические действия покоились на подробностях, вовремя предусмотренных. Как внимательно замечает все камни следующий за учителем. Не минует его ничто постороннее. Лишь плохой ученик скажет: “Учитель, я в восхищении разбил себе нос”. Такая несоизмеримость лишь покажет, насколько ученик далек от зоркости. Пословица китайская имеет и другое

значение. Самый большой преступник лучше всего познается по самым малым подробностям поведения.

Замечательно наблюдать тонкость и верность подробностей в пословицах, легендах и сказках. Конечно, иногда в неточном переводе что-то может и показаться излишним и тяжеловесным, но стоит обратиться к первоисточнику, как вы увидите, что старинная пословица “Из песни слова не выкинешь” имеет глубокое значение, и не только не выкинешь, даже и не переставишь. И с этой точки зрения необыкновенно поучительно наблюдать кованность народного языка. Как лучшие зерна отсеиваются повторным провеиванием, так в горниле веков выковывается язык народной мудрости.

Во всех веках и народах всегда будут краткие периоды, в которые будут спесиво отринуты эти накопления. Как клады, временно уйдут они под землю. Как в запрещенных катакомбах, останется лишь шепот молитв. Так, где-то и все-таки в полной бережливости сохранятся знаки народной наблюдательности и опять их достанут из тайников. Опять с обновленным рвением будут изучать. И опять именно из этих неисчерпаемых источников обновятся основы культуры.

Какие-то вдумчивые исследователи опять углубятся в познание и смысла, и формы старинных наследий. Будут опять любоваться изысканными подробностями этих форм, таких кованых, таких чеканных, рожденных в долготерпении бывших ритмов жизни.

Именно хочется подчеркнуть, что в этих старинных наследиях и смысл, и сама форма построений может доставить одинаковую радость исследователю. Люди поверхностные, может быть, что-то скажут о

старообразном языке, но настоящий вскрыватель рун, пытливый ученый, будет любоваться, как замечательно и просто, и уместно поставлены определения и в каких сочетаниях выявлено наибольшее ударение, обращающее внимание там, где нужно.

Возьмите любую старинную пословицу и попробуйте начать в ней переставлять слова. Вы увидите, что от таких упражнений потеряется много смысла. Нам приходилось видеть множество переводных искажений. Только в самое последнее время языки начинают изучаться без предубеждений и потому даже в известных памятниках старины новые переводы открывают новые знаменательные подробности. Даже сами исторические имена претерпевали в различных переводах такое многообразие выражений, что подчас даже трудно признать, что речь идет о том же самом лице или месте. Особенно повинны были в этих условиях учебники средних школ. Множество детей в спешном прохождении курса подчас усваивало такие наименования, которые потом, в зрелых годах, попадались им в совершенно другом выражении, что порождало лишь ненужные осложнения.

Но сейчас во многих отраслях науки мы обращаемся к первоисточникам вполне доброжелательно и пытливо. Вдумчивое изучение поможет опять оценить множество характернейших, мельчайших подробностей и определений.

А что же может быть глубже и полнее, как не наблюдение и за самой мыслью, и за способом построения ее? Недаром люди говорят об искусстве мышления. Именно в мыслительном построении

выражается то же общее понятие творчества. Любители искусства для искусства всегда особенно подчеркнут не только, что сказано, но и как сказано. Как сказано, как сделано, как помыслено, все это является источником восхищения каждого наблюдателя; а теперь столько приходится говорить об утрате качества во всей жизни, что именно качество всех построений особенно примечательно.

Все проблемы, требующие спешного разрешения, нуждаются в высоком качестве выражения. Знаменитое “кое-как” более чем неуместно. Каждый должен понимать всю ответственность за способ своего мышления и действия. Не будем думать, что способ мышления не важен; как во всем творчестве, способ, техника имеют огромное значение. Картина только тогда убедительна, когда вся она построена беспеременно; когда зритель чувствует, что иначе и быть не могло, что данное ему именно так сложено, как нужно. Для этой убедительности какая нужна наблюдательность всех подробностей!

Какая чудесная школа убедительности заключена в исконном творчестве народов, в анонимном, характерном и всегда живом.

*3 января 1935 г.
Пекин.*

ДОСТОИНСТВО

Даже в низших школах учащиеся уже слышат о многих династиях, в десятках сменявшихся в разных странах. Эпически спокойно упоминаются эти коренные

смены, точно бы это было свивание новых спокойных гнезд. Никто не говорит о том, что одинаково можно было бы сказать: или десятки смен династий, или десятки трагедий.

Много ли можно припомнить совершенно мирных смен правления? Почти каждое из них сопровождается потрясениями или убийствами и всякими ужасами. Именно настоящая трагедия лежала в основе каждой такой смены. Ведь не только она касалась главы правительства вместе с главным управлением; обычно сменялись и целые классы, сменялась психология народа, сменялась цель устремлений.

Болезненно наслаивались новые ритмы. Крик и ужас сопровождали их, а теперь, в смене веков, в школах спокойно говорится о смене династий. Не только ученики, но и профессора сами подчас забывают, что скрывается под этою эпикою. Когда говорится о войнах, о морах, о всяких других катастрофах, то, естественно, трагическая сторона запечатлевается в самом выражении, в самих словах. Но смена династий звучит очень мелко и спокойно. Смена условий жизни в представлении народа тоже звучит спокойно, а между тем под этими эпически ясными словами скрыта целая буря, часто многолетняя, со многими ужасами разрушений.

Потому-то даже среди начальных школьных курсов следует усвоить более точную и выразительную номенклатуру. Выразительные определения давних исторических событий укрепят сознание молодежи. С одной стороны, они посеют зерна энтузиазма и героизма, а с другой стороны, охранят от отчаяния.

“Всякое отчаяние есть предел, сердце есть беспредельность”. “Красота заключена в каждом участии в построении. Это истинная область сердца. Желанное очищение жизни дает торжественность, как свет неугасимый”. “Где же то чувство, где же та субстанция, которой наполним Чашу Великого Служения? Соберем это чувство от лучших сокровищ. Найдем части его в религиозном экстазе, когда сердце трепещет о Высшем Свете. Найдем части в ощущении сердечной любви, когда слеза самоотвержения сияет. Найдем среди подвига героя, когда мощь умножается во имя человечества. Найдем в терпении садовода, когда он размышляет о тайне зерна. Найдем в мужестве, пронзающем тьму. Найдем в улыбке ребенка, когда он тянется к лучу Солнца. Найдем среди всех уносящих полетов в Беспредельность. Чувство Великого Служения беспредельно, оно должно наполнить сердце, навсегда неисчерпаемое. Священный трепет не станет похлебкою обихода. Самые лучшие Учения превращались в бездушную шелуху, когда трепет покидал их. Так среди битвы мыслите о Чаше Служения и принесите клятву, что трепет священный не оставит вас”.

“Древние заветы о священном трепете должны быть поняты в большом сознании. Именно теплота и жар этого трепета охраняют сердце от холода, от того самого страшного мертвенного холода, который прекращает всякое общение”.

“Сколько можно наблюдать совершенно мертвых двуногих, мертвецов бродячих, которые одним своим приближением уже опоганивают и оскверняют даже такие места, где уже слышалось и ценное, и возможно

прекрасное. Именно не отвлеченный приказ, но терпеливо вложенное новое понимание может остеречь заболевающих страшною эпидемией разложения. Действительно, ужасно зрелище разлагающегося тела. Но ведь и во время жизни такое разложение бывает. Если чисто физические меры могут предотвращать такое состояние, то сколько духовных воздействий могут быть как лучшая профилактика”.

“Духовные лечения помогут не только предотвратить и телесные осложнения, они не только остановят разложение духа, но, в действительности своей, они дадут иссушенному духу здоровое, поступательное движение. Ведь дух, как тончайшая субстанция, так близок к пространственным вибрациям, так близок к движению”.

Если подсказать вовремя начинающему деятелю жизни, какие сложности, как прекрасные, так и ужасные, заключены в краткие формулы эпики, то такая трансмутация навсегда укрепит направление этого путника. Если он поймет всю трагедию причиненной боли и скорби, то он в своих действиях найдет более достойные, можно сказать, более культурные пути выполнения. Само чередование оборотов спирали эволюции будет строиться с большим сохранением достоинства человеческого. В сердце своем человек ощутит и горечь трагедий, и высокий восторг служения и героизма.

*10 января 1935 г.
Пекин.*

БЕЗУМИЯ

В Университете Виргинии Профессор Гарри М. Джонсон говорил о последствиях усталости: “Если вы устали — вы безумны”. “Усталый человек выкажет характерные симптомы той или иной формы безумия и не всегда в малой степени”, — сообщал доктор Джонсон, излагая результаты своих семилетних исследований в Институте Мелон.

“Неповоротливость, невнимательность, расстройство речи, провалы памяти, упрямство и болезненное упорство, галлюцинации, потеря сознания, блуждание и припадки гнева — все это обычные симптомы усталости, если даже они начинаются в большой постепенности”.

“После хорошего сна усталый человек освобождается от этих симптомов и часто восстанавливается. Но бывает, что и сон вовсе не устанавливает нормальное равновесие. Может случиться, что следствием окажутся новые виды ненормальности, и человек впадает в бездеятельность, нечувствительность, подавленность и остается апатичным ко всему, без всякого интереса и внимания, и даже не может предпринимать какие-либо работы в его собственной профессии. Такое состояние может продолжаться несколько часов, а то и несколько недель”.

С другой стороны, врачи при Колумбийском университете опубликовали новую теорию простудных заболеваний. По этой теории оказывается, что простуживается, собственно говоря, не человек, а бактерии и микробы, а заболевание самого человека является только вторичным явлением. Сравнительно недавно бактериологи установили, что один и тот же микроорганизм, в зависимости от условий, в которые он

поставлен, может быть или патогенным, или сапрофитным. Самый безвредный микроб при изменении среды и условий существования превращается в патогенный. Безвредные микробы и бактерии, наполняющие полость носа и рта, под влиянием сырости или резкой перемены температуры превращаются в болезнетворные.

При этом не нужно забывать, что, действительно, внутренние условия человека будут изменяемы не только от внешних обстоятельств, но и под влиянием состояния нервной системы. Иначе говоря, мы опять подходим к тому же положению, что подавленность и неуравновешенность нервной системы создают огромное количество тех случаев, которые еще недавно почитались происходящими от внешних причин.

Замечание исследователя о том, что усталость создает условия безумия, вовсе не парадоксально. Действительно, внутренняя нервная энергия приходит в такое неестественное состояние, что определение его как безумия недалеко от истины.

Тот же самый сильнейший яд, который создается в припадках гнева и раздражения, хотя и видоизмененный, но все же отлагается в нервных каналах при различных неестественных подъемах или подавленности.

Можно лишь поздравить исследователя, отважившегося назвать состояние подавленности безумием. Обычно люди боятся произносить такие общепринятые определения. Безумие понимается как степень, заслуживающая изоляции, но если множество людей ходит на свободе, даже формально сумасшедших,

то сколько же их находится в различных временных стадиях безумия?

Если вспомнить всякие бывшие законодательства, учения, теории философий, то, конечно, они прежде всего заботились об установлении равновесия. Не какие-то особенные психиатры, но именно жизненные психологи призывали людей к таким состояниям, в которых происходили бы наименьшие самоотравления. Допущение к деятельности бактерий и микробов в большинстве случаев уже будет самоотравление, ибо произойдет от сознательно направленной лжедеятельности. Так называемая усталость, со всеми ее тягостями, также будет, прежде всего, следствием неправильного распределения труда.

Сколько раз и в древнейших, и в новейших Заветах предлагалась мудрая смена труда во избежание тягостной усталости. Ведь при достаточно разнообразной смене труда сама по себе усталость вообще невозможна. К тому же мертвенная бездеятельность может порождать один из самых пагубных видов усталости. Особенно сейчас, когда обнаруживается столько как бы незамеченных ранее заболеваний, каждый исследователь прежде всего будет искать путей к равновесию. Ведь мы живем не только во время чрезмерных трудов, но во время наиболее неестественных и подчас убийственных взаимоотношений. Стоит взять любую страницу газеты, чтобы убедиться, насколько самые небывалые признаки безумия широко распространены. Не угодно ли, например, прочесть в газете следующие рекорды 1934-го года:

“По обычаю прошлых лет, в истекшем 1934 году было поставлено несколько оригинальных рекордов”.

“Немка Эдна Асселин получила первый приз на международном конкурсе домашних хозяек, очистив от пыли коридор в 2 метра шириной и в 7 метров длиной в 38 секунд”.

“Американец Джемо Аагорд вышел победителем на конкурсе крикунов, состоявшемся в штате Небраска: он заорал так, что его было слышно на расстоянии 3 км”.

“В Цинциннати закончился бриджевый матч, начатый в 1924 году. Каждый из партнеров записал по миллиону с лишним очков”.

“18-летняя Роза Руни из Род-Айленда съела в один присест 18 литров моллюсков (“мулей”)”.

“Портной Ейндубер из Данвера вддел в игольное ушко 12 тончайших нитей одну за другой”.

Надо думать, что такие рекорды года достаточно напоминают об опасных степенях безумия, ползущего и притаившегося среди человечества. Для психологов, действительно, предстоит необозримое поле для исследования. При этом сколько, казалось бы неразрешимых, государственных и общественных проблем разрешится от устремления к равновесию. Тот самый Золотой Путь, так давно заповеданный, опять ищется человечеством среди необычайных и, наверное, неповторимых сумерек безумия. Те же ежедневные известия говорят о невероятных преступлениях, совершенных с какой-то необыкновенной, холодной жестокостью.

Конечно, каждая жестокость уже есть безумие. Наверное, можно проследить, каким образом

наслаивалось постепенное безумие жестокости и проклятия. Эти пути как самые отрицательные несомненно всегда останутся в пределах безумия. Исследования, почему человек низвергается до проклинания и до всевозможных отвратительных жестокостей, наверное, упасли бы многих от этих путей темных. Если, по справедливому замечанию исследователя, усталость уже есть степень безумия, то кольми паче жестокость будет уже острой степенью безумия. И не нужно утешаться, что в наш просвещенный век жестокость изживается. К сожалению, это совсем не так. Появляются даже новые виды жестокости, утонченной, вторгающейся во все виды быта. Пожелаем, чтобы безумие исследовалось бы, действительно, во всех видах.

*24 января 1935 г.
Пекин.*

ЗВЕЗДЫ СМЕРТИ

Аббат Море — французский астроном, обращает внимание всех дипломатов на 1936 и 1937 год. В эти годы, он говорит, будет наблюдаться сильное нарастание и деятельность солнечных пятен. Астроном напоминает, что периоды усиленной деятельности солнечных пятен часто совпадали с войнами и всякими общественными смятениями.

“В периоды наименьшей деятельности солнечных пятен на Земле обычно замечались мирные времена, тогда как максимальная деятельность этих пятен, по-видимому, вызывает нервное повышение, которое

увлекает народы во зло и дикую борьбу”, — говорит аббат. “Если солнечная деятельность увеличивает всякие магнетические отклонения, то среди последствий развивается также и странное лихорадочное состояние, которое эпидемически овладевает человечеством. Иногда такое лихорадочное состояние начинается несколько ранее максимума, как это случилось при мировой войне в 1914 году”.

“Приближается ли другая война — это неизвестно, но я напоминаю, что согласно статистике, покрывающей многие столетия, годы 1936 и 1937 должны быть считаемы особенно опасными”.

Итак, ко всем разнообразным исчислениям, касающимся 1936 года, прибавляется еще одно. Во многих странах по самым разнообразным причинам люди останавливают свое внимание на 1936 годе. Конечно, трудно сказать, будет ли этот год уже показателем в грубо земном значении, или же он заложит следствие ближайшего времени. Ведь так часто решающее событие уже где-то совершилось, а в то же время в других местах люди уже впали в отчаяние об его отсутствии. Нечто подобное замечалось в часы ожидания перемирия Великой Войны. Ожидавшаяся минута прошла, как будто ничего не состоялось, люди еще горевали, но в то же время перемирие уже было решено, но лишь не было объявлено во всеуслышание.

Итак, ко всевозможным суждениям о знаменательном значении 1936 года французский астроном прибавил и свое опытное слово. В то же время за океаном происходили тоже очень значительные суждения о так называемых “звездах смерти”.

На очередном заседании Смитсоновского института в Вашингтоне, секретарем его, известным астрономом Чарльзом Аббатом прочитан доклад о “звездах смерти”, лучи которых уничтожили бы всю жизнь на земле, если бы когда-либо достигли ее.

Аббат работал в калифорнийской обсерватории на горе Вильсона с группой помощников. При помощи новых астрономических инструментов они произвели точнейшие измерения силы света разных звездных лучей и их спектров. Им удалось произвести измерения малейших излучений звезд, видимых на земле, несмотря на то, что эти звезды отделены от земного шара трильонами и квадрильонами километров.

Особый интерес представило изучение лучей звезды Ригель, принадлежащей к созвездию Ориона. Это ультрафиолетовые лучи, исключительно короткие. “Большая часть лучей звезды Ригель не поддерживает жизнь, а убивает организмы. Излучения Ригеля не дают ощущения света организму, на который они падают. Это подлинные лучи смерти. В небольшом количестве такие же лучи выделяются солнцем. К счастью для нас, они почти не достигают земли, так как им трудно проникать через слои озона, находящиеся в атмосфере высоко над землей”.

“Мы обнаружили, — рассказывает Аббат, — что все звезды, окрашенные в синий цвет, принадлежат к категории смертоносных. Температура их в три раза выше температуры на поверхности солнца”.

Хорошо, что в космическом движении такие мощные лучи претворяются в пространстве. Наверное, вместо прямого разрушения они приносят и большую пользу.

Вообще, в текущие дни накапливается очень много замечательных наблюдений в разных областях, которые, в конце концов увлекают внимание все к тем же высшим энергиям, подробности которых иногда сознательно, а чаще всего бессознательно, попадают в руки человечества.

Часто встречаемся также и с другим, достойным большого внимания, явлением. В той или иной профессиональной области, часто даже с узко утилитарной точки зрения, затрагиваются вопросы, имеющие поистине всеобщее значение. Так, например, фордовский “Америкен Уикли” в Детройте сообщает любопытные данные о разных необъяснимых явлениях, которые иногда влекут за собой всевозможные катастрофы, в том числе и автомобильные. Рассказывается:

“Недавно один шофер, разбивший машину, уверял, что в тот момент, когда он с полной скоростью несся, он увидел большую собаку, от которой и свернул в сторону. Он слетел в канаву, разбил машину, но все же убедился, что никакой абсолютно собаки не было и все это было лишь странной галлюцинацией”.

“Очень часто сидящий за рулем автомобиля и попавший в катастрофу не может объяснить разумно, что заставило его потерять направление”.

“Вот еще зарегистрированный случай, который имел место в Великобритании. Автобус, совершавший регулярные рейсы между Портсмутом и Лондоном, шел под управлением очень опытного шофера. Вдруг, проходя мимо обрыва, машина начала выписывать зигзаги и свалилась туда. В результате — один убит, пять

пассажиров ранено. Шофер уверял, что он видел маленькую девочку, которая перебежала дорогу под самой машиной и которую он старался спасти”.

“В Сев. Америке в штате Арканзас был зарегистрирован случай коллективной галлюцинации. Четыре студента мчались в машине, когда правивший увидел, как какая-то повозка пересекает дорогу, и поэтому затормозил. Двое из пассажиров также видели эту повозку; но четвертый ничего не видал и был страшно изумлен, почему машина остановилась.

Оказалось, что сидевший за рулем принял за повозку тень, падавшую на дорогу”.

“Вообще нужно отметить, что коллективные галлюцинации не так редки. Один американский студент вытащил из кармана однажды, во время ссоры с коллегой, с криком — “Я тебя застрелю!” — электрическую лампу. И все присутствующие увидели, что это был настоящий револьвер”.

“Зарегистрирован очень интересный случай галлюцинации в Чикаго. Женщина убирала комнату. Вдруг раздался револьверный выстрел. Она упала, стала кричать, что ранена в грудь. По доставлении ее в госпиталь никакой раны у нее не оказалось. Но револьвер в комнате был — хотя и не заряженный: он упал от толчка на пол. Женщине показалось, что он выстрелил, что она ранена”.

“После ужасной катастрофы с кораблем “Титаник”, в 1912 году налетевшим на айсберг, множество пассажиров других пароходов, плававших через море в тех широтах, являлись на мостик к капитану, заявляя, что они видят

опасные ледяные горы. Эти горы были простыми галлюцинациями”.

Интересен случай массовой галлюцинации, известный в Англии. Битва у Мокса во время Великой войны происходила на тех же местах, где когда-то в XV веке английские лучники дрались против французов.

“И вот, когда однажды германцы наступали особенно сильно и “томми” хотели было уже ретироваться, — полк увидал своих предков, в латах, с арбалетами и с алебардами, которые вместе с ними кинулись на немцев. Атака была отбита”.

“Чем объясняет наука эти галлюцинации? Усталостью, иллюзией, отравлением алкоголем. Интересное объяснение дает им французский д-р Рауль Мург, который считает, что галлюцинация — это внезапное появление в сознании идеи, которая выныривает из подсознательного и, именно ввиду этой внезапности, приобретает большую живость”.

“Во всяком случае, явление “видений” — вовсе не только “кажущееся”, если оно может быть причиной катастроф, преступлений, несчастных случаев и т. д. Нервы у ответственных работников должны быть в полном порядке и не допускать никаких иллюзий”.

В то же время, когда журнал Америки по-своему приближается к вопросам о галлюцинациях, в Европе происходят интереснейшие опыты с передачей мысли на расстоянии. Приведем и эти данные и соображения.

“Между Веной и Берлином были произведены, под контролем ученой комиссии врачей, физиологов и психиатров, опыты передачи на расстоянии зрительных образов при помощи одного только напряжения мысли”.

“Опыты эти были организованы венским метапсихическим обществом, председателем которого состоит профессор венского университета Христофор Шредер. “Отправительной станцией” служит сам профессор Шредер, приемником — немецкий врач, член берлинского института психических наук”.

“Проф. Шредер и его два помощника сидели за письменным столом, на который сильная электрическая лампа отбрасывала яркий круг. В этот круг клали различные предметы и рисунки, на которых трое “отправителей” сосредоточивали все свое внимание до такой степени, что по истечении нескольких минут впадали в своего рода гипнотический транс”.

“Приемники” — берлинский врач и его два ассистента — в тот самый момент (заранее установленный по точным часам) начинали усиленно думать о кабинете венского профессора, о столе и о светлом круге на нем, — т. е. об обстановке, которую они предварительно видели во время посещения Вены. Постепенно перед их закрытыми глазами начинали вырисовываться неопределенные очертания предметов. Иногда они расплывались, не дойдя до конца, иногда же обретали такую ясность, что “приемник”, чертя карандашом по белому листу бумаги, получал связный рисунок”.

“Из сорока опытов, произведенных в ноябре месяце, абсолютно удались шесть. Двадцать опытов дали сомнительные результаты, остальные не удались полностью. Удавшиеся опыты сводились к следующему:

“Венский “отправитель” имел перед собой рисунок змеи с двукратным изгибом тела. Берлинский

“приемник” нарисовал змею, но только с одним изгибом”.

“Отправитель” глядел на стрелу, положенную горизонтально. “Приемник” нарисовал стрелу, но косую”.

“Отправитель” передал изображение цифры 9. “Приемник” нарисовал восьмерку, причем следует отметить, что в изображении, лежавшем перед “отправителем”, нижний хвостик девятки был загнут так; что цифру легко было принять и за 8”.

“Особенно любопытен был шестой опыт. Из Вены передали изображение цифры 5. Берлинский “приемник” начертил пятерку, но под ней поставил треугольник. Это обстоятельство чрезвычайно заинтересовало членов комиссии, которые полагают, что проф. Шредер в момент передачи, незаметно для себя, отвлекся мыслью и подумал о треугольнике. Некоторые члены высказали предположение, что таинственный треугольник — результат “паразитов”, существующих, несомненно, для телепатических передач совершенно так же, как для радио: в эмиссию припуталась по дороге чья-то чужая мысль, несшая на невидимых волнах изображение треугольника”.

Порадуемся и таким опытам, хотя они, в конце концов, и не новы, и довольно скудны. Можно бы привести целый ряд других, гораздо более показательных в этом отношении опытов, но отмечаем лишь эти, так как, судя по сообщениям, они велись под контролем ученой комиссии. Может быть, именно этот контроль случайных присутствующих понижал возможность результатов. Ведь всюду, где люди касаются тончайших энергий, они должны быть очень духовно

сгармонизованы и, вообще, сознательно утончены в высших восприятиях.

Но, сопоставляя приведенные соображения о так называемых галлюцинациях и образы, переданные на расстоянии, не придет ли мысль о том, что чьи-то мысленные послышки также будут для кого-то галлюцинациями. Предполагается, что мысль, посланная из определенного места, будет принята также в определенном месте, где ее ожидают, но, подобно радиоволнам, эти же мысли-образы будут восприняты подходящими приемниками и во множестве других мест. Это простое соображение еще раз напоминает нам, как велика ответственность человека за мысль и в каком контакте может находиться эта мысленная нервная энергия и с космическими явлениями величайшего масштаба.

Повторяю, что сегодня записываю указания из новейшей прессы не только потому, чтобы они были особенно новыми и поразительными, но также и для того, чтобы не забыть, на какие именно явления обращено внимание в повседневной печати. Хотя во многих областях еще преобладает изуверство и невежественная ограниченность, но через все эти препоны сознание человеческое, несомненно, овладевает новыми ступенями нужнейшего познания.

Часто случается, что люди от какой-то именно профессиональной точки зрения, сами того не замечая, затрагивают вопросы огромного значения. Потому-то все новейшие умозаключения должны производиться при полной и широкой открытости наблюдателя. Сегодня откроются какие-то звезды смерти, а завтра снизойдут

лучи спасения. Только бы собирать знания с полным доброжелательством и ожидать вестника не по нашему ограниченному приказу, а во всей широте истинных возможностей.

*26 января 1935 г.
Пекин.*

ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

“При большой германской санатории в Хоенлишепе учреждена специальная метеорологическая обсерватория для изучения влияния изменений погоды на больные организмы. Это влияние, притом крайне неблагоприятное, ныне считается твердо установленным, и вопрос заключается только в детализации. Университетская клиника в Фрейбурге отмечает, что резкие изменения атмосферного давления, связанные с особым видом ветров — “фенов” — влекут за собой усиленную смертность среди только что оперированных больных, вызывают ослабление сердечной деятельности и явления эмболии”.

“Д-р Отрман, заведующий этой метеорологической станцией, рекомендует хирургам при назначении операции считаться и с картами погоды и, во всяком случае, помещать оперированных в камеры с постоянным давлением, влажностью и температурой, чтобы предохранить их от вредных воздействий погоды”.

Странно читать о таких “новых умозаключениях”, которые, казалось бы, известны в течение многих и многих веков. Уже не говоря о том, что старые врачи и знахари давным-давно принимали во внимание всякие

атмосферические условия, но и в старинных врачебных книгах и манускриптах можно найти многие указания к тому же. Старинная врачебная наука очень часто не только обуславливает для успешного лечения определенные места, но и упоминает о климатических и атмосферических благоприятных и неблагоприятных условиях.

Местные лекари и знахари очень часто укажут, в какой именно местности данные ими лекарства будут особенно действительны. Они же посоветуют и лучшее время дня и другие очень внимательно наблюдаемые подробности для лучшего принятия лекарств.

Опытный врач, не только восточный, но и западный, одинаково посоветуют во время принятия лекарства не огорчаться чем-либо и даже не задумываться о чем-то постороннем, а попытаться сопровождать лекарство доброжелательною о нем мыслью.

Попробуйте поговорить с опытным садовником, и он укажет вам множество любопытных подробностей о разных как атмосферических, так и психических воздействиях на растение. Общеизвестный опыт воздействия на растение человеческой мыслью много раз уже указывался в литературе. Даже очень удаленные от науки лица иногда обращают внимание на то, что в соприкосновении с одними людьми цветы быстро вянут, а от близости к другим — цветы и растения даже расцветают и укрепляются.

Можно порадоваться, что даже и при современных, часто так затрудненных условностями наблюдениях начинают так выявляться соотношения природы и человека. К высшим, прекрасным умозаключениям ведут

такие наблюдения. Несправедливо был осмеян французский писатель Моруа, когда он указал, что тело умершего давало разницу в весе. Весомость высшей энергии, весомость и очевидность воздействий мыслей тоже не только не подлежит осмеянию, но должно быть изучаемо очень заботливо.

Хохотать-то очень легко, и глумиться тоже не трудно, но каждое допущение уже будет одной из возможностей открытия. Правда, законы тончайших условий хотя и непреложны, но очень неуловимы в земных слоях. Вот замечаем, что даже самая простая фильма иногда дает неожиданно утонченный и проницательный снимок. Но это “иногда” почти невозможно формулировать бедным земным словарем. Не раз упоминались необыкновенно удачные снимки обычно незримого мира. Пробовали установить наиболее подходящие условия для улучшения этих процессов. И обычно вместо улучшения лишь нарушали какие-то тончайшие возможности. Пытались производить опыты с наибольшей чистотой, в самых, казалось бы, менее зараженных местах; сопровождали лучшими мыслями и пожеланиями, а вместо удачного улучшения результаты вообще исчезали. Получалось странное впечатление, что какие-то самые примитивные условия будто бы могли способствовать лучшим следствиям. Значит, в этих условиях заключались еще какие-то неуловимые для испытателя подробности, которые не могли быть соблюдены даже и в формально лучших обстоятельствах. Конечно, и сама, казалось бы, противозаразная вакцина бывает смертельно зараженной, и вода, для чистоты поливаемая на руки, может оказаться ядовитой. Мало ли совершенно противных условий

возникает даже при хорошей наблюдательности. А сколько же еще неуловленных тончайших условий существуют и управляют явлениями чрезвычайной важности.

Требуется не только производить наблюдения, не только открыть в себе величайшую меру допущения, не только научиться доброжелательству, но и сизмала учиться внимательности. Надо отдать справедливость, что среди современного воспитания именно слишком мало уделяют места внимательности, а ведь на любом поприще жизни разве может быть успешным человек невнимательный! Такой невнимательный человек, прежде всего, погрязнет в самости, эгоизме, или он постепенно будет терять восприимчивость к окружающему вообще.

Но если с малых лет в самых привлекательных формах будет открываться внимательность, то какая безграничная, прекрасная наблюдательность вырастет в любых условиях жизни.

При каждом новом опыте произойдет новый оборот наблюдательности — еще тоньше, еще возвышеннее, еще проникновеннее. А наблюдательность есть порог возможности. Человек, постигший возможности, никогда не может впасть в разочарование, ибо очарование исканий такая увлекающая, высокая радость.

*20 января 1935 г.
Пекин.*

КИТАБ-ЭЛЬ-ИГАН

“Скажите:

Ныне день совершения Доказательства, проявления Слова и пришествия Утверждения!

Бог повелевает вам то, что для вас благотворно, и завещает вам то, что вас приблизит к Нему.

Во Имя Господа

Всеславного,

Всевышнего!

Цель этих строк — разъяснить, что не могут люди отыскать Море Ведения, если не отрешатся от всего, что существует. О народы земные, скиньте всякие узы, если хотите вы достигнуть становья, уготованного для вас Богом, и войти в царство, воздвигнутое Им.

Те, что идут Путем Веры и желают пить из Чаши Достоверности, должны освятить душу свою и очистить ее от всего случайного, т. е. отрешить уши свои от слов человеческих, сердце — от сомнения, порожденного великими завесами, ум — от мирских попечений, очи — от вида вещей тленных, и, положившись на Бога и взывая к Нему непрестанно, следовать путем своим, доколе не удостоятся принять Свет Божественного Знания и стать вместилищем явления бесконечных Благ.

Ибо, если вздумает человек оспаривать поучения Бога и Избранников с помощью слов, либо действий тех, кто ему подобен, ученых ли, или невежд, — никогда не войдет он в Сад Знания, никогда не приступит к Источнику Мудрости и Познания Единого Царя и никогда не достигнет вечного Становья, не вкусит из Чаши Приближения и Утомления.

Оглянитесь на прошлое: сколько людей всякого звания ждали проявления Бога в чистом образе, молясь и надеясь ежемгновенно, что повеет дыханием

божественной милости и Жених, выйдя из таинственного облака, сойдет на землю! И когда отверзлась дверь Благости, то облака Милосердия поднялись, Солнце Истины вошло на небосклоне Силы, но никто не уверовал в Него, и все отвратились от взора Его, и однако — то был взор Божий! Вот, что являют нам священные книги. Поведайте ныне, почему те, что взыскали Его и ожидали, стали прекословить Ему так, что не выразить того ни пером, ни словом? Ни одно из чистых проявлений, ни одна из Зорь единства Божия не могла показаться, не возбуждая противодействий и ненависти повсюду. Ведь сказано Богом: “О, как несчастны сии люди! К ним приходит пророк, и они только смеются над ним. Каждое из тех племен составляло умыслы против посланника к нему, чтобы взять верх над ним: они вступали с ним в споры, чтобы ложью опровергнуть истину”.

И слова, как бы нисшедшие из Облаков Силы и Неба Величия, столь многочисленны, что их всех не познать. Перечтите главу эту со вниманием и размыслите, пока не поймете назначения Пророков и противодействий, которым подвергались они со стороны проклятого. Быть может, тогда удастся заставить людей бежать от состояния беспечности, в котором обретается душа их, к Гнезду Единства и Знания, заставить их пить Воду вечного Ведения и обрести Плоды Познания Божия величия.

То жребий святой и вечный, удел чистых душ за божественной трапезой, нисшедшей с небес”.

Намаз в пустыне. Среди многих трогательных обликов вы не забудете также и одинокую фигуру путника, разостлавшего на розовых песках свой ковер и склонившегося в поклоне. Именно эта одинокость среди безграничных рдеющих песков, она может быть более запоминаема, нежели сама тамга Тамерлана.

В пустыне нелегко представить себе бесчисленные орды, но одинокая фигура как нельзя более отвечает. “Бегство в Египет”, “Агарь с Измаилом”. Все эти образы за пределами веков и народов всегда убедительны.

Белая пустынная кость, которая сверкает издалека, и пустынный орел, и где-то такой же пустынный дикий конь, а может быть, вовсе и не дикий, а отбившийся. Вся пустыня именно пустынностью своею собирает внимание даже на малейшем кустике тамариска. А если увидите в пустыне голубя, то какие необыкновенные образы свяжутся с этим неожиданным появлением! Некоторые слова должны звучать в горах, другие требуют ковыльно-шелковую степь, третьи нуждаются в зеленом лесном шуме. Так есть и слова, которые рождаются лишь в пустыне. К тому же Богу, к тому же средоточию воззовут слова и из песков. Если сердце приветливо знает слова, пещерные и нагорные, если оно бережет в себе подводные и надоблачные грады, оно ласково улыбнется и словам пустынь. Не в буране и вихре, и смерче, но в закатном рдении барханов сердце улыбнется тому одинокому путнику, который прервал путь, оставил земные дела, не поторопился к кишлаку, но воззвал к Высочайшему.

Бесчисленны рисунки барханов; где она, дорога шелковая? Где путь воинств? Где путь посланников мира? В иероглифах пустыни стерлись пути и тропинки. Пел Джелал Ал-дин Руми: “Мое место — безместно, мой след — бесследен”. Где-то, тоже в пустыне, стоят дворцы царицы Савской. Берегут их арабы, но железные птицы уже чертят воздух над ними. Неужели уже не безопасны сокровища?

* * *

Вабиса бен Мабад повествует: “Я предстал однажды перед пророком. Он угадал, что я пришел, чтобы спросить его, что есть добродетель? Он сказал: спроси свое сердце; добродетель это то, на чем успокаивается душа, на чем успокаивается сердце; грех это то, что возбуждает беспокойство в душе и что поднимает бурю в груди, что бы ни думали об этом люди”. “Положи руку на сердце и спроси его, что доставляет беспокойство твоему сердцу, — того не делай”.

*25 января 1935 г.
Пекин.*

СКАЗКИ

Сказки про Василису Прекрасную, про Серого Волка и Ивана Царевича, про Щучье Веленье изданы в Харбине под редакцией Вс. Н. Иванова. Маленькая книжка, стоящая всего десять фен и таким порядком очень доступная. У Вс. Н. Иванова давно была прекрасная мысль об издании в самой доступной форме образцов русской литературы. И в сказках, и в былинах, и в великих творениях наших поэтов и литераторов

действительно находятся те жемчужины, которые так неотложно нужно напоминать народному сознанию.

Возьмете ли вы, хотя бы в извлечениях, Гоголя, Пушкина, Достоевского, наконец, полузабытых-полунепонятных глубокомыслящих славянофилов — всюду находите все то, что так спешно нужно для целений сердца народа. Отрывки Гоголя, или листы дневника писаний Достоевского, или мысли Леонтьева, Хомякова и всех, кто доброжелательствовал России, — как всегда свежи эти мысли, ибо они рождались из великой самоотверженной любви и стремились помочь народу в трудных его путях.

Правильна мысль таких общедоступных книжек и потому, что им нужно сейчас проникнуть в самые глухие и удаленные места, где в ожидании трепещут сердца, и в рассеянии сущих, и угнетенных, и обездоленных, и все же горящих великою любовью к строению.

В одном текущем месяце, кроме названных сказок, изданы еще восемь народных русских сказок: про Волка, Медведя, Лисичку-Сестричку, про Козу и Козлят, про Журавля и Цаплю, про Кота да Петуха, про Муху, про Репку; а к двадцатому января уже успела выйти и “Шинель” Гоголя — одно из необыкновенно проникновенных, хотя и не всегда понятных, творений великого мастера.

А что, если бы сделать русским людям усилие, отбросить всю шелуху и наросшую шершавость и опять сойтись в труде. Одна эта мысль об общедоступных изданиях жемчужин народного самосознания, уже это помогло бы взаимопониманию.

И не только по-русски требуются эти маленькие книги. Их нужно дать на разных языках и в таких же общедоступных изданиях. Ведь должны они на разных языках проникнуть тоже в народные толщи. Должны проникнуть туда, куда не дойдет толстая, дорогая книга. Пусть они, эти жемчужины, сделаются совсем доступными и проникнут в далекие фермы, на далекие острова, в хижины — там, где подчас так ждут каждое печатное слово. В то время, когда мы думаем, что уже многое стало доступно и понято, то, на самом деле, действительность говорит нам о чем-то совсем другом.

Мы сами видели детишек, подбирающих картинки от спичечных коробок. Знаем, как за любую иллюстрированную измятую страницу газеты люди готовы дать продукты, лишь бы украсить стену своей хижины, а если возможно, то и прочесть. Говорю “если возможно” не к тому, чтобы попрекнуть кого-то в неграмотности, а к тому, что грамотность-то эта на многих языках, и на этих разных языках нужно говорить о прекрасном.

Нужно сказывать множеству различных людей, мысли и древние, и новые, ибо все они говорят о том же, что и не древне, и не ново, но вечно. Переведите наши сказки и былины на всевозможные западные и восточные языки, и сколько сердец возрадуется, восчувствовав себе близкое. Вот сказка про Василису Прекрасную, построенная на сказаниях о Терафиме, а Серый Волк для изменения образа бьется о землю, и по “щучьему”, мысленному, велению двигаются и действуют предметы. Ведь это все поймет и индус, и араб, и китаец, и еще один мост

взаимопонимания — радушный, воздушный, но и прочный, соткется.

Скажите о Граде Китеже, и бретонский пастух закивает вам в ответ, прочтите “Песнь о Полку Игореве” в скандинавских странах, или расскажите в далеком Ассаме об оборотнях, или об Антее в Греции — всюду вам приложат свои понимания и дополнения. А разве не затрепещут в понимании сердца разных народов от образов Гоголя, а сколько неожиданных пониманий вызовут страницы дневника Достоевского! Но именно не нужно надеяться на многотомные дорогие издания, нужно давать как можно доступнее. Для этой доступности нужно изобрести наилучшие меры, и сказки станут сказаниями, а сказания очертят вечную быль.

Такие же совершенно общедоступные отрывки сокровищ восточной и западной мудрости должны быть даваемы и по-русски. Должны быть даны в том звучно-привлекательном переводе, на который способен русский язык. Вспоминаю, как Балтрушайтис прекрасно передавал песнь Тагора, как Бальмонт неповторимо звучал в образах лучших иностранных поэтов, как, наконец, “Бхагавадгита” прекрасно зазвучала именно на русском, может быть, лучше чем на некоторых других западных языках. И Эдда, и “Калевала”, и Гаявата, и “Панчатантра” — все прекрасно поддается звучному и эластичному языку русскому.

Но все, что издавалось до сих пор, было заключено или в дорогостоящие многотомные издания, или давалось в книгах роскошных. Но ведь все эти красоты должны быть широко даны всем народам и, как в звуках и красках, так же соединить их в слове звучащем. Также

широконародно нужно дать, хотя и в общедоступных, но вполне художественных произведениях наши иконописные изображения. Ведь об истинной красоте их так немногие знают. И в невежестве, в незнании могут похулить ценности истинные. Главное же во всех случаях сейчас нужна — общедоступность.

Обеднело человечество и оскудело духовно. Поэтому так радуемся, видя каждое прекрасное, но и доступное издание. Итак, тесная быль обратится в сказание, а из сказания вырастет опять сказка. Жизнь — прекрасная сказка.

*30 января 1935 г.
Пекин.*

СЕРОВ

Вот уже четверть века, как от нас ушел Валентин Александрович. Столько событий нагромоздилось за этот срок, но облик Серова не только в истории искусства, но у всех знавших его в жизни стоит и свежо, и нужно.

Именно в нужности его облика заключается та убедительность, которая сопутствовала и творениям его, и ему самому. Ведь это именно Серов говаривал: “Каков бы ни был человек, а хоть раз в жизни ему придется показать свой истинный паспорт”. Истинный паспорт самого Серова был известен всем друзьям его, его искренность и честность вошли как бы в поговорку; и действительно, он твердо следовал за указами своего сердца. Если он не любил что-либо, то это отражалось даже и во взгляде его. Но если он в чем-то убеждался и

чувствовал преданность, то это качество он не боялся высказывать и словом, и делом.

Эта же искренность и добросовестность сказывались и во всей его работе. Даже в самых его эскизах, казалось бы небрежно набросанных, можно было видеть всю внутреннюю внимательность и утонченность, и углубленность, которыми дышал и весь его облик. Молчаливость его проистекала от наблюдательности. Сколько раз после долгого молчания он совершал какой-нибудь поступок, показывавший, насколько внимательно он уследил все происходившее. На собраниях он участвовал редко. Большею частью молчал, но его внутреннее убеждение оказывало большое влияние на решение. Портреты свои он иногда писал необыкновенно долго. Нередко, даже для рисунка, ему требовался целый ряд сеансов. Та же суровая углубленность, которая вела его в жизни, она же требовала и внимательности и желала выразить все наиболее характерное.

Вспомните его портреты, начиная от незабываемой девушки в Третьяковской галерее. Вспомните Гиршман, его и ее, и Морозова, и Римского-Корсакова, и портрет Государя в тужурке с необыкновенно написанными глазами. Мне передавали, что именно этот портрет, изуродованный, с выколотыми глазами, принесли в нашу школу Общества Поощрения Художеств, подобранный кем-то на площади Зимнего дворца после революции. Не потому ли были выколоты глаза, что они были уж очень хорошо написаны. Экая жестокость! Уцелели ли и некоторые другие портреты Серова? Ведь судьба сокровищ частных собраний подчас была так неопишима. Беспокоит нас и судьба огромного панно-

занавеси, написанного Серовым для Дягилевской антрепризы. Писал Серов это панно не просто, как пишут декорации, но со всем тщанием, как бы фреску. Неужели где-то среди изношенных театральных холстов изотрется и это, необычайное для Серова, панно. Помню, что мои “Сеча при Керженце” и “Половецкий стан” в постоянных перевозках претерпели неопишуемые превратности. Не знаю, где может быть в настоящее время и панно Серова? Знаю лишь одно, что если оно не изуродовано в жестоких переездах, то место ему в одном из лучших музеев.

Поучительно наблюдать, как от первых портретов, в характере девушки в Третьяковской галерее, Серов, не меняя основ своих, следовал на гребне волны и в технике, и в заданиях. Вспоминаю его последующие “Похищение Европы” или “Павлову”, или его Петровские проникновения. Всюду он оставался самим собой, но, в то же время, он говорил языком современности. Это не были временные подражания, именно в природе Серова никаких подражаний и не могло быть, он всегда оставался самобытным и верным своему сердцу. Он не подражал, он говорил понятным языком. Вполне естественно, что со временем он начинал искать возможности новых материалов; помню, как он приходил советоваться о грунтовке холста и о так называемых Вурмовских, Мюнхенских красках, которые мне в свое время очень нравились.

Теперь, с проходящими годами, все более нужным становится облик Серова в истории Русского искусства. В группе Мира Искусства присутствие Серова дает необыкновенный вес всему построению. Если бывали арбитры элганции, то Серов всегда был арбитром

художественной честности. Если припомнить все его причастие в совете Третьяковской галереи, можно смело сказать, что он был самым непартийным, справедливым и строгим членом этого совета. Время его участия в делах галереи останется особенно ценным, и все последующее управление ее делами было очень далеко в своем беспристрастии, в основательности выбора. Случайности не было в поступках Серова. Этот человек, заключенный в себя, молчаливый, иногда исподлобья высматривающий, знал, что делал. А делал он творческое, честное, прекрасное дело в истории Русского искусства. Не менясь в сердце своем, Серов мало менялся и в своем внешнем облике. У меня сохраняется репинский рисунок Серова в молодости. Один из характерных, репинский рисунок, сделанный с любовью и как бы в прозрении сущности запечатленного лица. Та же самоуглубленность, тот же пронизательный взгляд, то же сознание творимого, как и всегда, во всей жизни Серова.

Как хорошо, что, наряду с Суриковым, Репиным, Васнецовым, Нестеровым, Куинджи, был у нас и Серов, засиявший таким прекрасным, драгоценным камнем в ожерелье драгоценного Русского искусства.

*31 января 1935 г.
Пекин.*

КРЫЛАТАЯ ЧУМА

В Сан-Джеминиано при нас открыли палату при церкви, замурованную после одного из средневековых чумных бедствий. В прекраснобашенном городе ничто не

напоминало больше о черной заразе. По вычислениям было известно, что чумная зараза уже иссякла и палату можно было открывать. Конечно, народ еще боялся и немногие рисковали входить в эту высокую залу, расписанную фресками Гоццоли. Конечно, замурованность этой палаты, прежде всего, благотворно отразилась и на сохранности самих фресок. Некому было их перечищать или перемывать и чистить.

Рассказы о чуме особенно всколыхнули, когда вспомнилась эта замурованная палата. Среди прочих эпитетов чумы, ее почему-то называли “крылатой”. Очевидно, в этом подчеркивали неожиданность появлений этой эпидемии. Действительно, без всяких, казалось бы, очевидных поводов, вдруг вспыхивала страшная черная смерть. Точно истощив гнев свой, она пролетала дальше и опять опускалась в неожиданном месте, в неожиданных условиях. В конце концов и все так называемые эпидемии налетали всегда без каких-либо предварительных местных признаков.

Почему-то особенно сильно вспыхивали они обычно вовсе не там, где их предполагали. И само исчезновение их хотя и было обусловлено принятыми мерами, но также как бы зависело еще от каких-то незримых условий.

Сейчас, поверх сказок и поверий давнего прошлого: “Американский биолог Бернард Э. Проктор предпринял серию опытов с целью установить, на какой высоте над землей прекращается всякая жизнь. Проктор прибег к помощи летчика американской армии, специализировавшегося на подъемах на большую высоту; к одному из крыльев аэроплана была приделана трубка, перегороденная посреди листом промасленной

бумаги. При скорости аэроплана в 250 километров в час встречный воздух с силой врывался в трубку, причем промасленная бумага играла роль фильтра, задерживавшего все микроорганизмы”.

“После каждого полета бумажный фильтр доставлялся в лабораторию проф. Проктора, где подвергался тщательному бактериологическому исследованию. В результате 40 полетов на высоту 5000 метров установлено, что в этих слоях воздуха встречается не меньше 29 видов различных видов микроорганизмов бактерий, дрожжевых грибов и т. д., а также спор и семян растений”.

“После 5000 метров количество видов уменьшается, но бактерии и грибки попадают в больших количествах до 7000 метров. Далее, между 7—10 км фильтр задерживает только несколько видов бактерий, которые, однако, отлично выдерживают как разряженность воздуха, так и низкую температуру предстратосферной области. Выше 10 км опыты не производились, но кривая, вычерченная проф. Проктором на основании добытых материалов, позволяет предполагать, что жизнь продолжается и в самой стратосфере”.

“Проф. Проктор вывел из результатов этих опытов любопытное и неожиданное заключение: он указывает на роль, которую могут играть в распространении заразных болезней бури и циклоны. Вихрь, проносящийся над пораженной эпидемией местностью, способен захватить и унести ввысь мириады микробов, которые могут затем, следуя воздушным течениям верхних слоев атмосферы, передвигаться на сотни и тысячи километров (таким именно образом вулканическая пыль, выброшенная во

время извержения Каракатау, была занесена в Европу). Средневековое представление о крылатой чуме приобретает как будто характер научной теории”.

“Проф. Проктор считает, что многие эпидемии, вспыхивающие неожиданно на огромной территории, имеют именно такое происхождение”.

Таким порядком еще раз подсказывается, насколько космические условия связаны с людскими условиями быта. Еще раз указывается, насколько из нежданных, по человечеству, областей, прилетают как мрачные, так и целительные вести. Древние если и не знали более выразительных формул, то, по существу, характеризовали такие космически человеческие явления достаточно выразительно.

Крылатость эпидемий и сейчас остается, как видим, довольно хорошим определителем. На каких-то неведомых крыльях переносятся опасные частицы. На каких-то других крыльях долетает и спасение. Хотелось бы скорей слышать, как ученые уловят и целительные эпидемии.

Приходится слышать о целых, как бы обреченных на опускание островах и частях материков. С точными цифрами в руках ученые доказывают, что или должны быть заполнены какие-то гигантские подводные ущелья, или целые цветущие острова должны сползти в эти бездны. Если крылата чума и прочие ее мрачные союзники, то и подземная, подводная работа тоже угрожает неисчислимыми последствиями. Конечно, нам разъяснят, что всякие такие опасности выявляются в каких-то миллионах лет. Нам напомнят, как один слушатель таких лекций переспросил ученого,

предполагался ли конец мира через биллион или два биллиона лет, и, услышав предположение о двух биллионах, вздохнул успокоительно. Такие предположения, конечно, успокоительны для человеческого быта. Но если мы просмотрим некоторые списки землетрясений, то те же ученые нам скажут, что и биллионные сроки могут значительно измениться. Таким образом, если даже чума называлась крылатой, то какие же определительные можно приложить и к прочим, не менее потрясающим, природным процессам?

Во всяком случае, если крылатость была применима к таким мрачным вестникам, то еще большая подвижность и целительность должна быть выражена в требованиях всяких оздоровлений. Из тех же стародавних времен, когда перечисляются многие, несомненно существовавшие, а затем исчезнувшие острова, сообщается в грозных словах и о причинах этих исчезновений. Обычно эти исчезновения приписываются какому-то человеческому нечестию, или гордыне, или излишнему самомнению. В этих легендах люди хотели по-своему выразить тоже связь человеческого духа с космическими явлениями. Действительно, сильна эта связь; не даром среди ближайших задач науки есть исследование мысли.

*2 января 1935 г.
Пекин.*

НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ

Исчерпаемо ли? ИстоЩаемо ли?

В плане физическом, как и все, — истощимо, но в плане духовном — во всем лежит именно неистощимость. И по этой мере, прежде всего, разделяются эти два плана. Если вам говорят, что нечто истощилось, — мы знаем, что это касается чисто внешнефизических обстоятельств.

Творец воображает, что его творчество иссякло, и это будет, конечно, неверно. Просто имеются или возникли какие-то причины, препятствующие творчеству. Может быть, что-то произошло, нарушающее свободное выделение творчества. Но само по себе творчество, раз оно вызвано к деятельности, оно неиссякаемо, точно так же, как непрерывна и ненарушима психическая энергия как таковая.

При современной смятенной жизни это простое обстоятельство иногда приходится напоминать. Люди уверяют, что они устали, сами себе внушают, что творчество их иссякло. Повторяя на всякие лады о трудностях, они, действительно, опутывают себя целою паутиною. В пространстве, действительно, много перекрещенных губительных тонов. Они могут влиять на физическую сторону явления. Людям же, которые так привыкли строить все в пределах физических, начинает казаться, что эти внешние вторжения убивают и сущность психической энергии. Впрочем, даже и это выражение часто покажется чем-то неопределенным, ибо люди до сих пор редко задумываются по поводу такой основной благословенной энергии, неисчерпаемой, неистощимой, если она осознана.

Вообще вопрос об осязательности очень неясен в человеческом обществе. Каждому приходится слышать,

как иногда человек дает совершенно определеннейшие данные, но слушатели невоспитанным вниманием своим скользят поверх них, а затем уверяют, что было дано лишь неприложимо-отвлеченное. Мне самому часто приходилось быть свидетелем, как люди давали показания совершенно определенные и обоснованные, а им на это отвечали — “нельзя ли что-нибудь поближе к делу, определеннее”. Такой вопрос лишь показывал, что слушатель вовсе не собирался принять во внимание ему сказанное, он хотел услышать только то, что почему-либо ему хотелось услышать. И под этим самовнушением он иногда не мог даже и оценить всех тех определенных фактов, которые ему сообщались. Ведь так часто люди хотят слышать не то, что есть, а то, что им хочется услышать. “Самый глухой тот, который не хочет слышать”.

Нежелание слышать и видеть порождает не только сугубую несправедливость, но нередко является как бы духовным самоубийством. Человек до такой степени уверит себя в том, что он чего-то не может, до такой степени забьет свою основную энергию, что, действительно, попадает во власть всяких внешних физических и психических вторжений.

Каждый слышал, как некоторые так называемые нервнобольные не могут перейти улицу, или не могут подойти к окну, или, наконец, впадают в ужас подозрительности. Если проследить, как именно начались эти убийственные симптомы, то всегда можно найти маленькое, даже трудно уловимое, начало подавленности психической энергии. Иногда оно будет

настолько косвенно затронуто и начнется от чего-то совершенно случайного.

Именно такие случайности могли бы быть вполне отражены, если была бы развиваема внимательность к происходящему вокруг. Ведь эта внимательность помогла бы заметить также, что основная энергия неистощима. Одно это простое, ясное осознание уберегло бы многих от бездны отчаяния и разочарования. Так, страдающий бессонницей иногда найдет причину ее в самом внешнем, реальном обстоятельстве. Также человек поймет, почему издревле сказано, что если трудно себя заставить думать, то еще труднее заставить себя не думать.

Когда человек угашает свой энтузиазм, он это делает тоже в силу каких-либо чисто внешних обстоятельств. Если бы по внимательности он понял, насколько случайны и преходящи эти обстоятельства, то он отмахнулся бы от них, как от назойливой мухи. Но ни в семье, ни в школе детей к внимательности не приучают, а затем впоследствии удивляются, почему человек “из-за кустов леса не видит”. Да и часто ли вообще в семьях говорят о сердечном огне, о вдохновении, об энтузиазме? Ведь слишком часто семейное сборище сводится лишь к осудительным и мертвящим обменам колючими словами. Но опять-таки издревле отовсюду доносятся зовы и приказы о хранении в чистоте колодцев вдохновения и творчества как мыслью, так и делом.

“Радж-Агни, так называли тот Огонь, который вы зовете энтузиазмом. Действительно, это прекрасный и мощный Огонь, который очищает все окружающее пространство. Мысль созидаящая питается этим Огнем.

Мысль великодушная растет в серебряном свете Огня Радж-Агни. Помощь ближнему истекает из этого же источника. Нет предела, нет ограничения крыльям, сияющим Радж-Агни. Не думайте, что Огонь этот загорится в мерзком сердце. Нужно воспитывать в себе умение вызывать источник такого восторга. Сперва нужно уготовить в себе уверенность, что приносите сердце ваше на Великое Служение. Потом следует помыслить, что слава дел не ваша, но Иерархии Света. Затем можно восхититься беспредельностью Иерархии и укрепиться подвигом, нужным всем мирам. Так не для себя, но в Великом Служении зажигается Радж-Агни. Поймите, что Мир Огненный не может стоять без этого Огня”.

*3 февраля 1935 г.
Пекин.*

СТОЙКОСТЬ

Встает передо мной нечто незабываемое из моей первой выставки в Америке. В одном из больших городов местный богач и любитель искусства приветствовал меня большим, парадным обедом. Все было и обширно, и роскошно, присутствовали лучшие люди города. Как всегда, говорились речи. Хозяин и хозяйка, оба уже седые, радушно и сердечно беседовали с гостями. Во всем была полная чаша, и хозяйка обратила мое внимание, что все комнаты убраны в синих и лиловых цветах, и добавила:

“Именно эти тона я так люблю в Ваших картинах”.

После обеда одна из присутствовавших дам сказала мне:

“Это очень замечательный прием”, — и пояснила: “Вероятно, это последний обед в этом доме”.

Я посмотрел на мою собеседницу с изумлением, а она, понизив голос, пояснила:

“Разве Вы не знаете, что хозяин совершенно разорен и не дальше как вчера потерял последние три миллиона”.

Естественно, я ужаснулся. Собеседница же добавила:

“Конечно, это тяжело ему, особенно принимая во внимание годы. Ведь ему уже семьдесят четыре”.

Такое несоответствие услышанного со всею видимостью, а главное, с видимым спокойствием хозяев, было поразительным. С тех пор я стал интересоваться особенно их судьбою. Оказалось, через три месяца после этого обеда они уже жили в своем гараже. Казалось бы, все было потеряно, а через три года этот же деятель был опять в миллионах и жил в прежнем своем доме-дворце.

Когда я говорил его знакомым о моем удивлении, почему многочисленные друзья и, наконец, город, которому он пожертвовал так много, не помогли ему, мне сказали: “Во-первых, он не принял бы помощи, а во-вторых, такие бури жизни ему не впервые”.

Этот последний разговор происходил в большом клубе, где в спокойных креслах около окон сидело много почтенных людей, читая газеты и беседуя. Мой собеседник, указывая на них, сказал:

“Все это миллионеры. Спросите их, сколько раз каждый из них переставал быть миллионером и вновь им делался”.

А члены клуба продолжали спокойно читать и весело беседовать, как будто бы никогда никакие житейские бури не проносились над ними. Я спросил моего приятеля, как он объясняет себе это явление? Он пожал плечами и ответил одним словом:

“Стойкость”.

Действительно, это понятие стойкости должно быть отмечено среди других основ, нужных в жизни. Мужество — одно, доброжелательство и дружелюбие — другое. Трудолюбие — третье. Неустанность и неисчерпаемость — четвертое. Энтузиазм и оптимизм — пятое. Но среди всех этих основ и многих других, так нужных, привходящих светлых утверждений, стойкость будет оставаться, как нечто отдельное, незаменимое и дающее крепкое основание преуспеянию.

Стойкость вытекает из большого равновесия. Это равновесие не будет ни холодным расчетом, ни презрением к окружающему, ни сомнением, ни себялюбием. Стойкость всегда будет иметь некоторое отношение к понятию ответственности и долга. Стойкость не увлечется, не поскользнется, не зашатается. В тех, кто шел твердо до последнего часа, всегда была стойкость.

В наши дни смущений, многих разочарований, узких недоверий, должно быть особенно благословенно основное качество стойкости. Когда люди так легко впадают в самую непристойную панику, именно стойкий человек внесет здравые понимания и удержит многих от ужаса падения в хаос. Когда люди сами себя стараются убедить во всевозможных древних небывальщинах, именно стойкий человек поймет в сердце своем, где есть

безопасный выход. Когда люди впадают в такое безумие, что даже краткий шквал им уже кажется нескончаемой бурей, именно стойкость напомнит и о соизмеримости.

Может быть, скажут, что стойкость есть не что иное, как благоразумие. Но будет вернее сказать, что из благоразумия порождается также и стойкость. Ведь в понятии стойкости уже есть совершенно реальное выражение. Стойкость нужна именно здесь, на земном плане, где так много обстоятельств, от которых нужно устоять. Потому-то так полезно среди множества понятий благоволения, сотрудничества и преуспевания усмотреть смысл и ценность стойкости. Недаром люди с особенным уважением всегда подчеркивают, как стойко человек выдерживал то или иное нападение, напряжение, или неожиданные удары. Подчеркивается в таких случаях и зоркость, и находчивость, но всегда будет отмечена и стойкость, как нечто положительное, прочно стоящее на чем-то осознанном. Как пример стойкости и выдержки, вспоминается одна быль из Сан-Франциско.

Приехал иностранец. По-видимому, был богат. Был принят всюду в обществе. Приобрел много друзей. Укрепились за ним репутация хорошего, доброго и богатого приятеля. Тогда он поехал к особо выказавшимся новым друзьям, с просьбою одолжить ему десять тысяч долларов на новое дело. Произошло нечто любопытное, хотя и очень обычное. У всех его друзей нашелся достаточный предлог, чтобы отказаться или уклониться от этой просьбы. Мало того, в обществе сразу пробежало отчуждение и холодное отношение к нему. Тогда иностранец поехал к некоему человеку, который с самого начала относился к нему довольно холодно.

Объяснил ему дело и просил десять тысяч. На этот раз была вынута немедленно чековая книжка и написана сумма. На следующий день иностранец вновь приезжает к тому же лицу. Тот спрашивает:

“Разве что-нибудь случилось, или Вы неверно вычислили цифру; может быть, она мала?”

Но иностранец достал из кармана вчерашний чек, отдал его хозяину и сказал:

“Деньги мне не нужны. Я лишь искал компаньона, которым и предлагаю Вам быть”.

Всем же остальным так называемым друзьям, которые опять обернулись к нему, он сказал:

“Вы меня кормили обедами; помните: мой стол всегда накрыт для Вас” — Мистер Л. в Сан-Франциско помнит это.

Сколько поучительных страниц дает сама жизнь. Воображение есть не что иное, как припоминание.

*6 февраля 1935 г.
Пекин.*

ЭПИДЕМИИ

В истории человечества особенно любопытную страницу представляют эпидемии безумий.

Совершенно так же, как всякие другие заразные эпидемии, многократно, на разных материках, появлялись эпидемии безумия. Целые государства страдали злостно навязчивыми идеями в разных областях жизни. Конечно, особенно часто эти эпидемии выражались в сфере религиозной, в сфере суеверий, а также в пределах государственной подозрительности.

Если сейчас оглянуться на страницы всяких религиозных мученичеств, на темные воспоминания об инквизиции и всяких массовых безумиях, то совершенно ясно встанет картина настоящей непреувеличенной эпидемии.

Так же, как всякая эпидемия, и эта болезнь безумия вспыхивала неожиданно, часто как бы по малой причине и разрасталась с необыкновенной быстротой в самых свирепых формах. Вспомните хотя бы всякие процессы о ведьмах, которым даже верится с трудом.

Но сейчас доктор Леви-Валенси сообщает несколько любопытных данных, напоминающих опять о возможности эпидемии безумия.

Доктор говорит: “В былые времена сумасшедшие жаловались на дьявола, который жаждет погубить их душу и тело; пророчествовали или кощунствовали”.

“Сумасшедшие сегодняшнего дня, — по словам доктора Леви-Валенси, — бредят делом Стависского, Пренса; желают реформировать государство и т. д.”.

“Несколько лет тому назад, в разгар жилищного кризиса, множество больных жаловалось на то, что их хотят выселить из квартир. Теперь жилищный кризис прошел, зато началась безработица. И умалишенные упорно утверждают, что их хотят лишить службы, работы, “шомажных” денег...”

“В горячем бреде непрерывно упоминается о кознях масонов, сюртэ. Леви-Валенси рассказывает о банковском служащем, 44 лет, который жалуется на преследования со стороны евреев и могущественных иностранных синдикатов, во что бы то ни стало желающих поступить с ним, как с Пренсом... За ним

постоянно следят два субъекта: однорукий и один агент полиции “с лицом убийцы”. Опасность угрожает также его жене...”

“13-летний мальчик охвачен манией преследования. Он убежден, что скомпрометирован в деле Стависского и что “мафия” уберет его со своего пути”.

Конечно, эти сведения доктора отрывочны и случайны. Конечно, его коллеги психиатры могут дополнить им сказанное множеством всяких примеров. Исследователи должны наблюдать не только уже в стенах лечебниц. Они должны широко присматриваться во всей жизни. Ведь главное количество безумцев не попадает в лечебницу. Они остаются на свободе, подчас занимают очень ответственные места. Для того чтобы вмешался врачебный надзор, нужны повторные и особенно яркие проявления. А сколько же деяний было совершено, пока безумец почитался дееспособным и в полной свободе совершал множество преступлений.

С исторической стороны этот вопрос очень сложен. Известно, что даже высокие государственные деятели и главы стран, еще находясь на своих должностях, впадали в острое безумие. Несмотря на попытки скрывать его, припадки становились настолько явными, что безумцев так или иначе изымали из деятельности. При этом ни для кого не оставалось тайною, что эти деятели болели уже некоторое время.

Спрашивается, что же делать со всеми декретами, постановлениями и резолюциями, которые были сделаны уже во время безумия? Значит, в государственную и общественную жизнь целых стран, может быть даже продолжительно, вторгалось безумие. Рука безумца

продолжала совершать акты в уже явно болезненном состоянии. Должны ли быть такие акты признаваемы нормальными? Это такой ответственный вопрос, которого всячески избегают юристы.

В конце концов, на него невозможно ответить. Вспомним хотя бы те примеры безумия должностных лиц, которые обнаруживались на нашем веку. Кто же мог бы вполне определить, когда именно началось это безумие, закончившееся так явно. Сколько раз, вследствие так называемого острого нервного расстройства, должностным лицам спешно предлагался отпуск, а затем они оказывались в определенной лечебнице. Но ведь до момента этого отпуска или отставки было совершено очень многое.

Всегда ли пересматривается то, что было совершено уже в болезненном состоянии? Известны случаи, когда главы государств действовали уже в припадке безумия. Как же быть с теми государственными актами, которые были утверждены безумцами? На протяжении истории известны многие такие прискорбные явления.

Сейчас доктор Леви-Валенси чрезвычайно своевременно поднимает вопрос об эпидемиях безумия. Люди, отравленные всевозможными нездоровыми условиями жизни, особенно легко поддаются всяким безумным маниям.

Мы совершенно не знаем, как влияют на психические возбуждения многие из вновь вызываемых в действие энергий. Также напряжения не могут быть нейтральными, они как-то воздействуют, но вот это “как-то” сейчас представляется особенно великим неизвестным.

Во всяком случае нужно приветствовать голоса ученых, врачей и в данном случае психиатров, которые помогли бы спешно разобраться в происходящих мировых смущениях.

Будет полезно, если бы внимательные наблюдатели не поленились сообщить врачам замеченные ими всякие необычайные проявления. Такие сторонние сообщения могут с великою пользою толкнуть мысль испытателя.

Ведь сейчас происходят многие новые формы эпидемий. Особенно озлобилась инфлюэнца, иногда доходящая до форм легочной чумы, и, конечно, необыкновенно осложнились всякие психозы.

Широкое и неотложное поле действия для всех исследователей. Отметки истории, хотя бы и в кратких и своеобразных упоминаниях, тоже могут навести на разные полезные размышления.

*12 февраля 1935 г.
Пекин.*

ХУДОЖНИКИ

В Париже живет Константин Коровин. Сколько мыслей о русской национальной живописи связано с этим именем. Многим оно запомнилось как имя великолепного декоратора, исполнителя самых разнообразных театральных заданий. Но это лишь часть сущности Коровина. Главный его смысл — это самобытное дарование, проникнутое национальной живописью. Он именно русский художник, он — москвич, не в степени московщины, но в размахе Русском. Обратясь к богатому ряду коровинских картин,

видим в них ту истинно Русскую ценность, которой восхищаемся и в творениях Сурикова, и Рябушкина, и Нестерова, и Апполинария Васнецова.

И никогда имена этих крупнейших художников не вынет писатель истории Русской культуры. Не в том дело, что они были различны в своем темпераменте. Но в том дело, что они мыслили и расцветчивали понятия великой Руси каждый по-своему. Драгоценно именно то, что они составили в истории русской живописи прекрасное ожерелье, которое запоминает каждый иностранец, желающий познавать истинную Россию.

Много русских художников. Многие из лучших из них собрались около Парижа. И Малявин, и Александр Бенуа, и Яковлев, и Сомов и, наездами, Григорьев, — целая семья, восполнившая одну из лучших страниц истории Русского искусства.

Сейчас исполняется очень знаменательный срок — 35 лет со времени всемирной Парижской выставки, которая для русского искусства была так знаменательна.

На этой выставке все запомнили чудесное панно Коровина и восхитились Малявинской мощью. Через 30 лет взошли многие семена, посеянные этой группой русских художников.

Всегда много русских в Париже; переживали они и лучшие, и худшие времена. Бывало им и легче, и опять начинался какой-то сплошной кризис. Во всех этих волнах, во всех разнообразных суждениях, сколько раз государственные деятели Франции поминали именно Русское художество, как один из неоспоримых магнитов, спаявших бывшее франко-русское понимание.

Дягилевский балет и опера! А сам Шаляпин!

Ведь это не была простая театральная антреприза, это были прекраснейшие посланники, вестники русские, которые навсегда закрепили низкий, приветливый поклон незабываемой России.

А разве помыслят сейчас иностранцы о русской музыке без имени Мусоргского, Римского-Корсакова и без живущих сейчас в Париже наших славных Стравинского и Прокофьева?

А все писатели, философы, ученые, — они встали как светлые вехи от прошлого к светлому будущему! Кто же не знает сейчас в Европе Мережковского, Ремизова, Бунина, Алданова, Гребенщикова? Их знают, их ценят, их переводят. Знают, что не только в бывших великих рядах Пушкин, Толстой, Достоевский, Гоголь, Тургенев, но сейчас живут и творят тоже славные русские писатели.

А кто же не знает Бердяева или Лосского? А какие же международные консультации обойдутся без Таубе или Нольде?

Каждый раз, когда вступаешь на путь перечислений русских имен, чувствуешь всю невозможность упомянуть многих, вложивших драгоценный вклад в русскую культуру.

Поминал имена не для перечислений, но чтобы только напомнить, какими необыкновенными посланниками русской культуры, даже и среди потрясений, накрепко упрочивалось уважение к понятию России как таковой.

Художники русские, всех родов творчества, как знаменосцы, видимы и доступны иностранным суждениям.

Больно было на днях читать о том, что опять русским трудно живется во Франции. Думаем, что это лишь волна

преходящая. Имеется столько незабываемых свидетельств о том, как понято было все русское именно во Франции.

Ведь не случайны были все утверждения восторга русскому творчеству. И что же крепче, прочнее может входить в сознание, нежели понимание творчества! Если оценено значение какого-то творчества, то это уже не будет мимолетным увлечением, как каждое понимание культуры, оно не будет скользить в сомнениях, но ляжет твердым краеугольным камнем. Так же точно между народами выковываются международные связи творчеством.

В давно былое время русские сердечно оценили и преклонились перед сокровищем великой французской культуры. В России французский язык был языком почти государственным. В России переводили французских писателей, зачитывались ими и повторяли их изречения. В России заботливо собирали и хранили французскую живопись и скульптуру. И до последних времен именно французские произведения и в живописи, и в театре особенно привлекали русское сердце. А затем вот уже 35 лет, как Франция узнала еще ближе русское творчество; с тех пор сколько сердечных знаков возникло в обоюдном понимании!

Помню, как сердечно устраивались французские выставки в Петербурге, и также не забуду блестящие оценки французских критиков при русском выступлении в Париже. Все это незабываемо и нерушимо.

Как бы ни шли путники разными тропами, но если вышли они под единым благословением, то и благодатно встречаются они на перепутьях.

Было грустно читать, что сейчас русским трудно во Франции. В конце концов, всем и везде сейчас трудно. Человечество, войдя в великий кризис, затолкалось на перепутьях, но перепутья не есть путь. А путники пути единого не могут пребывать в непонимании.

Знаю, что между великой Францией и великой Россией великим творчеством сплетены узы единения. И как светлые знаменосцы обоих народов, художники всех родов творчества встанут залогом сердечного понимания, нерушимой оценки и пути к будущему.

Великая вера заложена в творчестве. Издревле освящены пути художества. На этих путях прочно взаимное понимание и дружелюбие.

*18 февраля 1935 г.
Пекин.*

TACTICA ADVERSA

Чингисхан нередко прибегал к притворному отступлению, чтобы завлечь врага в преследование и тем легче ударить ему в тыл запасными частями. Так говорят. Также говорят, что неутомимый завоеватель иногда поджигал степь, чтобы тем ускорить движение войска. Может быть, рассказы о разнообразной военной технике великого победителя и правы. Во всяком случае, они правдоподобны, ибо в своих больших походах Чингисхан, наверно, применял самую различную технику, неожиданную для врагов его.

Ему же приписывается, что, желая сохранить здоровую суровость быта, он приказывал своим сановникам раздирать дорогое шелковое платье о

терновник, чтобы показать неприменимость таких одеяний. Говорят, также была симулирована заболеваемость от ввозных напитков, чтобы привлечь население к местным молочным продуктам.

В древней истории можно найти многие примеры самой неожиданной обратной тактики, дававшей самые убедительные последствия.

* * *

В битве человек не может распознать, когда именно подвергался он наибольшей опасности. Во время самого столкновения невозможно усмотреть, которое именно обстоятельство было самым опасным или самым благодетельным. Какой-то удар спасал от удара еще большего. Упавший конь падением своим защищал от неожиданной гибели. Случайный крик заставлял обернуться и тем миновать смертельную посылку. Потому-то так правильна древнейшая мудрость, обращавшая внимание на конец, на следствие всего происшедшего.

Невозможно преднамеренно установить конец, но по концу можно видеть, для чего складывалось многое предыдущее. Нужна для этих наблюдений испытанная внимательность, но также нужно и знание о том, что такое есть тактика адверза? Это последнее обстоятельство, так спасительно действовавшее во многих исторических событиях, часто не усматривается. Правда, люди любят повторять: “Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло”, — но в этом речении предполагается как бы случайность какого-то несчастья; а ведь тактика адверза не знает несчастий. Она знает

лишь планомерные действия, учесть которые трудно в чрезмерной от них близости.

Каждый путешественник знает, как четко и прекрасно рисуется снеговая вершина на расстоянии, и насколько она теряет форму во время острых, опасных подходов к ней. В событиях также трудно осмотреться в чрезмерной близости. Но тактика адверза говорит успокоительно, что там, где есть чистое огненное стремление, там и все сопровождающие явления сделаются планомерными. Но много утонченного сознания должно быть приложено, чтобы оценивать необычные действия обратной тактики. Истинная непобедимость всегда будет сопряжена с крайнею находчивостью. Люди не могут познавать верхних ведущих путей и, со своей стороны, должны применять всю чуткость находчивости и подвижности.

Каждый деятель знает ценность подвижности. Как далека должна быть эта истинная подвижность от мелкой суетливости, которая может лишь осложнять правильное движение. Когда деятеля спрашивают, как именно он пойдет, то всякий ответит, что как именно, ему неизвестно, но куда именно, он знает твердо от часа отправления. Тем самым никакие “неожиданности” пути не могут смущать истинного деятеля. Он уже предпослал, что во всем случившемся будет элемент полезности.

Он также знает, что некоторые встреченные противодействия должны быть доведены до обратной крайности, ибо только тогда выявится их смысл, а тем самым найдутся и панацеи. Каждая нелепая выходка приобретает тем большую явность нелепости, если ей помочь докатиться до края. Тогда развернется вся

мерзкая инфузория и даже самые мало осведомленные зрители поймут степень безобразия.

Сколько раз опытный предводитель, уже имея возможность пресечь поток нелепости, останавливал своих сотрудников, говоря: “Пусть докатится”. Опытный предводитель вызывал засадные полки лишь тогда, когда действительно исполнялись меры надобности. Какой же он был бы предводитель, если бы вызывал крайнюю помощь раньше времени. Враг еще не был бы вполне явлен. Вражеские силы еще не достигли бы последнего напряжения, а запасные полки были бы израсходованы. Потому обратная тактика, прежде всего, знает, что такое бережливость.

Неопытный зритель восклицает: “Прекратите! Ведь это нелепо!” Но опытный деятель поправит его: “Это не только нелепо, но и безобразно. Повремените еще минуту, и Вы сами увидите несносную степень безобразия и невежества, которое пожрет самое себя”.

История разных народов не случайно постоянно твердит нам о различных проявлениях обратной тактики. Эти повторения позволяют затвердить примеры победительного способа от обратного. Ведь народ говорит: “Дайте вору веревку, он сам повесится”, или: “Не махайте, не махайте, он сам войдет”. Но та же народная мудрость предполагает, что веревка должна быть дана, а ожидание самовхода тоже происходит не в небрежении, но, наоборот, в полной внимательности и озабоченности.

Сколько раз самые добрые заветы говорят о поражении тьмы. Значит, поражение тьмы должно происходить, и поэтому обратная тактика должна быть

лишь способом борьбы, но никак не допустительным бездействием. Когда народ говорит: “Дайте вору веревку, он сам повесится”, в этом предусматривается целый ряд действий. Вор должен быть обнаружен. Вережка должна иметься, должна быть достаточна и должна быть дана. А вор тоже должен произвести действие, ибо он должен на этой веревке повеситься.

История не рассказывает, как Иуда нашел свою веревку. Думается, что нашел он ее как-то особенно, ибо его неслыханное злодейство привело его к самоуничтожению. Только наблюдайте, и вы увидите, как злодейство само поражает себя. Уже приходилось писать вам о многих наблюденных случаях разнообразного поражения злодейства. Действительно, в этом разнообразии самовозмездия заключена необыкновенная изысканность законов.

Вот мы говорим о справедливости, а ведь обратная тактика живет около этого понятия и своими часто неизреченными воздействиями помогает обнаруживанию всей степени зла. Для строения нужно очищенное место. Каждый строитель прежде всего озаботится о почве, на которой лежит фундамент. Он осмотрит, нет ли расщелины и опасных трещин. Всеми лучшими мерами он отведет разъедающую влагу и прежде всего закрепит трещины.

При возведении постройки никто и не представляет себе, какие глубокие подземные работы произошли для крепости стен и башен! Прежде чем применить свои надземные соображения, строитель примет во внимание все глубокие неожиданности. Если показалась влага, он не станет ее сразу забрасывать глинистой почвой, но

очень осмотрит, каковы ее окончательные размеры и где истоки ее. Знаем, как иногда задерживались даже спешные постройки, пока не были приведены в порядок подземные неожиданности.

“Благословенны препятствия, ими мы растем”. Сказавший это знал и все размеры препятствий, мог по опыту своему оценить их и применить их во благо. Строение во благо неутомимое, бережное, внимательное. Какая красота заложена в этом неисчерпаемом создавании!

*20 февраля 1935 г.
Пекин.*

OEUVRE

Ясное и в то же время почти непере译имое слово. Можно сказать “творение”, но все-таки придется согласиться в том понимании, в котором oeuvre вошло из французской литературы.

Об искусстве во всех его проявлениях принято судить очень легкомысленно. Кто-то прочел два стихотворения и уже говорит о поэте. Кто-то увидел три-четыре картины или воспроизведения картин, — и уже судит о художнике. По одному роману определяется писатель. Одна книга очерков уже достаточна для бесповоротного суждения за чашкою чая.

Не раз отмечено в литературе, что знаменитая “чашка чаю” ни к чему не обязывает. Может быть, и суждения, произнесенные за столом, тоже не должны обязывать, а между тем часто они имеют очень глубокие последствия. В таких беседах за “чашкою чая” люди и не думают о

том, что отдельные произведения являются лишь лепестком всего oeuvre. Вряд ли бы даже опытный садовод или ботаник взялся бы судить о всем растении по одному лепестку цветка.

Каждому приходилось слышать определеннейшие суждения об авторах, причем на поверку оказывалось, что был прочтен какой-либо один том из всех сочинений. Уже не говорю, как часто произносятся суждения лишь по одним газетным критикам, вообще не утруждая себя никакими чтениями. И вот тогда понятие oeuvre, понятие всего творения, в той или иной области, должно быть выдвинуто особенно ясно. Не только полное ознакомление со всем творчеством любого автора нужно, но для составления справедливого представления нужно усвоить произведения и в хронологическом порядке их создания.

Целое творение — подобно ожерелью, подобранному в определенном порядке. Каждое произведение выражает тот или иной психологический момент творца. Жизнь художника складывалась из таких моментов. Чтобы понять следствие, нужно знать причины. Нужно понять, почему произошла та или иная последовательность творения. Какие внешние и внутренние обстоятельства наслаивались и давали осколки всего творчества, это значило бы судить о рисунке всего ожерелья лишь по одному или двум звеньям его.

Решительно во всех родах творчества — и в литературе, и в музыке, и в живописи — всюду нужно внимательное и бережливое отношение. Каждому приходилось читать и слышать, как авторам навязывали многое, им совершенно несвойственное, цитируя лишь

обрывки из их неразрывного потока мыслей. Ведь не только случайные люди берутся судить. В каждой области есть свои самоопределенные судьи.

Помню, на юридическом факультете студенты соображали, как они применят усвоенные знания. Кто хотел быть администратором, кого прельщала адвокатура, кто устремлялся к роли обвинителя; а один, к тому же очень веселый студент, сказал: “А мне уж, наверно, придется судить вас всех”. Кто знает, быть может, эта шутка и впрямь подвинула его к судейской карьере, к которой, в конце концов, он не имел никаких особых преднамерений.

Так же как во многих профессиях, так и в суждениях о творчестве многое складывается совершенно случайно. Но из этой случайности часто проистекает почти неповторимое последствие.

Говорят, что общая оценка изменяется трижды в столетие, так, как бы по поколениям. Понаблюдать эти извилины оценок очень поучительно. Сколько посторонних соображений будет влиять на общественное мнение! Соперничество издательств, или корысть продавцов художественных произведений, наконец, всякие разнообразные формы зависти и вражды так сложно отражаются на оценках, что будущему исследователю-историку часто совершенно невозможно разобраться. Можно бы привести к этому множество примеров.

Вспоминаем, как два соперника-издателя старались похулить намеченного ими автора, чтобы тем дешевле приобрести право издания. Но ведь такие специфические умаления в каких-то анналах зацеплялись. Помним, как

некий торговец картинами всеми способами временно старался умалить ценность художника, чтобы, достаточно скупив его произведений, поручить кому-то вновь воскресить забытого или отверженного.

Не будем вспоминать некоторые эпизоды из мира собирателей, когда соперничество доводило людей до самых недостойных поступков. Важно только помнить, что оценки творчества необыкновенно извилисты и личны. Вспомним, как некий любитель музыки предупреждал известного музыканта не играть, ибо у влиятельного критика в тот день болели зубы. Но когда ко всем этим жизненным случайностям присоединяется желание вообще не ознакомиться со всем *oeuvre*, тогда положение становится поистине трагическим.

Вспомним любого многотомного писателя. Можно ли судить о нем, не зная последовательно всех его трудов? Конечно, можно судить, отдельные произведения автора, но тогда это будет суждение о произведении, но не обо всем творческом *oeuvre*. И не только как биография большой личности, но еще более ценно следить накопление творчества и все пути его выражения. Вот тогда еще раз вспоминается это удачное в смысле своем слово *oeuvre*. Оно заставляет особенно широко помыслить, заставляет очертить целое явление и широко рассмотреть его влияние и последствия.

История, переходя от *oeuvre* личного, оценивает и *oeuvre* целой нации, целой эпохи. Если историк не научится на малом доступном, то каким же способом он приблизится и охватит широкие задачи? Прежде чем думать о таких широких задачах, надо помыслить о добросовестности суждений частных и личных. Тот, кто

поставил себе задачу всегда оставаться в пределах истины, тот научится разбираться во всех случайностях и бережно сопоставит причины и следствия. Одно дело — просто порадоваться какому-либо одному произведению, но другое дело — порадоваться прекрасно сложенному целому ожерелью, в котором найдется много самоцветов в неожиданных сочетаниях.

Сейчас, когда так много преломлений и смешаний, каждое четкое и честное, и сердечное охватывание предмета будет особенно нужной современной задачей. Мы только что читали, как Стоковский определенно выразился о вреде механической музыки для истинного творчества. Стоковский справедливо напомнил, что даже в самих вибрациях, передаваемых непосредственно или механически, огромная разница. А некоторые инструменты вообще неощутимы при механической передаче.

Во время, когда и музыка, и сценическое искусство, и живопись подвержены всяким махинациям, именно тогда оценки творчества должны стать еще точнее, глубже и обоснованнее. Именно теперь, когда современный уклад стремится к краткости, отрывчатости и случайности, тогда нужно особенно устремиться к оценкам на основе всего oeuvre.

Хотя и трудно переводимое, но выразительное слово oeuvre.

*25 февраля 1935 г.
Пекин.*

САМОЕ ПРОСТОЕ

Приходят люди за самым простым. Иногда можно подумать, что требуется уже нечто более сложное. Подумается, что уже многое известно, и потому, естественно, следует остерегаться повторения. Но, прочтя очень многое, люди все же приходят за самым простым. Как работаете? Какие мысли побуждают к работе? Какое время для работы наилучшее? Что есть утомление? Опасаться ли разнообразия работы? Насколько погружаться в памятники древности? Применимы ли заповеди древности для современной жизни? Возможно ли строительство? Где найти силы против всяких огорчений? Как освободиться от страха? Слушать ли внутренний голос? Как запоминать его слова?

Бесконечное множество вопросов. Уже давно разъясненных, уже много раз затронутых; но каждый хочет иметь ответ на вопрос в его форме. Конечно, предполагается, что и ответ должен быть именно тот, который ожидается. Это опять очень старое и, казалось бы, всем известное, но люди вопросами своими покажут вам, что это им совсем неизвестно или, вернее, они совсем забыли об этом.

Когда вы видите бесчисленные тома разъяснений и повторений, накопившихся около заповедей, самых кратких, самых ясных и самых простых, разве не удивляетесь вы, к чему и каким образом накопились все эти пояснения? Самое простое возбуждение и опять-таки самые простые вопросы. Эти вопросы, казалось бы, о том же, но в разных преломлениях, вызывали пояснения,

опять-таки в своеобразно личных выражениях. И так усложнялось колесо жизни, начиная от самого простого.

Приходит человек. Спрашивает о том, что было много раз упомянуто. Упоминаний этих он не читал и читать не собирается. Он хочет слышать желательный для него ответ. Если самый основательный ответ не совпадает с его уже внутренне предпосланным ответом, то все сказанное будет признано неубедительным. Ведь так случается в жизни довольно часто, и все-таки это относится к известному разряду людей вопрошающих. А за ними есть значительная толща, которые вообще ленятся формулировать, хотя бы для себя, вопросы. Иногда они пытаются оправдать эту леность как бы скромностью, но когда сердце пламенеет, человек не впадает в бездеятельную скромность. Он ищет, стучится, даже вторгается, лишь бы достучаться.

Замечательно вспоминать, как пламенные сердца иногда преодолевали необыкновенные трудности и все-таки находили ключ даже к хитрейшим затворам. Помню, как один опытный деятель говорил молодым сотрудникам:

“Если хотите — убедите меня”. Слушая первые доводы, он качал головою и сокрушенно улыбался:

“Все еще неубедительно. Все еще не зажгли меня. Придумайте еще что-нибудь значительнее”.

Затем он выслушивал дальше и опять качал головой.

“Видите, вы даже не заставили меня вскочить с места. Даже не заставили меня прервать вас восхищенным восклицанием. Значит, найдите такое убедительное слово, чтобы оно преобороло все другие соображения и

явилось бы непреложным”. А затем шепотом он добавлял:

“Вероятно, это слово будет самое простое”.

Во всех перестроениях жизни, особенно сейчас, душа людей взыскует именно о простом и сердечном слове. Если люди приходят с вопросами о самом простом, то и ответ должен быть прост. Должен быть прост не только по смыслу, но и в выражениях. Тот же солнечный свет, то же основное стремление к добру. Та же улыбка одобрения должна выразиться в простом ответе на простой вопрос.

В объемистой книге такой ответ может быть в разных формах дан не однажды. Но часто книги читаются как-то отвлеченно. В самом печатном слове где-то еще остался призрак отвлеченности. Иногда сами люди ищут найти какое-нибудь самоизвинение, ссылаясь на будто бы неясную форму изложения. Известны случаи, когда люди отрекались от своих собственных слов, казавшихся им неподходящими к данному случаю. Все это не простота, а ведь сейчас, как никогда, нужен простой ответ, выросший из любви и из лучшего качества. Именно в сердце своем человек вполне понимает, что такое простота. Именно сердце лишний раз стукнет от всяких ненужных придатков.

Просто! Просто на добром слове! На добром действии!

*3 марта 1935 г.
Пекин.*

СВЕТ ОПОЗНАННЫЙ

Не угасал свет. Всегда напоминали о себе излучения и сияния, и земные, и надземные. Люди ходили к врачам, прося прекратить такие непрошенные прозрения. Потребовались многие усилия, чтобы даже грубые аппараты оправдали дар человеческого зрения.

Когда люди уверяли, что они видят свет, их оговаривали. Называли выдумщиками. Впрочем, каждый близорукий не верит дальнотзорному. Излучения человеческого тела отвергались и относились в область мистики или приписывались испорченному зрению.

К древнему знанию, к тому же издревле опознанному, проторились новые пути. Поверх всех изуверских запретов вдумчивые наблюдатели усмотрели убедительные показания.

“В германском медицинском журнале “Фортшритте дер Медиаин” помещена обстоятельная статья проф. Пауля Добнера об излучениях человеческого тела. Профессор Добнер нашел реактив, позволяющий установить, хотя и косвенным путем, наличие человеческого излучения. Это — обыкновенная алюминиевая пластинка. Алюминий обладает радиоактивными свойствами и пластинка этого металла, приведенная в соприкосновение с фотографической пленкой, чернит ее, как если бы она светила. Проф. Добнер установил, что человеческие излучения обладают способностью усиливать на короткое время радиоактивность алюминия: если алюминиевую пластинку положить сначала на руку, а затем на фотографический слой, то она зачернит его гораздо

интенсивнее, чем пластинка из того же металла, этой предварительной операции не подвергнутая”.

“По степени затемнения можно судить об интенсивности ауры той части человеческого тела, с которой алюминиевая пленка находилась в соприкосновении. Проф. Добнер установил, что поток человеческих излучений сильнее всего — на кончиках человеческих пальцев и непосредственно перед глазами. Это совпадает с теорией магнитных “флюидов”, истекающих именно из пальцев и глаз магнетизера. Другое важное обстоятельство обнаружено проф. Добнером: характер излучений человеческого тела зависит от состояния крови. При болезнях крови интенсивность излучения тела падает, а у раковых больных аура совершенно исчезает”.

“У здорового человека аура распространяется на расстояние до 40 метров вокруг тела”.

Уже не открытие, но подтверждение. Но ведь свидетельства нужны. Сколько неведомых слушателей поблагодарят за подтверждение того, что они давно утверждали, за что переносили насмешки и глумления. Еще врач говорит:

“Громадное влияние имели на медицину идеи Гиппократов, господствовавшие в ней на протяжении чуть ли не целых двух тысячелетий”.

“Медицина как научная дисциплина в современном смысле создавалась лишь во второй половине прошлого века в связи с изучением анатомии и появлением наук физиологии и биологии”.

“Только тогда, когда стали известны причины тех или иных болезней, борьба с ними стала действительно на

научную почву и медицина вышла из тех пометок, в которых она пребывала на протяжении почти всей ее истории, особенно в эпоху средневековья, когда главными методами лечения были молитвы и заклинания тех злых и нечистых духов, которые считались возбудителями различных заболеваний”.

“Подчеркнув незыблемость основной идеи Гиппократов, высказанной более 2000 лет тому назад, что человеческий организм сам стремится излечивать себя от тех или иных болезней, докладчик указал, что роль медицины сводится к помощи организму в этой борьбе, причем эта помощь должна оказываться не тому или другому заболевшему органу, а всему организму в целом, и в этом отношении громадное значение в медицине имеют психологические факторы — вера пациента в искусство врача, в знания последнего”.

Правильно замечает врач о глубоком значении в медицине факторов психологических. Сколько раз приходилось слышать от мудрых врачей замечания при счастливом исходе лечения: “Вы сами помогли мне вас вылечить”.

В этом имеется в виду и притяжение, и отталкивание, магнетические токи и лучи, а в конце концов, все, что входит в понятие того же света. С разными намерениями люди подходят все к тому же самому, глубоко основному, которое пропитало и связывает сущее.

“В Парижской обсерватории производятся в настоящее время опыты соноризации звездного неба. Как известно, всякий световой луч можно превратить, при помощи так называемой фотоэлектрической клетки, в звук — и обратно. На этом основан говорящий

кинематограф. Свет небесного тела, уловленный в телескоп и направленный на фотоэлектрическую установку, дает определенный звук: звезда, в буквальном смысле слова, поет”.

“Из всех перепробованных звезд наиболее мелодичный звук дает Вега. Свету, из которого этот звук рождается, нужно 27 лет, чтобы дойти до Земли”.

Конечно, цвет и звук неразделимы. Конечно, звучание светил небесных должно обратить мысль к величайшим осознаниям. Язык звучания и иероглиф света неисчислимы в пространстве. Когда предлагается мысль о дальних мирах, ведь не только об астрономических проблемах предполагается. Какие великие расширения сознания зазвучат и засияют. Даже, можно сказать, грубыми способами уже опознано, что пораженный болезнью организм не излучает свет. То же можно наблюдать не только при болезни, но при всяких других омрачениях злобы, при гневe или раздражении, или при унынии. Все это известно со времен древнейших. В прекрасных выражениях много раз это произнесено лучшими мыслителями.

Поэтому собственно и открытия того, что давно известно, быть не может, но зато может быть опознание не всеми рассмотренного. И за это опознание нужно быть глубоко благодарными ученым. Они в выражениях современных, в пределах общепризнанной очевидности, вводят в широкие массы соображения глубокого значения. Если люди подумают еще и еще раз о свете и звуке, если они услышат звучания светлые, они подвинутся по пути расширения сознания. Не простое накопление сведений, но расширение мирозерцания и

устремление к наивысшему выведет людей из бездны быта.

Запах кухни заменится высокими пространственными ароматами. Вместо закоптелого огарка чаще засверкают сияния света нездешнего. И тишина зазвучит. Все это — и высокое, и безбрежное, и неисчислимое — удержит человечество от постыдных отрицаний и приведет к высокому созданию благоволения.

Как это нужно!

*5 марта 1935 г.
Пекин.*

БЕРЕЖЛИВОСТЬ

Если удача зависит в большой степени от наших внутренних предпосылок, то как нужно научиться следить за собою, чтобы не отравлять пространство. Такая заботливость приучит к истинной бережливости. Мы не имеем права покушаться на чужую энергию — самовольно потратить чужие ценности. Ведь это нельзя как в материальном, так и в духовном плане. Между тем из самых, казалось бы, добрых намерений нередко происходит растрата чужих сил. При этом люди думают, что взяли от одного, а между тем, самовольный заем произошел совсем от другого. Люди думают, что они оберегли что-то, а на самом деле — они усугубили и отяготили.

Много раз приходилось видеть, как по незнанию, даже друзья, в самый напряженный момент посылали очень отравленные стрелы. Может быть, накануне очень ответственного действия именно дружеская стрела,

опрометчиво пущенная, наносила опасную царапинку. Конечно, предполагалась посылка стрелы по другому направлению, но пославший не рассчитал все внутренние связи и невольно задел именно то, что предполагал оберечь. И чем больше сотрудничество уже спаивалось, тем опаснее могли быть эти нерассчитанные удары.

Чувства любви и преданности должны бы достаточно предупреждать неосторожных лучников. Чувство доверия, как основа сотрудничества, должно бы напомнить об осторожности. Врожденное чувство доброжелательства должно бы создать осмотрительное благоволение. Но, очевидно, всех этих сочетаний недостаточно. Может быть, кроме сердечной заботливости, нужно развить в себе то, что называется бережливостью.

В каждом опрометчивом действии непременно будет вред и для других, и для себя. Если человек еще не научился вполне заботливо относиться к другим, то пусть он хотя бы и для себя самого поостережется. Всякое покушение на чужие ценности будет уже похищением, и вред от него будет тем же вредом, как от каждого покушения на чужое достояние.

Бережность или бережливость! Эти оба понятия вполне связаны, хотя, на первый взгляд, как бы имеют в виду различные действия. Приучение себя к понятию сотрудничества помогает осмыслить все трогательное значение бережности и бережливости. При осознанном сотрудничестве, прежде всего, разовьется уважение к действиям сотрудника.

Если кто-то что-то делает, то, значит, у него есть достаточное основание именно к этому способу

выражения. Сотрудник, прежде чем заподозрить, что действие несовершенно, прежде всего отнесется с полным доверием и доброжелательством. Когда же после дружелюбного исследования поступка у сотрудника явится соображение, что нечто могло бы быть сделано иначе, то он всеми лучшими способами постарается разъяснить, почему его соображения более действительны.

Разве возможны среди сотрудников выражения, восклицания недружелюбия или злобы? Какие же они после этого сотрудники? Если в одном случае могла загреметь и завизжать злоба, значит, это возможно и в другом случае. Кто знает, может быть, среди самого ответственного действия могут вспыхнуть те же самые языки алого пламени. Значит, вино еще не готово. Значит, сотрудничество еще не состоялось. Если же так многое еще не оформилось и не установилось, то возможно ли ответственное действие? Испытание всегда приходит на малом.

Есть старинная сказка о том, как некий царь заявлял, что он произведет очень серьезные испытания. Все готовились к ним и ждали их, и удивлялись, почему они отложены. Разве они вообще отменены? Но совершенно неожиданно все сотрудники были созваны и было объявлено новое распределение труда. Оказалось, что испытания уже произошли. Люди были испытаны на самых для них незамеченных обиходных проявлениях. Было отмечено, когда и кто раздражился, когда была неточность, когда была расточительность. Словом, все было взвешено в то время, когда люди ожидали, что

испытания будут происходить в каких-то торжественных собраниях.

Люди выучили на тот случай какие-то благозвучные формулы. Запоминали наизусть изречения. Чертили на память формулы и вычисления. А в то же время в обиходе, сами того не замечая, достаточно выявили свои внутренние качества и свойства.

Недаром в сказаниях и в высоких учениях говорится о неожиданности. Приготовить себя к таким жданным неожиданностям можно лишь постоянной настороженностью и бережливостью. Оберегая друга и сотрудника, люди оберегают самих себя. Когда же будет понято, что всякое неосновательное суждение есть уже признак неподготовленности к ответственным действиям? А ведь одно искривленное или нарушенное действие влечет за собой множество прискорбных искривлений. Выпрямлять эти искривления гораздо труднее, нежели вообще не допустить их.

Друзья! Будем очень бережливы. Будем очень бережны.

8 марта 1935 г.

Пекин.

ЗВЕРЬЕ

В Китае считалось особенным счастьем быть съеденным тигром.

Рассказывают очень знаменательный способ охоты на льва в Африке. Выходят на выслеженного царя пустыни без ружья, но с большою сворою маленьких, яростно лающих собачек.

Лев, укрывающийся в кустарнике, долго выносит облаивание, но, наконец, среди веток начинает появляться его грозная лапа. Опытный охотник говорит: “Сейчас будет скачок”; и действительно, грозный зверь высоко взвизгивает и падает в следующий кустарник.

Тогда к своре добавляется новая, свежая стая. Собачий лай усиливается. Опытные охотники говорят: “Теперь уже недолго, теперь он не выдержит”. Затем наступает странный момент, когда собаки, в охватившей их ярости, устремляются в кусты. Ловцы говорят: “Идемте, он уже кончился”. Царь пустыни не выносит облаивания, он кончается от разрыва сердца.

Приходилось наблюдать в Индии суд обезьян. На высоком утесе сидит кругом целый ареопаг старейших, седобородых судей. В середине круга помещается обвиняемый. Он очень встревожен, очевидно, старается что-то доказать и жестами, и криками, но ареопаг неумолим. Происходит какое-то решение, и осужденный, поджав хвост, с жалобным писком подбирается к обрыву утеса и бросается в гремучий поток. Так бывает в предгорьях Гималаев.

Конечно, если послушаем рассказы про больших обезьян, живущих около снегов, то тут можно собрать целые книги. Приходилось видеть этих горных обитателей, чинно сидящих в семейном кругу, на площадке около пещеры. Зрители говорили: “Нет ли у них еще и кремневых орудий?” В них очень много человекообразности.

А вот и еще животное чувство, близкое человеку. В студеную зимнюю пору на Тибетских нагорьях под снегом пропал подножный корм. Верблюды посылаются

за три или четыре дня пути, где предполагалась трава. Оказалась и эта надежда тщетной, и там выпал глубокий снег и корму не нашлось. В течение двух недель погибли все верблюды. Помним в нашем стане яркое зимнее утро, по блистающему снежному нагорью, издалека, движется какое-то животное. Верблюд! Без человека.

Медленно и величаво приближается к шатрам одинокий, отощальный верблюд. Уверенна его поступь. Из последних сил он спешит туда, где его раньше кормили. Он признал стан своим домом и не ошибся. Конечно, из последних остатков зерна он был накормлен. Были распороты выючные седла, чтобы достать клочок соломы. И все-таки он выжил, этот единственный и верный верблюд. Он выжил и потом дошел с нами через все перевалы, по узким карнизам, до Сиккима. Мы подарили его сиккимскому махарадже и, может быть, еще и сейчас он живет на его землях. Это был первый двугорбый Верблюд, пришедший в Индию от Тибета. Все окрестные жители сбегались глазеть на него, а он спокойно помотал головою, и, как темный агат, были глубоки и блестящи умные глаза его.

Вероятно, тоже полны выражения затуманенные слезою глаза косули, когда охотник спешит заколоть ее, подстреленную. Более чуткие сердца, однажды взглянув в эти глаза, увидав эти слезы, более не заносят нож над зверьем.

Если бы люди решались на убийства животных лишь тогда, когда наступает крайняя необходимость, пищевая необходимость. Всякое вожделение убийства когда-то должно быть оставлено. Врачебные записи о распространении рака показывают, что этот бич

человечества особенно развит там, где усилена мясная пища. Опытный врач всегда предупредит, что рано или поздно от мяса придется отказаться, если нежелательны камни в печени или подобные неприятности. А со стороны питательности, почти постоянно, в научных журналах пишутся убедительные статьи о витаминах, далеко превышающих мясную необходимость. Надо надеяться, что прошли те времена, когда звероподобные врачи прописывали сырое мясо и кровь. Какой это ужас, даже прописывалось кровопийство.

Если же даже вопрос сохранения здоровья, если научные опыты и советы врачей не убеждают, то не убедит ли, наконец, если заглянуть в глаза животных?

Друг дома — собака. Одни глаза верного пса могут рассказать так много; кроме того, и видят они больше обычных людей. Сколько раз можно было наблюдать, что собака чувствует что-то незримое и видит, и щетинится, и предупреждает рычанием. Можно припомнить очень многие рассказы о таких чувствованиях животных. Нам кажется, что собаки чувствуют больше других животных, но, может быть, это нам только кажется — мы наблюдаем собак больше других зверей. И собака больше вошла в наш обиход, и люди привыкли к собачьим выражениям.

Одна овчарка требовала монеты, собирала их за щеку, а затем, придя в булочную, выбрасывала их и лаем требовала булку. В Париже мы знали собаку, ходившую за газетой. Помимо всяких обиходных проявлений, сколько известно самоотверженных поступков собачьих, когда они готовы были замерзнуть сами, отдавая тепло своим хозяевам.

Много звериных глаз можно бы припомнить. Многому могли бы опять у зверей поучиться люди.

Сегодня у нас появился новый пес “Нохор”. По-монгольски — друг.

*8 марта 1935 г.
Пекин.*

НЕВИДИМКИ

Об одном издании писем некоего мыслителя кто-то удивился, почему автор как бы возвращается к одному и тому же предмету? Читатель не сообразил, что письма написаны в разное время, а главное, адресованы разным лицам в очень отдаленные местности. Для читателя эти невидимые корреспонденты слились в одно. Ведь для него они остались невидимками. Читатель, вероятно, вообразил, что письма имеют в виду только его самого, не принимая во внимание ничьих посторонних условий. Невидимые друзья, невидимые слушатели, невидимые сотрудники — все это как бы относится к области сказочной шапки-невидимки.

Не так давно всякую невидимость или отрицали вообще, или называли шарлатанством, или оставляли в области гипнотизма. Труднее всего обывателю привыкнуть к тому, что он может быть окружен какими-то невидимками. Когда говорилось об Ангелах-Хранителях, то ведь и это предпочиталось оставлять в пределах рассказов старой няни. Но издревле говорилось и о железных птицах, и о слове, слышанном за шесть месяцев пути, и о железных, огнедышащих змеях.

Так же точно, упорно, в разных фольклорах, жила и живет идея шапки-невидимки. В самых лучших сказках и эпосе идея невидимки проводилась весьма упорно. Во время войны прилагалась для невидимости дымовая завеса. Это было грубейшее решение всяких преданий и сказаний. Но вот сейчас мелким шрифтом газеты сообщают следующее:

“Одному из молодых венгерских ученых удалось, по-видимому, осуществить и превратить в действительность сказку о шапке-невидимке. Демонстрация лучей-невидимок происходила на одной из площадей перед статуей. После того, как аппарат был пущен в ход, статуя внезапно исчезла из глаз, ее присутствие можно было установить только при прикосновении. Через несколько минут статуя снова появилась на глазах у всех, как будто вынырнув из тумана”.

Итак, предвидения или запоминания фольклора опять входят в жизнь. Так же точно, как уже летят железные птицы и перевозят людей железные змеи и оглушающе звучит слово по всему миру, так же входят в жизнь и невидимки. Можно себе представить, какие трансформации обихода создают все эти новейшие открытия.

Еще недавно рассказывалось, как некий господин пошутил над своей доброй знакомой. Переехав в новый дом, он увидел в противоположном окне свою знакомую, только что вставшую с постели. В той же комнате находился и телефон. Шутник позвонил ей по телефону и среди разговора упомянул ей об успехах телевидения. Знакомая его усомнилась. Когда же он стал ей описывать

ее ночное одеяние и всякие другие подробности, то собеседница в ужасе бросила трубку.

Эта шутка в другом виде на днях сообщалась в газетах, когда, услышав об успехах телевидения, некоторые обитатели Лондона серьезно обеспокоились о неприкосновенности их дома. Работникам телевидения пришлось объяснять, что с этой стороны опасности нет. Иначе говоря, в данную минуту опасности нет, ибо, вступив в область невидимок, можно предположить любые следствия невидимости. Важно установить принцип.

Вспомним примитивный дагеротип и современные нам успехи фотографии. Ведь до сих пор в некоторых странах, например, еще не знают простого применения фотостата вместо легко подделываемых копий документов. Зато в иных судах фотостат уже считается как документ. Или вспомним примитивную железную дорогу, образчик которой выставлен на Гранд-Централь в Нью-Йорке. Ведь она не имеет ничего общего с теперешними достижениями. Итак, если принцип невидимки найден, то из него могут произойти самые потрясающие усовершенствования.

Отгораживаться от таких механических достижений нельзя, ведь они все равно могут так или иначе проникнуть в жизнь. Значит, нужно посмотреть, какими же другими естественными средствами можно достигать равновесия? Вспомним опять о том же, о естественных благодатных свойствах духа человеческого. Если собака чувствует невидимок, то во сколько же раз больше может все это знать настороженный дух человеческий. И как естественно может приходить это знание. Сперва оно

будет бессознательным чутьем, затем перейдет в осознанное чувствование, а от него уже развивается и определенное чувствознание. Тогда всякие механические невидимки будут прозрены. Да и весь обиход изменится, но только в лучшую, в высокую сторону.

Когда вы читаете труды синаитских и многих других отшельников и пещерников — сколько в них отмечено высокого, пламенного знания! Они щедро раскинули в своих заповедных наставлениях жизненные основы. Проходят века, меняются способы выражения, но истина остается незыблема. Все преподанное о так называемом “умном делании”, о “сердечной молитве”, так отмеченное в “Добротолюбии”, коих последователи сознаются в том, что они не вполне сознают, где помещается сердце. От этого недоразумения происходят всякие расстройства. Но великие старцы, пустынники и пещерники безошибочно знали, где сердце, как обращаться к нему и как вызывать его благодатное действие.

Какое чудесное слово Благодать.

Перед этими высоко естественными путями всякие механические лучи являются и бедно ограниченными, и недостигаемыми. Но для тех, кто не хочет знать о большем, и это меньшее уже будет началом пути. Если кто-то писал об этом в одну страну, он, вероятно, найдет надобность написать и во многие другие. На разных языках, иначе говоря в разных построениях мысли, люди все-таки устремляются в созвучия эпохи. Значит, все, кто слышат об этом созвучии, они обязаны создавать из него истинное благозвучие. Поучительно видеть, что очень важное достижение происходит не в одном каком-либо

народе, не в одной стране, а иногда в самых неожиданных.

В каких-то мировых очертаниях устремляется мысль. Там, где по неведению или по убогости люди чужаются путей высоко духовных, там являются, как наименьшие, пути механические. Но и эти пути ведут все-таки по пути тех же достижений. А духовные врата так нужны. Так многое напоминает об этом неизбежном пути. Сами странные заболевания последнего времени. Все эти какие-то, как бы ожоги организма, все эти самоотравления газOLIном и всякими прочими веществами и неосмотрительно вызванными энергиями — ведь все это стучится. Читаем:

“Сто лет назад, в июне 1835 года, барон де Морог, член верховного земледельческого совета, прочел во французской академии наук доклад о безработице и социальных бедствиях, которыми угрожает Франции и всему миру введение в промышленность все новых и новых машин. Парижские газеты извлекли из архивов академии этот пророческий труд и печатают из него выдержки, поистине занимательные:

“Всякая машина, — писал де Морог в своем докладе, — заменяет человеческий труд, и поэтому каждое новое усовершенствование делает в промышленности излишним работу какого-то количества людей. Принимая во внимание, что рабочие привыкли свободно зарабатывать средства к существованию и что у них, по большей части, нет сбережений, легко представить себе раздражение, которое постепенно вызовет в трудовых массах механизация промышленности”.

“Докладчик предвидит, что, “несмотря на улучшение технически производства, материальное положение рабочих будет ухудшаться”, откуда “опасность моральная, социальная и политическая”. Доклад де Морога произвел на академию такое сильное впечатление, что она отправила королю — в 1835 году — специальную записку о необходимости регулировать механизацию производства. Эта записка движения не получила”.

И вот другими путями люди опять приходят к соображениям об урегулировании механических достижений. Это уже будет не вопль против машин, не невежественное ворчание против усовершенствований, но зов о правильной соизмеримости. Ведь столько бывших невидимок стало видимками, и зато многие узренные давно видения сделались невидимками.

Грубое обращение с невидимыми энергиями может вызвать бесчисленные бедствия. Сколько же истинного знания нужно, чтобы все миллионы безработных нашли бы полезное и радостное применение, как заповедано Жизнью.

Если шапка-невидимка может что-то скрыть, то Дух человеческий может открыть Истину во всем ее великолепии.

*11 марта 1935 г.
Пекин.*

НОВЫЕ ГРАНИ

Поднялся вопрос, когда жизнь прекращается с законной точки зрения? Из Лондона пишут: “Когда

человек умер. Когда, после остановки сердца и дыхания, нужно считать, что жизнь покинула человеческое тело”.

Странный эпизод пятидесятилетнего садовника из Арлей, Джона Пекеринга, который сейчас поправляется после операции, когда сердце и дыхание его уже остановились на пять минут, — производит целую революцию в медицинском мире.

Случай Джона Пекеринга опрокинул указания медицинских справочников. Все присутствовавшие при его операции, согласно показанию врачей, удостоверились в его смерти.

Каждый врач, конечно, засвидетельствовал бы смерть при полном отсутствии пульса, дыхания и сердечных рефлексов, как было в случае Пекеринга.

“Принципы и практика врачебной юриспруденции” Телера говорят:

“Если никакого звука и сердцебиения не обнаружено в течение пяти минут, в периоде, который в пятьдесят раз больше, нежели требуется для наблюдения, то смерть должна быть рассматриваема несомненной”.

“Имеются все основания полагать, что если сердце абсолютно перестает биться за период длиннее одной минуты, то смерть уже несомненна. Те же наблюдения касаются и дыхания”.

Противоречия, возникшие в случае Пекеринга, означают, что справочники должны быть пересмотрены. Они были написаны до открытия адреналина, этого жизнь дающего двигателя, который возвращает людей к жизни из того состояния, которое, по суждению медицинских авторитетов, уже называлось смертью.

Последствия очень обширны, и их даже трудно предвидеть. Прежде всего, родственники теперь будут требовать дальнейших воздействий своих врачей при случаях кажущейся смерти.

Возникают и вопросы в области общественности и законов. Например, как быть с завещанием в таком деле, как случай Пекеринга. Могут ли быть затребованы страховые премии? Может ли быть расторгнут брак такую смертью?

Конечно, кроме этих возникающих вопросов, могут быть перечислены и многие другие, не менее значительные. Вообще, момент так называемой смерти становится чрезвычайно условным и, действительно, подлежит пересмотру.

Так, например, передавался случай, когда под гипнозом уже возвещенная неминуемая смерть была значительно отсрочена. Так же точно передают, что, так сказать, умерший, под влиянием внушения, произносил какие-то слова. Наверное, кто-нибудь скажет, что это невозможно. Но ведь так же точно составитель широко употребляемого справочника полагал, что выше отмеченный из Лондона случай тоже должен был бы быть признан окончательной смертью.

Не будем возвращаться ко всем ошибочным или ничтожным заключениям, которые в свое время вводили человечество в заблуждение. Можно вспомнить, как в свое время опорочивались опыты с силою пара, с электричеством и со многими явлениями, ставшими сейчас общеизвестными даже в начальных школах. Можно лишь пожалеть, что так же как теперь, так и в

прошлые дни, очевидно, преобладало отрицание и многое затруднялось этим разрушительным рычанием.

Много раз приходилось советовать людям вести дневники или записи, чтобы вносить узнанные достоверные факты. Так же точно, как метеорологические наблюдения должны производиться повсеместно и неотступно, так же и многие другие факты должны быть отмечаемы во всей их необычности.

Приходится читать о рождении четверни и даже шестерни. Факт сам по себе необычный. Но когда и такие факты наслаиваются, то наблюдения над ними могут быть очень поучительны.

Вообще без всяких отрицаний нужно научиться пристально всматриваться в действительность. Когда робкие люди восклицают: “Это невозможно!” — то к таким негативным воплям нужно относиться более чем осмотрительно. Все те новые грани, которые сами стучатся в обиход современного человечества, должны быть опознаны, и прежде всего во благо.

Даже когда говорится о новых гранях, то можем ли мы утверждать, что они новые и что они грани? Кто возьмет на себя дерзость настаивать, что это самое не было уже когда-то известно. Может быть, забыт тот язык, на котором эти же факты произносились; но никто не скажет, что в существе своем они были неизвестны.

Радостно замечать, как опознание прошлого, а вместе с тем прогнозы возможности расширяются и углубляются. Достоверная запись пытливого обывателя может принести несчетную пользу, уничтожая суеверия и невежество и подкрепляя истинных пытливых исследователей.

*14 марта 1935 г.
Пекин.*

БЛАГОУХАНИЕ

“Сады — переставшие благоухать”. Так сказала на своей лекции в Клубе американских женщин м-сс Эйскаф.

Она говорила: в древние времена китайские богачи и административные лица взращивали сады, чтобы создать у себя дома иллюзию природных холмов и полей провинции.

Наслаждаясь этим отдыхом в переменной обстановки в черте города, они доставляли удовольствие также и своим женам. Особенно для китайских женщин, принужденных вести замкнутую жизнь, эти сады были украшением жизни.

При устройстве садов китайцы стремились подойти возможно ближе к подражанию тем пейзажам, которые им нравились.

Эти сады не занимали большого пространства. Китайцы слишком ценили землю, как площадь, пригодную для земледелия. Но на сравнительно небольшом участке земли искусство китайских садовников позволило им создавать подлинные произведения искусства.

Как например, м-сс Эйскаф указывает на сад некоего Кан Эна, взращенный им в пределах Шанхая в 1577 году, — “в этом саду были ручьи, пруды, холмы, бамбуковая роща, субтропические цветы, павильоны и долины”.

Говоря о китаянках, докладчица также высказывает сожаление, что в настоящее время они так же

изменились, как и старинные сады. Как ни странно, хотя китаянки теперь несравненно больше эмансипированы, чем в прежнее время, они тем не менее утратили многое в том влиянии, которое они имели в жизни страны. Раньше, почти нигде не показываясь, ведя затворнический образ жизни, они все же умели оказывать нужное им воздействие на своих мужей.

Лекция м-сс Эйскаф приобретает тем больший интерес, что докладчица является известной переводчицей древних китайских поэтов, занимая пост почетного библиотекаря “Королевского Азиатского Общества”, замечает газета.

Когда однажды меня спросили, какая разница между Востоком и Западом, я сказал: “Лучшие розы Востока и Запада одинаково благоухают”. Нам приходилось читать очень осудительные книги о разных странах. Каждое такое осуждение сейчас же вызывало отпор из страны осужденной. Появлялась новая, иногда очень спешно написанная, книга, полная самых ужасных приговоров.

Один собиратель книг показывал в своем книгохранилище особую полку разноцветных книг, говоря — “Здесь собрание осуждения”. Книги так и были подобраны в порядке отрицаний и осуждений.

Собиратель-философ очень ценно отметил в этой последовательности, насколько распространяется яд осудительного приговора. Хронологически рассматривая эти своеобразные накопления, можно было видеть и прогрессию злобной отравленности. В осуждениях своих авторы спешили погружаться лишь в отрицательные стороны. Допустим даже, что они не хотели намеренно лгать, но сделали лишь своеобразный словарь отрицаний.

Подчас такие порицательные собрания напоминали того некоего шутливого критика, который из целого тома подсчитывал, сколько раз там было употреблено отрицательное “нет”, и патетически заключал — “Разве может быть хорошей книга, в которой 700 раз сказано нет”.

Конечно, в своем осудительном настроении критик не пытался подсчитать, сколько раз в той книге было сказано “да”. Во всяком случае, когда вы видите целый отдел книгохранилища, составленный из взаимных отрицаний, то становится жутко. Ведь одни отрицания не утешительны, думается, что без произнесения панацеи мы и не имели права осуждать.

В сложности жизни можно находить новые уродливости, и все-таки мы не в состоянии будем сказать какое-то общее осуждение. Автор “Доброй Земли” пытался противопоставить два, как бы взаимоисключающиеся, течения. Это уже не есть осуждение, но сопоставление. Вообще мы не должны говорить просто худо без того, чтобы сказать, что хорошо или как можно сделать хорошо.

В каждом саду бывают периоды, когда цветы не распустились и когда даже ни листьев, ни почек не видно, и садовник вас предупредит, что через три месяца вы бы уже и не узнали такого сада. Все зацветет, все распустится, все примет новые формы. Опытный садовник дает множество примеров, приложимых и во всей жизни. Зимний рассказ о летних садах всегда будет носить особое словесное выражение. Зимой особенно мечтается о лете.

Также и о женском труде. О назначении женщины. Часто требуется от женщины все большего и большего, ввиду того, что внутренне ей отводится значение особое. Сейчас повсюду говорится о равноправии женщины. Уже как-то старообразно звучит эта формула. Уже становится невозможным вообще говорить о ней. А как же иначе, где же может быть недопускаемо равноправие? Иногда принято говорить о том, что бабушки знали что-то лучше своих внушек. И это сравнение будет совершенно условно. Лучшие розы одинаково прекрасны. Вот уже за окном зеленеют почки, вот уже покрываются вишни цветочным убором, и не может быть сад без благоухания.

Лишь бы был сад, лишь бы процветали пустыни, лишь бы вышли опять наружу животворные подземные реки.

Сады будут благоухать.

*19 марта 1935 г.
Пекин.*

ВОЛНЫ ЖИЗНИ

Сообщается: “В жизни каждого человека бывают, что называется, удачные дни, характеризующиеся необычайно хорошим настроением и удачей во всех начинаниях. Но наряду с ними случаются и “черные дни”, когда неприятности сыпятся как из рога изобилия, неудачи преследуют на каждом шагу и все кажется окрашенным в черный цвет”.

“На этом, казалось бы, совершенно случайном явлении немецкий ученый Ризе построил целую научную теорию. Все в мире, от великого до малого, говорит он, подчинено закону волнообразных колебаний — точно так

же и в жизни каждого человека существуют особые ритмы повышения и понижения всех его физических и психических свойств”.

“Опытным путем Ризе установил, что человеческая жизнь определяется тремя видами ритмов: “мужским”, имеющим период в 23 дня и регулирующим физические процессы в организме, “женским”, с периодом в 28 дней, ведающим душевными явлениями, и, наконец, ритмом симпатической нервной системы, управляющим умственными процессами. Эти ритмы образуют особые кривые, то повышающиеся, — и тогда все наши способности и качества проявляются наиболее ярко, — то понижающиеся, когда тело, душа и мозг работают замедленно и неудовлетворительно”.

“Эти колебания не зависят ни от каких внешних явлений, на них не действуют даже болезни, и они всегда, для каждого данного человека, сохраняют свою закономерность”. Ризе берется даже вычислить для каждого субъекта жизненную кривую и заранее предсказать те дни, когда ему, что называется, везет, и дни, когда лучше ничего не предпринимать.

“Ризе при содействии известного спортсмена Тросбаха проверил свою теорию на людях, занимающихся спортом, и при помощи ее объяснил, почему те или иные спортсмены вне зависимости от подготовки то внезапно показывают большие достижения и побивают рекорды, то так же неожиданно сдают и проигрывают более слабым соперникам. Ризе вычислил жизненную кривую знаменитого немецкого бегуна Пельцера и доказал, что во время спортивных состязаний в Германии, предшествовавших мировой Олимпиаде, эта

кривая показывала определенное повышение — тогда, как известно, Пельцер показал рекордное время; во время же самой Олимпиады в Лос-Анджелесе кривая Пельцера пошла вниз, и поэтому он бежал несравненно хуже, чем обычно”.

“Научные круги пока воздерживаются от суждений по поводу теории Ризе, но ею весьма заинтересовались спортивные круги Германии, которые намерены поставить массовые опыты для проверки”.

Сообщения доктора Ризе, конечно, интересны не только в отношении спорта. Так же точно эти волны могут быть изучаемы и с точки зрения воздействия мысли. При этом имеет значение не только мысль самого субъекта, но также и мысли окружающих.

Наверное, нашлись бы целые сообщества добровольцев, которые продолжали бы начальные наблюдения испытателя и со стороны мысленных воздействий. При некоторой внимательности и, конечно, при абсолютной честности можно отмечать замечательные взаимные воздействия.

Можно видеть любопытные взаимодействия — как в повышающую, так и понижающую сторону. При вхождении кого-то настроение присутствующих падает или окрыляется. Может быть, в этом действует мысль, а может быть, и другой контакт.

“Батюшка, жить стало совсем нельзя. Еще хуже стало”.

Духовник сказал:

“Я тебе помогу. Пойди и купи вторую козу и всели ее. Через три дня приди рассказать”.

В назначенный срок несчастный обыватель пришел уже в совершенном безумии и плакал:

“Так жить уже нельзя”.

Духовник сказал:

“Теперь продай этих коз”.

Через несколько дней обыватель пришел и сказал, что козы проданы. Духовник спросил:

“Ну что, лучше стало”?

— “Свет увидели”.

Итак, от противного было внесено психическое облегчение.

Сейчас время больших наблюдений за человеческой мыслью. Множество факторов, смущающих и усложняющих, вторгается в современное существование. Если врачи уже мыслят о механических причинах, то также точно будет помыслено о причинах психических.

16 марта 1935 г.

Пекин.

ИСТОКИ

Кто назвал горы и реки? Кто дал первые названия городам и местностям? Только иногда доходят смутные легенды об основаниях и наименованиях. При этом нередко названия относятся к какому-то уже неведомому, неупотребляемому языку. Иногда название неожиданно соответствует наречению из совсем иных стран. Значит, путники, переселенцы или пленники запечатлели на пути свои имена.

Вопрос географических названий сплошь и рядом выдвигает энигмы неразрешимые. Конечно, если люди

обычно уже не знают, как сложилось название их дедовского поместья, то насколько же невозможно уловить тысячелетие причины. Такие же задачи ставит и изменение самих наречий.

Если мы возьмем словари, изданные даже на нашем веку, то за десятки лет можно видеть самые необычайные изменения. Сложились и вторглись новые слова. Расчленились прежние. Даже само толкование значений колеблется в течение одного поколения. Когда люди говорят о сохранении чего-то старого, — нужно отдать себе полный отчет, о каком именно старом предполагается?

Те же поучительные наблюдения дают песни и мелодии народные. Если в творческих формах самые новаторы часто невольно обращаются к урокам древности, то вполне естественны вообще одинаковые выражения чувств. Посмотрим ли мы на историю орнамента, которая сохранена в издревле дошедших образцах гончарства, мы видим, конечно, подобное естественное выражение человеческих украшательных чувств.

Исследователи нередко удивлялись, что в каменном веке на различных разделенных материках оказывалась та же техника и те же приемы орнаментации. Конечно, не могло быть предположения о сношениях этих древних аборигенов. Просто мы свидетельствуем одинаковое выражение человеческих чувствований. Сопоставляя эти аналогии, можно получать поучительные психологические выводы о тождестве человеческих выражений. Значит, и пути к вызыванию этих выражений должны быть тождественны.

Только что сообщалось из Англии о большом открытии в музыкальном мире.

“Мелодии, раздававшиеся среди холмов Уэльса тысячу лет тому назад, теперь воспроизводятся на арфах и других современных инструментах. Ведь это, может быть, те самые мелодии, раздававшиеся вокруг костров древних бриттов до появления цезарских легионов”.

“Эта исконная музыка сохранилась в одном древнем манускрипте, и Арнольд Долмеч, который уже полстолетия работал над возрождением старинной музыки на старинных же инструментах, теперь воспроизводит эти мелодии”.

“Он говорит, что недавняя находка манускрипта, который содержит более 90 страниц этих мелодий, является величайшим музыкальным открытием, когда-либо сделанным. Особенно интересно отметить, что настоящие национальные песни Уэльса, так же как и других английских провинций, мало отличаются от древних мелодий”.

“Найденный ценный документ подтверждает, что Уэльс многие столетия тому назад уже имел свою несравненную музыку. Если бы не находка этого древнего манускрипта, то конечно, древние мелодии не могли бы быть утверждаемы”.

Конечно, такие древние документы необыкновенно ценны. Могли они сохраниться лишь совершенно случайно. Нам приходилось видеть источенные червями как музыкальные, так и другие исторические документы с навсегда погибшими датами и конкретными указаниями. Кроме того, у некоторых народностей инструмент и голос обозначились своеобразно, например

волнистыми линиями. Вполне установить их точное значение можно, прислушиваясь к пока еще живущему фольклору.

Но ведь во многих местах фольклор уже не сохраняется; разве где он попал в недвижные отделы музейные и лишь случайно на него наткнется музыкант или писатель, пожелавший оживить эти пергаменты и свитки. Каждый из нас знает, как в наше же время уничтожались ценнейшие музыкальные черновики и исторические письма.

Такое же небрежение к домашним артистам, конечно, бывало во все времена. Когда мы однажды хотели обратиться к семье, дед которой был замечательный художник, то один умудренный друг наш сказал: “Не теряйте времени искать в семьях. Наверное, там уже ничего не осталось”. Само собою, что суждение не всегда правильно, но горькая истина о небрежении к близкому, к сожалению, ведома многим народам. Потому-то так трудно бывает искать на местах. И всякая неожиданная, счастливая находка является особенно ценной. Так же точно, как в орнаментах люди выражали однообразно свои чувства, так же, как крик радости или ужаса будет извечным выражением, так же и мелодии человечества будут свидетельствовать о вечных истинах.

С начала текущего столетия, в разных странах, появились прекрасные общества по изысканию и старинной музыки, и старинной литературы. Всем приходилось слышать отличные оркестры, исполнявшие на старинных инструментах мелодии уже вековые. И это вовсе не было чисто археологическим занятием. Это было радостным прикосновением к душе народов.

Так же, как в нашем современном орнаменте можно указать невольно повторенные древнейшие сочетания, так же и в старинных мелодиях и музыкальных статьях часто звучит вовсе не примитивность, но тонкое и убедительное выражение чувств. Эти свидетельства заставляют нас еще бережнее заглядывать в прошлое и наблюдать чисто психические задания и выражения.

Только немногие невежды скажут: “Что нам до наших истлевших праотцев!” Наоборот, культурный человек знает, что, погружаясь в исследования выражения чувств, он научается той убедительности, которая близка всем векам и народам. Человек, изучающий водохранилища, прежде всего заботится узнать об истоках. Так же точно желающий прикоснуться к душе народа должен искать истоки. Должен искать их не надменно и предубежденно, но со всею открытостью и радостью сердца.

*18 марта 1935 г.
Пекин.*

ВПЕРЕД

Вчера пекинские научные организации чествовали Свена Гедина в его семидесятилетие. Такое признание со стороны Китая и других участвовавших стран — прекрасно. Именно этими путями взаимопонимания и признания куется широко сотрудничество целых стран. Во всей жизни Свена Гедина, во всей его устремленности и неутомимости звучит зовущее чудесное слово: “Вперед”.

Возьмем Свена Гедина как понятие собирательное. Великому исследователю исполнилось семьдесят лет.

Недавно сообщалось, что он приглашен на большое воздушное обследование Бразилии. Конечно, Гедин не отрицает и эту возможность. Сейчас он едет в свой родной Стокгольм. Но никто не думает, что он едет для того, чтобы, как принято говорить, успокоиться. И эта поездка для него будет лишь очередным этапом.

Не от того ли чудесного заклинания “вперед” исследователь выглядит так бодро?! Не этим ли приказом он преодолевает трудности и опасности? Никто не будет отрицать, что Свен Гедин сейчас является необыкновенно зовущим примером для молодежи. Посмотрите, сколько серьезнейших и увлекательнейших книг им написано. Какие незабываемые открытия им даны человечеству. Величественные Трансгималаи навсегда будут связаны с именем Свена Гедина.

Подобно подлинному викингу, он непрестанно устремлялся к славным мирным завоеваниям. Именно в таких явных, богатейших результатах звучит благословенный приказ — “вперед”!

Каждый, кто проследит от самого начала исследования Свена Гедина, справедливо будет поражен непобедимостью этого неповторенного духа. Когда обывательский ум может заподозрить какое-то окончание, тогда быль викинга оповещает лишь начало следующей блестящей главы.

В этом неустанном восходящем пути даже не хотелось бы произносить какие-то подробности, упоминать отдельные многочисленные открытия, перечислять опасности и преоборенные трудности. Все это необычайное научное завоевание дарится человечеству

от щедрости неутомимой. В каждом путешествии Свена Гедина закладывается та или другая большая идея.

Без устали великий ум указывает на новые возможности, на новые пути, на возможный расцвет будущий. Великий ученый не может не быть и великим гуманистом. Чем шире ум, тем целостнее протекает перед ним река жизни. Можно радоваться, что прекрасное исследование Свена Гедина оценено. Но также должно радоваться самому тому факту, что такая огромная сила работает теперь, в наше время. Когда столько смущений и сомнений отемняет человечество, тогда светлый викинг неутомимо указывает на увлекательные, чудесные дали и говорит о путях сказочно широких.

Настоящее творчество всегда полно оптимизма. Творец не может быть в унынии. Строитель полон знания в избрании лучших материалов. Живое сердце понимает, как нужно сейчас дать людям возможность строения. Великая гуманная задача в этой вдохновительной помощи. Тот, кто может своими неисчислимыми трудами вдохновлять молодые сердца, тот, конечно, и сам может творить добро. В нем не будет признаков усталости. В нем не будет ни сомнения, ни отчаяния. Он скажет во все времена упоительное, светлое слово “вперед”.

Этот ключ не может быть сказан тем, кто не засвидетельствовал его своими трудами. Этот приказ будет неубедителен в выражении робости и колебания. Потому-то так драгоценны все те явления, которые в убедительной действительности могут развернуть знамя светлого приказа “вперед”. Этому знамени люди могут приносить лучшие цветы. Этому призыву пошлют

лучшую улыбку. Даже в серых буднях люди и возрадуются, и возревнуют о каких-то новых полезных трудах. Если исследователь, завершив седьмой десяток лет пути, и бодр, и радостен, и светло звучит на будущее, значит, светлое “вперед” было его руководящим знаком.

Саги и сказки говорят нам о героях, о чудесных строителях, о творцах добра и славы. Саги знают и лебедей белокрылых, и быстрых кречетов, и отважных орлов. Ученые разъясняют, что миф есть отображение действительности. Мифы говорят об истинных, жизненных героях, свершавших свои подвиги здесь, на земле.

Если мы можем убеждаться, что подвиг не есть нечто отвлеченное, но прекрасные деяния земные, то каждое напоминание о прекрасном пути земных достижений нас должно сердечно радовать, вдохновлять и вливать новые силы. Справедливо быть признательным всем тем, кто в земных путях светло сказал великое слово “вперед”. Кто не убоился, не умалился, но всегда обновляясь, как мифический Антей, усиливался от новых прикосновений к земле!

Будем же радоваться, когда видим здесь, среди нас, живой пример труда светлого, непоколебимого.

Устремление живо священным зовом ВПЕРЕД.

19 марта 1935 г.

Пекин.

ЛЕГКИЕ ТРУДНОСТИ

Особенно трудно бывает людям переменять условия быта. Невольно вспоминается древняя поговорка, что

“старую мебель не следует передвигать”. Но пословица мудро определяет, что не следует передвигать нечто старое. Значит, всякие трудности относительно лишь нашему сознанию. Действительно, очень часто люди говорят о трудностях, создав их в своем воображении и утвердив их предубежденным сознанием.

Городской житель, обуянный условностями городского комфорта, считает, что жизнь в шатрах или в юртах будет самым ужасным существованием. Если он с таким предрассудком попадает в условия степной жизни, то, конечно, он сам же и надстроит всякие ужасы. Если же он придет во всякие условия с представлением о том, что люди живут везде и условия жизни создают они сами, то и все миражи ужасов рассеются. Недаром дети, пока они еще не заразились условными суевериями, так стремятся к передвижению, к познаванию и легко приспособляются ко всевозможным условиям.

Кто знает — может быть, все переселения народов, созданные последствиями великой войны, не что иное, как урок-испытание для обновления и расширения сознания? Вспоминаю, как одна просветленная, высокодуховная женщина когда-то ужасалась, что неужели ей придется пробыть всю жизнь в благополучных городских условиях? Действительно, если представить себе, что все обитатели Земли дошли до маленького благополучия, то ведь в этой маленькой ограниченности будет заключаться великая опасность омертвления. И вот великий перст указал народам опять постранствовать, опять встряхнуться для восприятия обновленно углубленных строительств.

За все эти годы всякому, видевшему многих людей, приходилось убеждаться в существовании двух определенных типов. Одни выплывали даже среди невероятных опасностей. И не только выплывали, но и приносили посильную пользу окружающим. Несмотря на семейные и всякие имущественные положения, они оставались и бодрыми, и светлыми, и дружелюбными. Другой же тип, даже и при посторонней помощи, все же шел книзу. Не мог примириться с изменением условий и наименований. Не только считал себя несчастным, но и вносил то же серое, скучное несчастье среди окружающих.

Всякое передвижение для этих людей было уже каким-то наказанием Свыше. Они не только не познавали новые местные условия, но погрязали лишь в неосновательных осуждениях всего, для них непонятного. Одним из главных утешений для них оставалось взаимоосуждение и взаимоумаление, точно бы, умаляя кого-то, они надеялись тем возвыситься сами. Вместо того чтобы научиться приспособиться, понять, сострадать и продвигаться, они предпочитали медленно погружаться на дно, как в старой украинской пословице: “Не трать, куме, силы напрасно, опускайся прямо на дно”.

Такие явления, как мы видели за эти годы, не относились к какой-либо одной народности. Они были чисто международным явлением, из которого живые духом могли научиться в жизни преимуществ действенного оптимизма и ужасам невежественного пессимизма. Конечно, эти два основных типа человечества, один — ведущий, преуспевающий,

одохотворенный, а другой — омертвленный, невежественный, погрязающий, были всегда. Но годы особого мирового смущения лишь выявили их с особою четкостью.

Опытные воспитатели всегда понимали, что детей нельзя отрывать от природы, ибо лишь в ней они сохраняют подвижность, находчивость и решимость. Мудрый врач всегда советовал горожанам держаться ближе к земле, и последствия таких мудрых жизненных советов мы видели часто. Всякие “соколы”, скауты, “разведчики”, “костряки” и другие здоровые сообщества, выводящие горожан в природу, явились одним из самых здоровых явлений последних лет. Все, что призывало к дружественному костру, у которого все должно было быть сделано самим, все это укрепляло дух. И не только все должно было быть сделано самим, но и все должно было быть обдуманно в какой-то новой, а может быть, и лучшей мере.

Изобретательность должна быть упражняема. Кто знает, мог ли бы образоваться такой великан изобретательности, как Эдисон, если бы он оказался в маленьком городском благополучии? Каждый из нас видел много примеров, когда даже более или менее способные люди были заедаемы обстановкой пошлого благополучия. Помню, как один выдающийся педагог, выпуская в жизнь своих питомцев, говорил некоторым из них: “Жалею, что родители ваши богаты, как бы вы не попали в золотую клетку”. А другим он говорил: “Не отягощает металл крылья ваши. Летите высоко и далеко”.

Как бы в оправдание этих советов, вдруг затряслись условные ценности. Даже такое прибежище, как

земельные бумаги, и те оказались как бы в землетрясении. Некий житель во время землетрясения, выбегая из дома, жаловался: “Вот тебе и недвижимость!”

Много таких максимумов предлагает сама жизнь. Одни, предназначенные для ужаса, ими ужасаются, а другие разумно принимают вещи так, как они есть. Одни увлекаются неразумно миражами, а другие отлично разбираются, где мираж, а где действительность. Но ведь для того, чтобы разобраться в миражах и иллюзиях, нужно, прежде всего, видеть эти миражи. Вспоминается индусская притча о семи слепых, описывавших слона, каждый от своего понимания. Так же точно никакими словами вы не расскажете впечатление миража тому, кто его не видел. Но в городе миражи незримы. Чтобы увидеть их, нужно побывать в пустыне и там на месте, научиться отличать действительность от иллюзий.

Убежденные горожане очень трудно разбираются в истинных впечатлениях. Помню, как один из членов экспедиции, впервые оказавшийся в пустынных условиях, решил отправиться из стана к прекрасному миражному озеру. Все мои убеждения о том, что это озеро не существует, не повели ни к чему. Заблуждавшийся путник вызвал двух провожатых и ко всеобщему изумлению сказал, что через час он уже будет у этого озера и что он верит своим глазам больше, нежели нашим убеждениям. Через несколько часов бедняга усталый вернулся обратно и сердито отказывался далее обсуждать предмет о несуществующем озере.

А ведь нужно было видеть, с каким самомнением он критиковал наш распорядок, когда мы остановились у

жалкого колодца, вместо того, чтобы пройти еще час до прекрасного, окруженного деревьями, озера!

Вопрос о миражах всегда очень поучителен. Отучить от миражной самомнительности может лишь истинный опыт, а опыт жизни лучше всего дается в природе.

Но нельзя выйти в природу, лишь теоретически решив о полезности такого опыта. Толку от такого рассудочного решения будет мало. Надо природу понимать. Надо войти в нее, как бы сотрудником ее, не осудительно, но восхищенно.

Все помнят прекрасную легенду о Фалунском руднике, так картинно пересказанную Гофманом. Властительница рудника сурово обходится с рудокопом, который не от любви к самому делу, а из других, личных побуждений приходит отнять скрытое сокровище.

Голоса природы звучат для тех, кто вступает в нее с открытым сердцем, доброжелательно. Антей прикасался к земле для наполнения силою, для обновления мощи духа. Конечно, не в опьянении он падал на землю, но сознательно он прикасался к земле, и тогда она сообщала ему здоровое обновление. Антей назывался могучим великаном. Не от целебных ли прикосновений к земле он получил навсегда это мощное наименование. И разве могли ему казаться тяжкими трудностями те смущения, которые обуревают в закрытых подвалах, под сводами и в тесных стенах.

Вероятно, Антею такие условные трудности казались бы даже просто непонятными. И, таким образом, от природы “легкие” трудности делаются не парадоксом, но настоящим определением. “Нагружайте полней, когда

иду в сад прекрасный”. Разве это не есть точное указание о том, где и как преображаются трудности.

Когда волхвы устремляли взоры свои в бездонное небо, тогда они видели руководящие звезды. Если бы они не смотрели вглубь небосклона, то они бы и не увидали звезду. Благословен тот, кто в свое время вооружил их знанием наблюдений над законами природы и тем пробудил их зоркость, тем насторожил их и сделал вестниками чудными.

О каких же трудностях можно сокрушаться, когда бодрствует звезда руководящая? Тот, кто сказал “Благословенны препятствия, вами мы растем”, тот знал и руководящую звезду.

*2 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

ТАЙНЫ

На Каракоруме, на девятнадцати с половиною тысячах футов — на этой самой высокой в мире дороге, конюх Гурбан допрашивал меня:

“Что же такое захоронено в этих высотах? Должно быть, там скрыто большое сокровище; ведь трудна дорога к этому месту. А как дойдешь через все перевалы, попадешь как на свод гладкий. Гудит что-то под копытами. Не иначе, что здесь великие тайники, а входа в них мы не знаем. Будут ли когда в книгах открыты записи, где и что захоронено?”

А вокруг этого величественного Каракорумского свода блистали ослепительно белые вершины. Так во весь горизонт без перерыва возносилось одно чистейшее

сверкание. На самом пути, словно бы напоминания, белело множество костей. Не закладами ли шли какие-то путники? Конечно, за богатством пересекали Каракорум бесчисленные караваны.

* * *

Тут же вспомнилось и другое предание о кладе. В Италии, в Орвието, мне рассказывали знаменательную легенду о захороненных художественных сокровищах. Сказание относилось чуть ли не к самому Дуччо, или к одному из его современников. Говорили высоким слогом, который так идет славно-звучному итальянскому языку.

“Так же как и теперь, и в прежние времена не всегда понимали лучших художников. Затемненному глазу трудно было оценить образы, особо высокие. Требовали лишь исполнения старых правил, но красота часто не бывала доступна. Так же случилось и с великим художником, о котором мы говорили. Лучшие из картин его, вместо того, чтобы восхваленно умилять сердца людей, подвергались осуждениям и насмешкам. Художник долго выносил это несправедливое к нему отношение”.

“В божественном экстазе он продолжал творить многие произведения”.

“Вот однажды написал он предивную Мадонну, но это изображение завистники воспрепятствовали поставить в предназначенное ему место. И случилось так и не раз, и не два, а несколько раз. Если ехидна начинает ползать, она заползет и во дворец, и в хижину”.

“Но художник, уже умудренный, зная безумие толпы, не огорчился. Он сказал: “Птице дано петь, и мне дано в силах моих восхвалять высокий образ. Пока птица живет,

она наполняет мир Божий пением. Так, пока живу, буду и я славословить. Если завистники или невежды препятствуют моим образам, то не буду я вводить злых в горшие ожесточения. Я соберу отвергнутые ими картины, уложу их сохранно в дубовые сундуки и, пользуясь благорасположением моего друга аббата, скрою их в глубоких монастырских подземельях. Когда будет день сужденный, их найдут будущие люди. Если же, по воле Создателя, они должны остаться в тайне — пусть будет так!”

“Никто не знает, в каком именно монастыре, в каких сокровенных подземельях скрыл художник свои творения. В некоторых обителях, правда, случалось находить в криптах старинные изображения. Но они были одиночны, они не были намеренно уложены и потому не могли относиться к кладу, захороненному великим художником. Конечно, и в подземельях они продолжают петь “Славу в Вышних”, но искателям кладов не посчастливилось найти указанное самим художником”.

“Конечно, у нас много монастырей. А еще больше храмов и замков лежит в развалинах. Кто знает, может быть, предание относится к одному из этих, уже разрушенных и сглаженных временем останков”.

“С тех пор думали люди, что великий художник перестал писать картины. Но он, слыша эти предположения, лишь усмехался, ибо с тех пор он трудился уже не для людской радости, но для красоты высшей. Так и не знаем, где хранится этот клад драгоценный”.

“Но уверены ли вы, что этот клад сокрыт в пределах Италии?” — спросил один из слушателей. “Ведь уже в далекие времена люди бывали в чужих странах. Может быть, и клады также неожиданно разбросаны или, лучше сказать, сохранены в разных странах?” Другой собеседник добавил: “Может быть, эта история относится вовсе не к одному мастеру. Ведь людские обычаи повторяются часто. Потому-то мы находим в истории постоянные как бы повторения человеческих заблуждений и восхождений”.

* * *

Конюх Гурбан, когда дошли мы до середины Каракорумского свода, сказал мне: “Дай мне пару рупий. Я закопаю здесь их. Пусть и мы прибавим к великому кладу”.

Я спросил его: “Неужели ты думаешь, что там внизу собраны сокровища?” Он оглянулся удивленно, даже испуганно. “А разве саиб не знает? Даже нам, маленьким людям, известно, что там, глубоко, имеются обширные подземелья. В них собраны сокровища от начала мира. Там есть и великие стражи. Некоторым удавалось видеть, как из скрытых входов появлялись высокие белые люди, а затем опять уходили под землю. Иногда они появляются и со светочами, и эти огни знают многие караванные люди. Зла не делают эти подземные народы. Они даже помогают людям”.

“Мне достоверно известно, как один местный бей в пургу потерял караван и в отчаянии закрыл голову свою. Только кажется ему, что кто-то шарит около него. Оглянулся, — в тумане показалась не то лошадь, не то человек — не доглядел. А когда опустил руку в карман,

то нашел пригоршню золотых монет. Так помогают великие жители гор бедным людям в несчастье”.

* * *

И опять мне вспомнились рассказы о тайных магнитах, заложенных учениками великого путника Аполлония Тианского. Говорили, что в определенных местах, там, где суждено строиться новым государствам или созидаться городам великим, или там, где должны состояться большие открытия и откровения, — всюду заложены части великого метеора, посла дальних светил.

Даже было в обычае свидетельствовать верность показаний ссылкой на такие заповедные места. Говорилось: “Сказанное так же верно, как под таким-то местом заложено то-то и то-то”.

* * *

Конюх Гурбан опять приступил с вопросом: “Почему вы, иноземцы, знающие так много, не найдете входа в подземное царство? У вас ведь все умеют и хвалятся, что, все знают, а все-таки и вам не войти в тайники, которые берегутся великим огнем?”

“В тайне бо живет человек.
Тайнам же несть числа”.

*3 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

ПРИМЕР

Чан Кай-ши издал следующий приказ:

“Доктрина Конфуция дошла до нас из глубины двух тысяч лет. Она является основой нашей национальной

жизни. Из нее образовались национальные добродетели — законности, сыновней любви, дружелюбия, любви, порядочности, праведности, честности и чести”.

“Храмы, воздвигнутые в честь мудреца, потому должны быть охраняемы и восстанавливаемы”.

“Посему приказано воспретить повсеместно войскам занимать храмы Конфуция”.

“Там же, где эти храмы уже были заняты, войска немедленно должны быть переведены в другие помещения”.

“Если какой-либо ущерб был причинен храмам, исправления немедленно должны быть произведены провинциальными, городскими или областными управлениями, чтобы народ мог взирать с почтением на эти храмы, как на источники вдохновения и поощрения”.

“Это есть дело огромного значения не только для благосостояния государства, но и для воспитания народа”.

“Настоящий приказ должен быть передан всем соответственным подчиненным для строжайшего исполнения”.

Сердце радуется, читая такие приказы!

Среди волнений, среди подавлений бунтов, среди мировых кризисов, глава правительства ясно и безотложно указывает о сохранении великих народных ценностей.

Безоговорочно, твердо, мужественно напоминает народу о хранении подлинных сокровищ. Там, где глава правительства имеет такие знаменательно звучные слова, там расцветут побеги культуры.

Именно для строжайшего исполнения должны принять указ должностные лица. В таких государственных решениях не может быть сокрытий, умолчаний, изворотов и отлагательств.

И средства найдутся, когда указано неотменно и неотложно. Люди знают, как находились средства в военные времена. Но ведь это тоже битва. Священная битва Света со тьмою.

Если бы собрать все указы глав правительств о сохранении культурных ценностей! Ведь получился бы очень поучительный сборник, отражающий внутреннее состояние государств. Там, где сам вождь государства не забывает об истинных ценностях, там можно ждать расцвета. Там, где совет министров, где национальное собрание возможно чаще обсуждает дела культурных преуспеваний, там можно ожидать мирное строительство. Там и многие другие проблемы разрешатся в более самобытном и неожиданно практичном виде. Говорю “в неожиданно практичном виде” для тех, кто все еще считает культурную часть жизни чем-то отвлеченным.

Если бы во всех концах мира раздались голоса власть имущих так же твердо и бесповоротно о значении и о сохранении всего истинно ценного! Ведь везде есть большее или меньшее преступление против мировых ценностей.

Под видом занятия политикою, много где не берегутся самые лучшие путеводные вехи. “Не время!” “Мы заняты!” “Важные дела!” — точно бы высшие ценности Культуры не есть дело самоеважнейшее!

Мы видели голодающих учителей (позор!). Видели грозящие разрушения, обветшалые храмы и памятники

искусства (стыд!). Слышали грубые голоса против гуманизма и наук, с ним связанных (невежество!).

Но политико-экономы все же настаивают на верности цифр, которые обычно кончаются выпуском новых осенних листьев — бесценных бумажек. Или людям преподнесут такую диалектику, что позабудется даже примитивная санитария.

Между тем обращение к незыблемым законам бытия дает эпоху расцвета. Один приведенный выше приказ — уже как влага на иссохшую почву. Сколько осуждений смывается признанием высоких ценностей.

Нужно ли напомнить о чести? Очень и очень нужно. Нужно ли повторить о дружелюбии, о честности, о праведности? Как же не нужно, когда озверение и одичание всюду стучатся — ведь во всем мире!

И честь, и праведность, и дружелюбие окажутся вместе с красотой и сознанием — с духовными прозрениями. Не можем думать, что все благополучно, когда несчастья глядят с каждого газетного листа.

Покрыть невзгоды можно только большим куполом. Из ларца Пандоры многое невозвратно разлетелось, но все-таки на дне притаилась надежда.

“Мысли о дальних мирах как принимающий в них участие” — так говорил один из самых блестящих правителей-философов Марк Аврелий. Если и о дальних мирах справедливо предлагалось мыслить как о реальности, то насколько же ближе, проще, хозяйственнее уберечь великие наследия, оставленные нам людьми лучшими!

* * *

Все-то вам некогда заняться соглашением о сохранении культурных ценностей. Как бы не пришлось опять пожалеть, что этот договор еще не всемирен.

Знаете, кому говорю.

*6 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

МОНСАЛЬВАТ

Полагают, что человеческий организм, главным образом развивается всяческим спортом. Естественно, что упражнения нужны, в особенности, когда они происходят на чистом воздухе. Но о способе упражнений существуют различные мнения. Полагается также, что главное гармоническое развитие должно происходить в нервной системе, а не столько в мускулах.

Нервным равновесием и здоровою нервною напряженностью человек достигает многого, чего никакими мускульными утрировками достичь нельзя. Все согласятся, что каждый однобокий спорт, выявляющий лишь определенную группу органов, есть нечто ограниченное, и тем самым нечто низшего разбора.

Правильно, что прежде всего нужна разумно использованная прана чистого воздуха. Также необходимо некоторое движение, естественное для человеческого организма. Если это движение не будет нарушать нервную систему и протечет ненасильственно, то оно будет лишь правильным пособником развития тела и духа.

Всем известно, что в моменты нервного напряжения человек оказывается сильнее и выносливее всяких искусственных атлетов. Искусственное, ограниченное напряжение создает и ограниченное мышление. “Золотое равновесие” мышления происходит лишь при гармоническом равновесии всего организма. Прискорбно вспомнить о всяких современных “марафонах”, которые тем или иным нелепым занятием выбивают никому не нужное число часов. Спрашивается, кого поучает или радуется то обстоятельство, что человек может бессмысленно танцевать семьдесят два часа, а может быть, и больше, уже являя при этом признаки безобразия. Кому нужен многочасовой поцелуй, который тоже является в конце концов безобразным зрелищем.

Если заняться анализом всяких современных “марафонов”, то можно лишь убедиться в профанации старого имени, запечатленного в подвигах. Ведь после марафона греки шли в академию, где внимали и беседовали с великими учеными и философами. И, таким образом, вовсе не происходило однобокой, затягивающей в тину профессии. Другие испытатели скажут, что при должном гармоническом развитии нервной системы вовсе не требуется бешеных телесных движений. Известно, как перипатетики на прогулках беседовали о высших науках, гармонизируя тем самым и материальное, и духовное преуспевание.

Уродливость чисто физических состязаний можно изучать, сравнивая, например, классические состязания в Греции с уже упадочными римскими цирковыми забавами. Греческие игры не требовали ни мучительства, ни крови, которые оказались так существенны в римских

цирках. Увы, и теперь толпы людей привлекаются зрелищем казни. Вот в Германии теперь опять начали рубить топором головы женщин. Кажется, это происходит на тюремном дворе, но боюсь, что если бы такое зрелище вынести на площадь, то амфитеатр зрителей был бы и теперь, в наш “цивилизованный” век, битком набит. Если бы назначить цены местам для такого зрелища, то, кто знает, может быть, платили бы гораздо больше, чем за благотворительные билеты?

Пришлось слышать один рассказ, как некие дамы были очень огорчены, что казнь сожигания живьем была заменена простым удушением. Вот куда оборачивается уродливое, ограниченное развитие лишь некоторых центров и инстинктов. Многие падения и одичания именно происходили от уродливостей и ограниченностей. Вздучался один какой-то мускул, обнаруживался лишь один нарыв садизма или одичания, и прорвавшийся гной заливал весь мозг и сердце.

В противовес уродливо физическому развитию и односторонним ограничениям, существует теория, что правильным упражнением нервной системы можно управлять и развивать мускулы и все органы. Конечно, мысль заставляет приходить в движение и мышцы, и всякие другие функции. Существуют такие ограниченные люди, которые даже этой простой аксиомы не могут осознать. Но тем не менее в этом может убеждаться каждый, который того захочет. Иногда приходилось видеть людей, уделяющих сравнительно очень мало времени физическим движениям и тем не менее остававшихся в расцвете как мыслительной, так и физической возможности. Естественно, они не только

устремлялись к высшим предметам, но и хотели жить и тем самым балансировали свои органы.

Ценить дары жизни. Хотеть жить для труда и пользы есть великий импульс, который помогает сильнее всяких прививок и массажей. Мыслительный массаж, осознанный, направит и должную энергию в ослабевший орган. Самая простая пранаяма, то есть вдыхание праны и направление ее туда, где есть необходимость в укреплении и развитии, будет очень показательным примером.

В обиходе часто приходится видеть самую уродливую профилактику. Человек опасается бессонницы и не находит ничего лучшего, как предаться наркотикам или алкоголю. Или человек чувствует какие-то странные ему симптомы и, по невежеству, начинает курить или принимать яды, совершенно упуская из вида, что одно такое послабление потребует лишь усиления таких же вредных нелепостей.

Говорили о радости Служения. Но какая же радость может быть в агонии наркотиков, никотина или алкоголя? Это уже не радость развития и восхождения, но постыдное бегство во тьму.

Врачи знают также, сколько болезней имеют причиной своею увлечение современным спортом. Постоянно приходится слышать, что та или другая тяжкая, а подчас и неизлечимая, болезнь зародилась от спортивных излишеств. Самые различные органы бывают поражены, а более всего бывает переутомлено сердце. Сердечный невроз, не говоря уже о других, более серьезных поражениях сердца, дает себя чувствовать на всю жизнь, если не доходит до фатального разрешения.

Однобокие спортсмены к тому же мало пригодны даже среди обычной физической деятельности. Они оказываются какими-то набухлыми оранжерейными растениями, приспособленными лишь для одного какого-то выражения. Если всякая профессия вызывает и ограниченную специализацию мышления, то тем более спортивная специализация делает мышление уродливо однобоким. Если прислушаться к интересам боксеров и других подобных профессионалов или искателей призов, то очень часто можно усомниться в современной цивилизации.

За последнее время как будто потеряли остроту привлекательности бои быков. Впрочем, может быть, мы хотим ошибиться в этом. Может быть, нам хочется, чтобы они потеряли привлекательность, но где-то, может быть, по-прежнему толпа ревет от постыдного удовольствия. Конечно, никто не сопричислит к профессиональным уродствам здоровое сокольство, которое может благотворно заполнять досуги. Так часто и разнообразно повторяется о золотом равновесии. И так мало выясняется его ценная сущность.

* * *

На подступах к Монсальвату, среди восходящих путников, вряд ли можно встретить профессиональных боксеров и ловцов призов. Другие деятели неустанно стремятся к высотам Монсальвата. Чтобы взойти, чтобы не убояться горных тропинок, чтобы претерпеть трудности, нужны не только физические усилия. У искателей Монсальвата найдется достаточно сил, и физических, и духовных, чтобы не свернуть трусливо с намеченного пути. Необходимые для подвига физические

силы будут почерпнуты не из призового источника. В прекрасном равновесии, без ущерба духовному росту, сердца, горящие Монсальватом, взойдут.

Монсальват — уготован. Произнесен на всех языках. В постоянном развитии не коснемся конечного, оконченного. Но ошибемся, приняв телесное за исход и венчание. Лишь духу сужден венец.

Отдадим себе отчет, в каких обстоятельствах зарождается представление о Монсальвате. Воспитатели не забудут, когда именно и почему возникло в жизни это ведущее понятие. На подступах к нему можно еще раз вспомнить, что ничего нет оконченного в великой относительности. Сколько раз каждому учителю придется повторить эту простую истину вступающим на трудовой путь.

В труде, в повседневности, казалось бы, так далеки высоты Монсальвата. Можно видеть людей, делающих сбережения и с нежностью приговаривающих: “Пригодится, когда пойду туда”. Это не скупцы, которые, обуянные землею, закрепощают дух свой материальными сокровищами. Это соколы, расправляющие свои будущие крылья. И знают они, что им придется идти, им будет позволено идти. И прежде всего, в этом сознании будет избегнуто мрачное чувство одиночества, которое так мертвит и устрашает людей, в неведении пребывающих.

О высоком могут быть лишь высокие выражения. Слова подлые, обиходные, не укладываются около понятий высоких. Хотящим узреть, есть многое видимое. Для хотящих слушать уже звучат голоса.

Монсальват — уготован.

*14 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

ЗНАМЯ

В Белом Доме сегодня с участием Президента Рузвельта подписывается Пакт. Над нашим байшином уже водрузилось Знамя. Во многих странах оно будет развиваться сегодня. Во многих концах мира соберутся друзья и сотрудники в торжественном общении и наметят следующие пути охранения культурных ценностей.

Не устанем твердить, что, кроме государственного признания, нужно деятельное участие общественности. Культурные ценности украшают и возвышают всю жизнь от мала до велика. И потому деятельная забота о них должна быть проявлена всеми.

Сколько бы стран ни подписало Пакт сегодня, все равно этот день сохранится в истории, как памятное культурное достижение. Начало государственное уже приложило свою мощную руку, и тем самым открылись многие новые пути для всех подвижников Культуры. Может быть, сегодня же обнаружатся и какие-либо темные попытки. Такой отбор Света и тьмы неминуемо должен происходить. Это не есть разделение мнений, но именно отбор созидательного и разрушительного, положительного и отрицательного.

Как успех подписания Пакта, так и какие-либо противодействия, — и то и другое должно одинаково поощрять всех сотрудников к дальнейшему преуспеванию. Будем хранить в памяти этот день, как знак светлого будущего, как еще один импульс к полезным строительным достижениям. Подчеркиваю, что

выражение — разделение мнений, — было бы сейчас совершенно неприменимым. Свет и тьма никогда и не соединяются, а потому и разделяться не могут. Но если тьма чувствует себя в опасности, она рычит и визжит, и противоборствует. Она не могла отделиться от Света во мнении, ибо ее сущность всегда была противоположна Свету. И так же всегда она будет тем темным фоном, на котором еще блистательнее сияющие искры.

Да не подумает кто-либо, что именно сегодня, в день достижения и праздника, будто бы неуместно говорить о тьме. Но если понимаем ее, как противоположение Свету, как нечто Светом рассеиваемое, то именно в День Праздника Света можно вспомнить о том, что некая часть тьмы сегодня же была рассеяна. Мы никогда не скрывали, что тьма, в своей мрачности, сильна. Мы не скрывали, что каждая победа над тьмою будет следствием большой и трудной борьбы. Потому-то и велика победа Света над тьмою. Лишь в полном осознании условий этой борьбы мы можем воистину радоваться каждой победе Света.

Все знают, что Свет и тьма, о которых говорится, вовсе не отвлеченность. Это не только действительность, но даже очевидность, доступная каждому глазу. Здесь, на земле, в труде и борении, мы видим слугителей Света. Здесь же мы усматриваем и злобных, исполненных ненавистью ко всему сущему, слуг тьмы. Здесь, в жизни, мы научаемся приемам шествия Света, а также убеждаемся и в мрачной согласованности темных легионов. Последнее не может огорчать, ибо было бы неуместно огорчаться и тем обессиливаться тогда, когда призваны все полки Светлые. Наоборот, можно всегда

радоваться каждому блистанию Света, как молнии, очищающей сгущенные тучи.

Истинно, будет и должен быть памятным сегодняшний день 15-го апреля. Выявился еще один маяк, который будет сближать друзей дальностранных, заокеанских, загорных, раскинутых по многим весям земли. Попросим их еще раз высказаться обо всем полезном и неотложном. Во многих странах, хотя бы один сегодняшний день уже научит многому. Если соберем все эти испытанные находения, то уже получится целое хранилище полезных и неотложных советов. Итак, посоветуем друг другу, сообщим все наши накопления и наблюдения. Ведь даже в обычные дни, когда, казалось бы, ничего особенного не происходило, и то появлялись самые неотложные соображения. Но теперь, когда действительно произошло важное и знаменательное, сколько же новых устремлений должно возникнуть! Если в обычные дни постоянно возникали знаки бедствия и требовалась неотложная помощь, то срок знаменательный должен сообщить всем сотрудникам Пакта еще большую зоркость и прозорливость. Именно, прозорливость необходима в деле хранения Культуры. Ведь нужно предусмотреть многие следствия. Причины могут быть очень сокрытыми и раскрашенными в защитные цвета, но они могут вести к потрясающим последствиям. И вот рассмотреть, где притаился коготь, — тоже будет отличной задачей для всех хранителей культурных ценностей.

Мы столько раз уже говорили о множестве опасностей для культурных ценностей в наши дни. Теперь

правительства подают нам мощную руку помощи. Мы понимаем эту поддержку как великую возможность новых достижений. Пакт не должен остаться на полке законохранилищ. Каждый памятный день Пакта должен быть лишь жизненным поводом для поднятия и укрепления Знамени Охранителя.

* * *

Вот и в пустыне над пустынным байшеном развевается Знамя. Но ведь пустыни могут быть очень различны. Если где-то соберется толпа невежд темных, то ведь это тоже будет пустыня, безводная, бездушная, бессердечная.

Пусть Знамя развевается и над очагами Света, над святилищами и твердынями прекрасного. Пусть оно развевается над всеми пустынями, над одинокими тайниками Красоты, чтобы от этого зерна священного процвели пустыни.

Знамя поднято. В духе и в сердце оно не будет опущено. Светлым огнем сердца процветет Знамя Культуры. Да будет!

Свет побеждает тьму.

*15 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

СУЩНОСТЬ

Сущность людей в основе своей добрая. Первый раз это сознание укрепилось во мне во время давнишнего опыта с выделением тонкого тела.

Мой друг врач усыпил некоего Г. и, выделив его тонкое тело, приказал ему отправиться в один дом, где

тот никогда раньше не бывал. По пути следования своего тонкого тела спящий указал ряд характерных подробностей. Затем ему было указано подняться на такой-то этаж дома и войти в такую-то дверь. Спящий обрисовал подробности прихожей, говоря, что перед ним дверь. Опять ему было указано проникнуть дальше и сказать, что он видит. Он описал комнату и сказал, что у стола сидит читающий человек. Ему было указано:

“Подойдите, испугайте его”.

Последовало молчание.

“Приказываю, подойдите и испугайте его”.

Опять молчание, а затем робким голосом —

“Не могу”.

“Объясните, почему не можете?”

“Нельзя — у него сердце слабое”.

“Тогда не пугайте, но насколько можно, без вреда, наполните его своим влиянием. Что видите?”

“Он обернулся и зажег вторую лампу”.

“Если не вредно, то усильте ваше влияние. Что видите?”

“Он вскочил и вышел в соседнюю комнату, где сидит женщина”.

По окончании опыта мы позвонили к нашему знакомому и, не говоря в чем дело, косвенно навели его на рассказ о его чувствованиях. Он сказал:

“Странное у меня сегодня было ощущение. Совсем недавно я сидел за книгой и вдруг почувствовал какое-то необъяснимое присутствие. Стыдно сказать, но это ощущение настолько обострилось, что мне захотелось прибавить свету. Все-таки, ощущение усиливалось до того, что я пошел к жене рассказать и посидеть с ней”.

Помимо самого опыта, который так ясно показал причины многих наших чувствований, для меня лично одна подробность в нем имела незабываемое значение. В земных обстоятельствах человек, конечно, не стал бы соображать, слабое ли у кого сердце. Он испугал бы, обругал, причинил бы зло, ни с чем не считаясь. Но тонкое тело, то самое, о котором так ярко говорит Апостол Павел, оно, в сущности своей, прилежит добру. Как видите, прежде чем исполнить приказ — испугать, явилось соображение очувствовать сердце. Сущность добра подсказала сейчас же, что было бы опасно повредить и без того слабое сердце.

Один такой опыт в самых обычных обиходных обстоятельствах уже выводит за пределы телесноограниченного. Получилось не только выделение тонкого тела, но замечательное испытание доброй сущности. Сколько темного груза должно отягчить светлую, тонкую сущность, чтобы люди доходили до человеконенавистничества. Опять, как говорил Святой Антоний, “ад — невежество”. Ведь весь темный груз, прежде всего, от невежества. При таком положении насколько нужны добрые мысли, которые своими незримыми крыльями касаются отягченного, отуманенного чела.

Когда люди в невежестве говорят: “К чему эти сосредоточения мысли, к чему эти ушедшие от мира отшельники? Ведь они эгоисты и о своем спасении только думают”. Большое заблуждение в таком суждении. Если даже на самом обиходном опыте мы могли убеждаться в доброй и благородной сущности тонкого тела, если мы видели, что мысль добра

превысила все приказы, так несомненные в таких случаях, то насколько же нужны эти мысли добра. Сколько простой, трогательной бережливости сказывается в простом ответе о слабом сердце. А разве мало сейчас слабых сердец, и кто имеет право отягощать их? Разве мало сейчас смертельно пораженных сердец, которые под одним неосторожным толчком уже не выдержат более? И будет это такое же точно убийство, как убийство кинжалом, пулею или ядом. Разве не яд проникает в сердце при злобном нападении? Какое огромное количество убийств, настоящих, умышленных, злобных в своей длительности, происходит вне всяких судов и приговоров! Отравить человека нельзя, задушить человека нельзя; это правильно. Но тогда почему же можно разгрызть и разорвать сердце человеческое? Ведь если бы люди, хотя иногда, хотя кратко, в час утренний помыслили о чем-то добром, вне их собственной самости, это было бы уже большим приношением миру.

Конечно, невежественные циники, наверное, будут ухмыляться, считая, что мысль это ничто, во всяком случае, не более былинки в воздухе. Всякий цинизм о мысли, о духе, о внетелесных возможностях будет ярким примером грубейшего невежества. Когда же эти невежды, злобно кривясь, скажут: “Куда уж нам, малокультурным, погружаться в океан мыслей”, — это будет сказано вовсе не в смирении и робости, но будет словом безобразнейшей гордости.

* * *

Часто люди втайне мечтают приобщиться чему-то, как они говорят в просторечии, сверхъестественному. Точно бы в естестве великом может быть естественное и, как

противоположение, сверхъестественное. Конечно, это обычное выражение, как противоречащее обиходу, не приводит к верному сознанию. Но главное дело то, что, как только людям доводилось прикоснуться хотя бы к началу такого необычного явления, они впадали в такой безудержный сердечный трепет, что явление останавливалось. Прекращалось оно по той же самой причине, как и в вышесказанном опыте. Становилось ясным, что невоспитанное сердце и неопытное сознание не выдержали бы ничего сверхбудничного.

Очень часто говорится о каких-то необъясненных сердцебиениях. Их вносят в рубрику половую, или чрезмерной работы, или каких-либо излишеств. Но не мало случаев нашлось бы среди этих явлений, когда какие-то прекрасные крылья уже касались ждущего или неждущего, а он, от одной близости этой, уже смертельно содрогался. Это тоже будет так часто несовместимая разница между языком земным и языком Небесным.

Сколько добра и сострадания заключено в простом соображении о слабом сердце. Если бы люди даже в обиходе чаще допускали себе эту человеческую мысль о чужой боли, о переутомленности и слабости сердца, то ведь они уже тем самым становились бы во многих случаях человечнее.

* * *

Явления мертвых рассказаны во всевозможных повествованиях. Они совершенно несомненны. Среди них несомненно и то, что много раз, являясь с целью очень нужною, родные и друзья не могли сказать свою благую весть только из-за того же опять-таки животного страха тех, кому они являлись. Известны случаи, когда,

желая спасти человека от опасности, усопшие должны были предпринимать целый ряд постепенных приближений, чтобы освободить человека, прежде всего, от страха. Именно страх так часто мешает принять самую добрую весть.

Об этих явлениях, о таких добрых вестях и желаниях помочь написано так много, что невозможно вдаваться в перечисление отдельных эпизодов. Начиная от теологических и через многие философские, исторические и поэтические рассказы, всюду утверждается, что и смерти как таковой нет и близость миров может быть ощущаема даже среди обихода жизни. Все это несомненно. Но злоба и ненависть, так обуявшие человечество в наше время, понуждают еще раз вспомнить о том, что сущность человеческая добро, а все злое, безобразно вредное будет наносным, прежде всего, в силу невежества.

Очень темные, глубоко павшие сущности проявляют свое влияние прежде всего на невеждах. Их излюбленное средство опять-таки будет через многообразное запугивание. Они постараются настолько омрачить и понизить сознание уловляемого, что он почувствует себя изолированным, одиноким и, наконец, увидит счастье свое лишь в общении с темными. Темные также постараются лишить уловляемого всех истинных радостей, подсунув ему всякие постыдные суррогаты самоуслаждения.

Человек хочет забыться. Вместо того чтобы хотеть возможно яснее помыслить и вооружиться на духовную битву, его заставляют забываться. В дурмане желания забыться, чего легче им овладеть и сделать его

послушным орудием, ублажая его в невежестве. Между тем лишь мысль добра, лежащая в основе, может подвинуть и к жажде знания. И тогда человек не упустит ни дня, ни часа, чтобы узнать, улучшить и украсить все, что возможно. И в этом процессе мысль добра будет и мыслью прекрасною.

*16 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

“ПИРРОВЫ ПОБЕДЫ”

Не случайно в изучении истории так закрепилось сказание о “Пирровой победе”. Глубокая трагедия заключалась в том, что царь Пирр после, казалось бы, блестящей победы над могучим Римом принужден был воскликнуть: “Еще одна такая победа, и я останусь без войска”.

В устах победителя особенно трагично звучит это признание об израсходовании сил. И другие такие же победы известны в разных эпохах человечества. Известны они как в государственном, так и в общественном и частном быту. Живо можно представить себе положение полководца, который поразил врага и не может двигаться дальше, ибо его собственное войско исчезло. Переводя на современный язык: фабрикант может великими трудами поразить всех конкурентов, а в итоге убедиться, что у него не осталось средств далее пустить в работу свои машины. И такие случаи из современной жизни можно легко найти. Конечно, современные вожди могут искать оправдания в том, что даже мощный царь Пирр не мог предусмотреть, сколько

именно сил ему потребуется на победу над врагом. Но все же, вероятно, и сам царь Пирр в послебитвенной тишине своего шатра мучительно терзался мыслью о том, что не был заготовлен еще один запас, который так спешно пригодился бы.

Это все относится к вещественным пирровым победам. Но возможны также пирровы победы и в духе. Деятель напрягает все свои внутренние силы, чтобы преобороть темные препятствия. Крайнее напряжение произведено. Враг отбит. Но после победы вдруг обнаруживается, что внутренние силы дотла израсходованы. Это представило бы из себя одну из величайших трагедий.

Конечно, вы скажете на это, каким же способом могут быть израсходованы духовные силы, если столько раз повторено о неисчерпаемости этого источника?

Правильно, источник духа неисчерпаем. Но он будет неисчерпаемым в осознании его. Дух вечный, неизносимый, неистрачиваемый питает все энергии. Но опять-таки для этого действия дух должен быть осознан. Психическая энергия должна быть хранима как величайшее целительное средство.

Когда может почувствовать себя истощенным какой-либо деятель? Только тогда, когда он предварительно не озаботился осознанием своего духа. Дух всегда живет тело, но, чтобы признать его, ведь нужно к нему обратиться и, растрчивая его на борьбу, нужно в то же время непоколебимо знать его неистощаемость.

Тот, кто сделал духовную жизнь неотъемлемой основой своего бытия, тот никогда, в духовном смысле, не может оказаться в положении Пирра-победителя.

Такой духовный водитель прежде всего будет знать, что начатая им битва начата изначально и будет лишь звеном бесконечного ожерелья духовных битв.

В таком осознании уже в начале каждой битвы воин мысленно предпошлет, что великий запас сил ему потребуется по окончании этой битвы. Он будет знать, что конец этой битвы лишь означает начало нового сражения. Это грядущее неотложное начало нового сражения воин будет приветствовать как еще одну ниспосланную ему возможность.

Он еще раз, еще яснее осознает, насколько неизбежны темные враги и насколько также неизбежно иметь именно их своими врагами. От изначально бытия формировались именно эти враги со всею яростью невежества. Ведь ярость невежества всегда будет самою неистовою. Невежда все-таки где-то терзается своею невежественностью. Он не желает допустить знание, ибо тогда он потерял бы свою темную службу. Но и в темнейшем сердце все-таки шевелится горчайшее ощущение чего-то неопознанного.

Воитель за светлую истину, за просвещение не может огорчаться наличием темных противников. Если бы они, темные, на него не нападали, это значило бы, что он ими не признан как противник. Это значило бы, что тьма не считает его в ряду деятелей и воинов Света. Тогда это было бы поистине прискорбно.

Легко можно усматривать разные слои сознания. В неглубоких слоях неопытный деятель подчас сожалеет о себе, видя борьбу нескончаемую. Но глубокое сознание, воспитанное сердце радуется, что призвано к почетной борьбе.

Тогда пиррова победа невозможна, зато суждена истинная победа, в которой обнаруживаются неисчерпаемые силы и возможности.

Приходилось видеть таких творцов за правое дело, которые в самую, казалось бы, для них трудную минуту восклицали: “Как это хорошо! Как именно это полезно!” Потом, когда обстоятельства оборачивались в их сторону и, действительно, бывшее положение оказывалось полезным, этих деятелей спрашивали:

“Ведь когда было так, казалось бы, безысходно трудно, не могли же вы знать, что эта трудность породит возможности и победу? Ведь в тот момент, когда Вы восклицали о полезности, по человечеству. Вы не могли же знать все следующее течение обстоятельств?”

Деятель улыбался и говорил:

“Рассудок мой, может быть, и не мог знать череду грядущих обстоятельств. Но сердце мое всем своим чувствознанием утверждало конечную победу. Когда я так решаяще говорил о полезности положения, это не было призывное заклинание в пространство, сердце мое не только знало, но утверждало грядущее”.

Именно нужно отличать заклинания отчаяния от чувствознаний сердечных. В отчаянии могут израсходоваться все силы, тогда как чувствознание, в великой заботливости, охранит запасы, нужные для будущего.

В выражении “пиррова победа” звучит большая ирония. Конечно, какая же это победа, которая приуготовила лишь самое ужасное поражение. Поражение Пирра началось от этой победы, значит, это поражение было уже таковым, когда звучали победные

трубы. Наступающий на Москву Наполеон был уже побежденным, а отступающий Кутузов уже был победителем. Наполеон израсходовал свои силы, ибо по известной совершенной им ошибке он потерял духовное руководство. В то же время, Кутузов мудро сообразил все силы и накопил свои будущие победы. Москва горела, освещая заревом своим поражение двенадцати языков. Такое событие потребовало больших костров.

Но для поучения вспомним, сколько невежд осуждали действия Кутузова! Сколько безумцев и вероломцев требовали от него, чтобы он израсходовал всю армию и породил бы будущее несчастье. Но старый военачальник, притворяясь иногда как бы сонным, знал свой путь, и его лавровый, неувядающий венец победителя всегда будет истинным поучением.

Среди уроков жизни, среди занятий живой этикой, пусть руководители и ведомые отличат, где истинное поражение, а где настоящая, сбереженная победа.

*20 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

ИСТИННАЯ СИЛА

Среди первых необузданных опытов внушения остаются в памяти несколько подлинных эпизодов. Передают, что человек, выпив стакан совершенно чистой воды, под внушением, что он принял сильный яд, умер при всех симптомах именно этого отравления. Человек, положенный в совершенно чистую постель, под внушением, что в этой постели умер тяжело заразный, получает все признаки этого заражения. Человеку

внушается, что началось наводнение — и он тонет в своей комнате, и он почти погибает от всех несомненных признаков утопания. Человеку внушается, что он переходит бурный горный ручей и, в большом обществе, находящийся под внушением снимает сапоги и часть одежды, осторожно пробираясь по воображаемым камням.

Некий врач заявил сильному гипнотизеру, что тот может воздействовать лишь на людей слабонервных, а он как врач никогда не поддастся этим шарлатанским воздействиям. Гипнотизер улыбнулся, сказав: “За эти Ваши слова сейчас, когда Вы пойдете от меня, Вы упадете на затылок и тогда, может быть, начнете думать иначе”. Многочисленные присутствовавшие наблюдали за этим своеобразным поединком. Врач очень бодро и возмущенно повернулся и стал удаляться от гипнотизера. Но через несколько шагов он вдруг остановился, пытался продвинуться дальше, как бы преодолевая какое-то препятствие, потом снова остановился и постепенно, несмотря на все свои усилия, хлопнулся спиной на пол. Поражение материалиста было встречено хохотом присутствующих. Потерпевший поражение конфузливо встал и, потирая затылок, поспешил покинуть зал.

Этот маленький эпизод манифестации внушения мог бы быть сопровожден множеством фактов, когда люди делали мысленно им приказанное, не отдавая себе отчета, что именно заставляет их поступить так, а не иначе. Кроме сознательных внушений, конечно, еще больше происходит не только бессознательных восприятий, но и бессознательных приказов.

Итак, выходит, что симптомы яда порождаются мыслью. Симптомы заразных болезней вызываются не самою заразою, но тою же мыслью. При этом для заразы или для яда нужен инкубационный период. Но мысль вызывает те же последствия и производит все предыдущее молниеносно. И тем мысль сильнее всякого яда, всякой заразы.

С другой стороны, если мысль может быть сильнее самых губительных вещей, то, естественно, она же может быть могущественнее и самых целительных воздействий. Всем известны случаи, когда врач, ради пользы больного, должен предписывать подсахаренную воду, которая дает самые прекрасные последствия. Естественно, не щепоть сахара, но мысль принимающего так могущественна. Казалось бы, всем уже достаточно известны факты могущества внушения, но все же постоянно и в профессиональной практике, и просто в быту значение внушения или забывается, или, еще хуже, продолжает отрицаться. В этом можно наблюдать исконную борьбу узкого материализма с безграничною, высокообразованною духовностью.

Прискорбно вспомнить, как часто самые малые соображения превышают спасительные послышки. Это не значит, что послышка была слаба. Могло, попросту говоря, не найтись для нее места у воспринимающего. И, таким образом, вместо чего-то очень полезного вдруг пересилило самое маленькое, ничтожно бытовое. Обычно происходит это в той среде, где о мысли как о таковой, вообще не помышляют. Ведь есть такие целые семьи, где рассуждение о мысли вообще не было бы допущено и во всяком случае было бы осмеяно.

Итак, часто самый важный двигатель, самое духовное начало подвергается самым яростным отрицаниям и осмеяниям. Рассказывается, что некое воинственное племя, когда идет для получения отпущения своих прегрешений от своего духовного главы, всегда воздерживается от нападений и разбоев. Но после получения благословения разбойные воины становятся особо ярыми и поспешно предаются всяким нападениям.

Не получается ли приблизительно то же самое, когда вы видите людей, казалось бы, после молитвы выходящих из храма и немедленно предающихся всякому злословию. Не то ли же самое часто делается очевидным, наблюдая людей, только что приобщившихся к глубокой трагедии или будто бы потрясенных духовным словом и, тем не менее, сразу же погружающихся в несносные, подлые сплетни и клевету. Во всех этих прискорбных случаях можно видеть примитивное состояние мышления. Именно настоящее невежество заставляет людей не распознавать, где и в чем заключается истинная сила.

Между тем познание истинной силы мысли может прийти лишь добровольно. Никакими лекциями и книгами, если к ним не раскроется сердце, нельзя просветить.

Некий педагог всячески предлагал своим ученикам думать. Но за его спиною необузданные невежды называли его несчастным многодумцем. Если бы этот эпизод перенести в окружение классических греческих академий, то какому ostracism были бы подвергнуты невежды, позволившие себе гоготать над благородным словом о мысли. Как благородно и дружелюбно должно

входить в сознание понятие ценности мысли. И какой это неотменный друг и советник, истинный доброжелатель появится этою очищенной, сбереженной мыслью. Истинная сила привлекается и усвоится там, где облагорожена мысль.

*25 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

ВЛЕЧЕНИЕ

Ливингстон только мертвым мог быть увезен из Африки, настолько его привлекала к себе именно эта часть света. Казати насильно был увезен из той же Африки, в которой он единственно чувствовал себя как дома. Весь остаток своей жизни, проведенной в Италии, казалось бы, на родине, он чувствовал себя несчастным.

Множество всевозможных примеров таких же, как бы непонятных влечений к определенной части света или даже к определенному месту, можно перечислить. Вот перед нами кровные испанцы, которые возлюбили или Гавану, или Южную Америку. Вот перед нами британцы, привлеченные навсегда в Индию. Вот перед нами шведы, французы, русские, которые могут дышать лишь воздухом Азии.

В жизни человеческой столько трудно объяснимых влечений. От самых высоких и до самых повседневных. С одной стороны, мы видим влечения к месту своего рождения. Это находит себе многие пояснения. Но как же можем мы разгадать необъяснимое, властное влечение к какому-либо удаленному месту земного шара. Часто люди попадают туда как бы случайно. И вдруг находят

себя опять-таки, как бы в природной обстановке. Ведь никто не изгонял их из места их рождения. Никакие оскорбления или преступления не гнали их за далекие моря и горы. Значит, было какое-то другое основание, какой-то другой магнит, который заставлял их всем сердцем устремиться туда, куда и рассудок не мог бы посоветовать.

Такие влечения, они совершенно отличны от справедливого желания молодежи куда-то уехать, куда-то вырваться, где-то на новом воздухе расправить крылья. В час таких решений юный искатель даже не задается мыслью, куда именно ему хочется. Он лишь знает зовы, а может быть, и вопли сердца, влекущие его еще что-то узнать. Обычно благородные характеры выясняются в таких искателях. Они добровольно ищут какое-то испытание. Эти первые дни самостоятельности навсегда останутся для них маяком бодрости.

Мысленно шлем привет одному нашему американскому другу, который сейчас, в преклонных годах, с особенною живостью и ласковостью вспоминает свое первое путешествие в качестве юнги на корабле. Этот же деятель рассказывал мне, как, в свою очередь, он послал внука своего одного, верхом, от Тихого Океана к Атлантике, чтобы приучить десятилетнего мальчика к полной самостоятельности. Наверное, где-то по намеченному пути была незримая забота о юном путешественнике, но все же он должен был выполнить задание, предоставленный своей находчивости и разумности. А ведь передвижение по Америке при необыкновенно сложном и насыщенном движении иногда бывает полным всякими неожиданностями. При

этом было даже наставление, чтобы всадник не только хранил свое здоровье, но и привел бы коня в добром состоянии. Наверное, такая поездка останется в памяти на всю жизнь.

Также все мы читали о молодых людях, бежавших в Америку за поисками новой жизни. И в таких случаях привлекало само передвижение, искание новых решений жизни, но все-таки это не было всегда нахождением желанного места, в котором хотелось бы сосредоточить труд и жизнь.

Иначе звучит рассказ об одном пятилетнем тибетском мальчике, который неоднократно, неудержимо уходил в какой-то свой дом. Малыш одевался как бы в дорогу. Привязывал себе на спину запас пищи и священную книгу, а затем находил удобный момент исчезнуть из дому. Когда же бросались его искать, то находили идущим по горным тропинкам. Его пробовали возвращать домой. Ему говорили, что он должен вернуться в дом свой. Но мальчик уверял, что он именно идет в свой настоящий дом, что дом, где он жил до сих пор, не его дом, и что он должен спешить в свой настоящий дом, где он должен остаться. Мы проезжали это место как раз во время четвертого ухода этого мальчика и не знаем, чем это кончилось в будущем.

Во всяком случае это было какое-то непреодолимое влечение, и, весьма возможно, что если оно осталось бы невыполненным, то малыш засох бы, как цветок без влаги. Изумительно было наблюдать, что пятилетний мальчуган так серьезно толковал о своем настоящем доме, в который он должен пойти.

Вот и Ливингстон, и Казати, и все те бесчисленные путники к дому своему, они засохли бы, если им не пришлось бы достичь своего назначения, так ясного их сердцу. При этом особенно поразительно то обстоятельство, что эти устремленные не искали только благорастворения природы, не стремились к какому-то благоустроенному жилью. Наоборот, их дом, их свой дом, бывал очень труден. Такой желанный дом бывал часто почти непереносим для их тела, и все же их дух ликовал и чувствовал себя в назначении.

“Не по хорошу мил, а по милу хорош”. Эта поговорка заглядывает глубоко. В ней подчеркивается внутреннее значение, которое превышает все внешнее. Если такой путник нашел свой дом, то бывает губительно отрывать его оттуда по каким-то внешним обстоятельствам. Никакие повышения служебные, никакие заманчивые выгоды не могут возместить человеку найденного им своего дома. Он не сделается членом народа или племени, среди которого находится этот его необъяснимый дом. Он привлекается туда не столько людьми, сколько всеми прочими обстоятельствами бытия. Ведь когда человеку хорошо, то обычно он даже не может объяснить словами, почему ему хорошо. Иногда это хорошее чувство возникает даже при очень трудных обстоятельствах.

Так же точно человек, встречая своих спутников или противников, часто не отдавая себе рассудочного объяснения, по глазам и по сердцу знает многое, что не может быть рассказано словами. Люди должны со всею бережностью относиться к таким влечениям. Они должны улавливать их даже в самых зачатках, чтобы не

потушить и не раздробить их оковами рассудка. Если в человеке проснулось такое влечение, то можно извратить человека, можно навсегда его исковеркать, но ничем не удастся изъять из него то, что сердце его, что дух его знает.

Знаем и навсегда пораненных людей. Или кто-то когда-то не допустил их до своего опознанного дома. Или кто-то и что-то лишило их найденного спутника. Невежды считают такие влечения чепухой, предвзятостью, которую нужно прекратить всякими мерами. Эти невежды никогда не задумаются, откуда, по какой причине приходит его знание. Но зато можно видеть, какое огромное значение для всей жизни человеческой приносит нахождение этого своего опознанного дома, нахождение и своего сужденного, когда-то встреченного спутника. Если бы даже по каким-то причинам человек добровольно, для блага должен был бы временно разлучиться со своим домом, со своим спутником, то все же вся его деятельность, в течение временного отсутствия, пройдет под знаком совершившегося опознания.

Человек нашел свой дом, человек нашел спутника, человек укрепился давними магнитами и тем яснее и звучнее может он приносить ближним своим великую пользу. Сердце знает, когда довлеет опять прикоснуться к каким-то другим домам и когда настанет час воодушевить каких-то других спутников. Такое сердечное чувствознание не обессилит человека, оно лишь преобразит его деятельность, и многие спросят себя, откуда берутся такие силы и такая уверенность? Они происходят от опознания желанного дома, от

взаимоукрепления желанным спутником. Семья, воспитатели должны бережно относиться к каждому проявленному влечению. Дом может быть и очень близко, а может быть и за горами, и за долами. И спутник найдется тогда, когда ничем не отемнены истинные, сужденные влечения.

*27 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

РОССИЯ

Начальные главы Вашей работы догнали меня уже в монгольской пустыне. Хотя знаю, что эта моя весточка дойдет до Вас не скоро, но все же не могу не написать Вам.

Уж больно глубоко и правильно чувствуете Вы Россию. Мало где встречались мне определения, подобные Вашим. В яркой мозаике Вы сложили многообразный лик великой России. И сложили этот лик в дружелюбии ко всем частям его. Именно прошли по вехам добрым. Лишь добрые знаки отмечают путь верный.

Вы говорите: “Россия не только государство... Она — сверхгосударство, океан, стихия, которая еще не оформилась, не влегла в свои, предназначенные ей берега. Не засверкала еще в отточенных и ограненных понятиях, в своем своеобразии, как начинает в бриллианте сверкать сырой алмаз. Она вся еще в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных желаниях и бесконечных органических возможностях.

Россия — это океан земель, размахнувшийся на целую шестую часть света и держащий в касаниях своих раскрытых крыльев — Запад и Восток.

Россия — это семь синих морей; горы, увенчанные белыми льдами; Россия — меховая щетина бесконечных лесов, ковры лугов, ветреных и цветущих.

Россия — это бесконечные снега, над которыми поют мертвые, серебряные метели, но на которых так ярки платки русских женщин, снега, из-под которых нежными веснами выходят темные фиалки, синие подснежники. Россия — страна развертывающегося индустриализма, нового, невиданного на земле типа, неопределенного пока...

Россия — страна неслыханных, богатейших сокровищ, которые до времени таятся в ее глухих недрах.

Россия — не единая раса, и в этом ее сила. Россия — это объединение рас, объединение народов, говорящих на сто сорока языках, это свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония.

Россия — не только страна мгновенного настоящего. Она — страна великого прошлого, с которым держит неразрывную связь. В ее березовых солнечных рощах по сей день правятся богослужения древним богам. В ее окраинных лесах до сей поры шумят священные дубы, кедры, украшенные трепещущими лоскутками. И перед ними стоят бедные, глиняные чашки с кашей — жертвой. Над ее степями плачут жалейки в честь древних божеств и героев.

Россия есть страна византийских куполов, звона и синего ладана, которые несутся из великой и угасшей наследницы Рима — Византии, второго Рима. И придают

России неслыханную красоту, запечатленную в русском искусстве. Россия — могучий, хрустальный водопад, дугою выющийся из бездны времени в бездну времен, неохваченный доселе морозом узкого опыта, сверкающий на солнце радугами сознания, гудящий на весь мир кругом могучим утверждением всеславянского бытия.

Россия грандиозна. Неповторяема.

Россия — полярна. Россия — миссия новых времен.

Россия — единственная страна в мире, которая величайшим праздником своим славит праздник утверждения жизни, праздник воскресения из мертвых, радуясь заре весеннего расцвеченного дня, с огнями крестных ходов под утренним яхонтовым, парчовым, заревым небом”.

Не странно ли, что в письме к Вам выписываю Ваши же слова. Но слова эти так верны, так душевны, так красивы, что просто хочется в них еще раз пережить запечатленные в них образы. Ведь их нужно не только знать, их нужно полюбить. Чем больше мы всеми звуками и красками, всеми иероглифами бытия их запечатлеем, тем больше будет явлено правды, а ведь это так нужно. Так спешно нужно.

В дальнейшем Вашем обзоре строения русского самобытного искусства Вы правильно помянули В. В. Стасова. С Вами вместе и я мысленно еще раз помянул его. Ведь он, так сказать, впервые ввел меня в хранилище Публичной библиотеки. Он допустил меня к сокровищам этого хранилища и поддержал в моих первых зовах о России.

Помню нашу переписку с ним. Всегда я ему писал в виде старинных русских грамот, и он всегда радовался, если слог и образность были исконными. Иногда он отвечал мне тем же истинным слогом. А иногда добродушно подсмеивался, говоря: “Хотя Ваша пожелтая грамота и припахивала свежим кофею, но дух-то ее оставался русским, настоящим русским”. Помню его фельетон о моей картине “Поход”, в котором он понял желанное мне, основное устремление. У Курбатова была фотография наша, снятая у его знаменитого, отягченного книгами стола в Публичной библиотеке. Когда Вы приводите Стасовские цитаты, мне так живо рисуется и Публичная библиотека, и все те хорошие, замечательные люди, приходившие к его радушному столу. Он же, Стасов, свез меня и познакомил со Львом Толстым после моей картины “Гонец”.

Когда же Вы поминаете Мусоргского, дядю Елены Ивановны, то тем самым вызываете во мне обиход всех, родственно связанных с нашим великим композитором. Трагедия жизни Мусоргского тоже была истинно русской трагедией. Может быть, при встрече я уже поминал Вам, что в одном имении, по неведению, были сожжены многие рукописи великого творца.

Не помню, говорили ли мы с Вами о семье Римских-Корсаковых, о других членах “могучей кучки” и о передвижниках, с которыми мне еще пришлось встретиться. Ведь Куинджи, Шишкин, Репин, Суриков, Нестеров, Васнецовы — все это было и близким, и поучительным.

Вы правильно поминаете и нападки на все национальное. Между тем именно этим-то,

национальным русским, искусство России было так оценено на Западе. Казалось бы, этот яркий, всем известный пример должен быть достаточным укором для всех тех, кто пытался свернуть мощную реку русского творчества в чуждое ей русло. Правильно Вы понимаете слова Стасова: “Всякий народ должен иметь свое собственное, национальное искусство, а не плестись в хвосте других, по проторенным колеям, по чьей-либо указке”. В этих словах вовсе не было осуждения иноземного творчества. Для этого Стасов был достаточно культурный человек; но как чуткий критик он понимал, что русская сущность будет оценена тем глубже, если она выявится в своих прекрасных образах. А сколько прекраснейших и глубочайших образов дает Россия. Сказанное и несказанное, писанное и неписанное, как в старинных синодиках, остаются неизреченными образы величественные. В этой еще несказанности и заключается та скрытая народная, та чаша неотпитая, о которой и Вы так сердечно чувствуете.

Надеюсь, что и дальнейшие Ваши главы хотя и медленно, но достигнут меня и принесут еще радость. Помните мою картину “Три Радости”? Хожалый гуслир повещает поселянину о трех радостях. Сам Святой Егорий коней пасет, сам Никола Чудотворец стада уберег, а сам Илья Пророк рожь зажинает. Не знаю, где осталась сама картина. В книге Эрнста есть маленькое воспроизведение ее. Всякие еще несказанные радости живут в сердце.

* * *

Сегодня ночью с вихрем ударил сильный мороз и снег. В наших юртах стало холодно, даже часы

остановились. Утром засияло красно солнышко, в буквальном смысле, а все бугры и горы забелели, зарозовели и засинели в нежданном снеговом уборе. Со ступеней бывшего храма окружающая местность мне напомнила две моих картины. Одну из далекой Карелии, другую из тибетского Чантанга. Такие же холмы были и в моей картине 15-го года “Зовущий”. Все зовы о том же. Величие простора едино. Спасибо за Ваше слово о России, которая мне так по сердцу.

*26 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

НЕРЕЧЕННОЕ

Ученые говорят, что абсолютного нуля достигнуть нельзя.

“Профессор Лейденского университета В. де Хаас, достигший в своих лабораторных опытах одной пяти тысячной градуса выше абсолютного нуля, заявил, что абсолютного нуля никогда нельзя будет достичь”.

“Абсолютный ноль — 459,6 градуса ниже нуля по Фаренгейту. При этой температуре все газы делаются массивными и всякое движение прекращается”.

Итак, еще одна абсолютность признана невозможной. Так же точно при разложениях и обратных сложениях получается маленькая разница. Выходит так, что механически сложенное теряет нечто бывшее и даже уловимое по весу при начале опыта. Известный опыт с разложением и механическим сложением картофеля показывает, что остается нечто, ускользающее от формулировок.

Такое же нереченное можно наблюдать во всевозможных явлениях. При этом именно в таком неуловимом для формулировки обстоятельстве будет заключаться нечто особо существенное. Опять-таки приходится вспомнить о том, что вес человека, погруженного в интенсивное мышление, разнится от его обычного веса.

Такое нечто, с одной стороны, разочаровывает исследователей в своей недостижимости. Но с другой стороны, именно это нечто, даже уловляемое нашими грубофизическими аппаратами, всегда останется и зовущим, и воодушевляющим. Можно ли быть огорченным, разочарованным, когда такие явные возможности уже доступны даже земным выражениям. Наверное, будет допущен еще какой-то новый подход в исследованиях, который вместо воображаемой абсолютности даст новую беспредельность.

* * *

Рассказывают, что некоторые знаменитые полководцы, во время самых ответственных сражений, оставались в своей ставке, как бы погруженные в какое-то механическое, обычное занятие. Люди незнающие допускали всякие иронические соображения. Некоторые даже полагали, что в эти моменты полководец хотел мысленно уйти под влиянием страха. Но знавшие этих великих людей ближе отлично понимали, что в это время происходил какой-то, тоже нереченный процесс.

Вождь сделал все от его рассудка зависящее. Рассудочно он не мог в эту минуту изменить там где-то уже примененных его приказов. Вождь хотел отставить язык рассудка и дать чему-то нереченно глубокому

создать новый влиятельный процесс. Какое-либо маленькое механическое занятие вовсе не было простым времяпрепровождением. Наоборот, это был один из способов переключить свое сознание. Само собою разумеется, что и без механических отвлечений сознание может быть переключаемо. Но для этого надо, наряду с искусством мышления, вполне овладеть и обратным искусством остановки мысли.

Если искусство мысли не легко, то и умение остановить мысль иногда может быть более трудным. Ведь для этого нужно, чтобы данный процесс мысли остановился бы вполне, чтобы новое образование в сознании возникло бы ничем не отягощенно. А это очень трудно, ибо опять-таки абсолютности не бывает и при таком опыте.

Очень часто люди предполагают, что они перестали мыслить о чем-то, но все же это останется их миражом. Они себя заставляют насильственно думать о чем-то другом. Но само это насилие уже будет оставлять какие-то рефлексy прошлой мысли. А ведь, чтобы переключить сознание, нужно тоже достичь каких-то мельчайших, многонулевых цифр. И это все-таки будет относительность.

Но издревле, от высот сказано, “если хочешь стать новым человеком, вздохни о Нереченном. Во вздохе едином перенесись в края беспредельности”.

Итак, не длинными вычислениями, но во вздохе едином о Нереченном обновляется сознание. И там, где казался недостижимый, непроходимый утес, там неожиданно открываются зовущие дали.

Но все должно быть добровольно. В этом понятии заключен закон величайший. Никакое насилие, никакое принуждение не позволит сознанию возвышенно переключаться. Добровольность обычно остается очень не истолкованным понятием. Всякая вольность в обиходном понимании часто не уживается с добром, с сердечностью к ближним.

Конечно, всякие испытания и жизненные опыты достаточно покажут на деле, насколько преобразует все действия светлая добровольность. Ведь это прекрасное желание изойдет из глубин чаши сознания. Оно дает и самоотверженность и желание постоянного творчества во всем одухотворенном труде.

Опять-таки очень трудно различать, где истинная добровольность и где какие-либо посторонние, навешанные соображения. И в воинских частях бывают добровольцы. Но среди них лишь некоторые будут истинными добровольцами, тогда как добровольство прочих будет окрашено тем или иным соображением. Есть целые военные части, куда идут как бы добровольно, но в сущности, чтобы избежать или покрыть ту или иную житейскую драму.

Во всех мыслительных процессах добровольность играет главную роль. Без нее останется лишь грубый мираж, который никогда не обновит сознания.

* * *

Какой же светлый вздох о Нереченном может производить необъяснимое относительно формулами? Какой же перенос сознания в Нереченное сможет обратить материю в дух или, вернее сказать, одну степень состояния в другую? Где-то уже кончится воля,

где-то погаснет желание, где-то не найдет слова приказ, и там обновит все единый вздох о Нереченном.

Самая изысканная пранаяма окажется недействительной там, где в пространствах пронесется вздох о Нереченном.

Читаются книжные слова о самом великом. Прекрасны эти слова, но там, где Слово, там самые лучшие слова требуют еще чего-то, еще большего — Нереченного.

Спрашивает — “мне ли мыслить о Нереченном?” “Да, да, именно тебе, на всех путях”.

*28 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

ВЗАИМНОСТЬ

“Взаимность есть основа соглашений”.

Сколько раз эта старая французская поговорка повторялась. Твердилась она и на лекциях международного права, и при заключении всяких договоров. Наконец, произносили ее в бесчисленных случаях всяких жизненных пертурбаций.

Не только сама непреложная истина заключена в словах поговорки. Каждый человеческий ум, на всех ступенях своих, отлично понимает, что без взаимности всякая договоренность будет лишь пустым и стыдным звуком. Без взаимности непременно будет участвовать ложь, обман, который рано или поздно даст все последствия, творимые обманом.

Вот мы говорили о добровольности. Но и взаимность может расцвести лишь на основе доброй воли. Ничем

нельзя вызвать так называемую взаимность, если этот прекрасный цветок не расцветет лотосом сердца.

Волны бьются о скалы. Скалы встречают их без взаимности. Правда, волны могут источить скалы. Волны могут образовать целые подводные пещеры и, в постоянстве своем, могут разрушить каменных гигантов. Но ведь это будет не соглашение, не договоренность — это будет натиск. Это будет насилие, а всякое насилие непременно окончится тем или иным разрушением. Поднявший насилие от насилия и погибнет.

В примере волн и скал как бы встретились два несогласимых элемента. Но даже и скалы, если их породы позволили бы, они могли бы ввести даже противоположное начало в полезные для бытия каналы.

Но вряд ли можно предположить, что сердца человеческие так же мало согласимы, как вода и камень. Ведь даже и вода может быть в твердом состоянии, и породы камня могут издавать влагу. И ведь эти элементы лишены сознания. По крайней мере, их сознание нам недоступно. Но не может же быть такого человеческого сердца, которое, с одной стороны, не могло бы дать влагу благодати, а с другой стороны — не было бы способно к адаманту мужества.

Общая всем векам и народам человечность все-таки неистребима. Какими бы наркотиками, алкоголем и никотином ни убивать ее, она все-таки как-то и где-то может быть пробуждена.

Великий преступник бывает трогательным семьянином. Значит, если его чувства все-таки способны пробудиться по отношению к своему — тем самым при каком-то усиленном процессе они могут быть

продолжены и ко всему сущему. Сейчас уже не ставится идеал Святого Франциска Ассизского, говорившего даже волку — “брат волк”. Даже не задается идеал подвижников, обладавших сердечным языком, понятным и птицам, и животным. Помимо этих высоких идеалов, слыша о которых, люди обычно восклицают: “Мы ведь не Франциски”, может быть основание общечеловечности.

На этой сердечной основе все-таки можно открыть даже самое затворенное сердце. Помимо всех своих торговых дел, о которых сами люди сложили тоже поговорку: “Не обманешь — не продашь”, помимо всей многообразной торговли, люди не могут избежать прикосновения к духовным сферам. Люди, непривычные к таким касаниям, иногда, вместо благодати, ощущают даже болезненность. Это происходит от непривычки к таким ощущениям. Ведь человек, никогда не ощущавший электрической искры, всегда уверяет, что даже малейший разряд для него крайне чувствителен. “Так меня и обожгло”, или “Так меня и пронзило”, говорит новичок, а вскоре, при повторности, даже и не замечает еще больших разрядов.

Конечно, эти восклицания происходили вовсе не от повышенной чувствительности, а от закоренелого предубеждения. Разве не бывает именно такое же нелепое предубеждение и в человеческих отношениях, где волна разумности и сердечности бьется о скалу враждебности или тупости.

Странно и то, что люди так часто воображают взаимность в деле какой-то официально государственной договоренности. Но ведь без семейной, дружеской и

общественной взаимности, какая же может быть речь о государственности? Потрясая основы общежития, люди тем самым потрясают и все прочие основы. Можно потрясти основы брака и в результате государство получит целые миллионы внебрачных, беспризорных, дичающих подростков. Можно сделать гнусную шутку из употребления всяких ядов и можно окончить почти отравой целого народа. Разве мы не видим примеры?

В каждом из таких случаев, превратившихся в народное бедствие, в начальной основе можно бы усмотреть какое-то тупо эгоистическое действие. Кто-то один помыслил лишь о своем самоуслаждении или преступной выгоде, и от этого одного злобного уголька вспыхнули пожары народных бедствий. Поистине, озверелый эгоизм есть, прежде всего, враг взаимности.

Общежитие дает множество возможностей для воспитания взаимности. Ведь все чувства должны быть воспитаны. Но много истинной человечности и терпимости нужно проявлять, чтобы сама идея взаимности могла бы расти свободно и добровольно. Взаимность напоминает и об ответственности. Ведь каждый, отказавший в предложенной ему взаимности в делах блага, тем самым принимает на себя и тяжкую ответственность. Во взаимности сочетаются и разум, и сердце. Сердце, по благодати, чувствует, где оно должно простирать свое благоволение. С другой стороны, разум напомнит о той ответственности, которая будет порождена жестоковейностью или невежеством.

Опыт маленьких сотрудничеств, малых ячеек, собравшихся для добротворчества, дает многие испытания возвращению взаимности. Все лучше

испытывать прежде всего на обиходе. Посмотрите, как будут претворяться обиходные будничные задачи и столкновения, и вы поймете: как в мегафоне, они отразятся во всеуслышание. Самость и самовыгоду можно проверять тоже по мегафону. Какой ужасный раздирающий рев и вой может получиться из самого, казалось бы, ничтожного домашнего недоразумения.

Недаром в старинных школах жизни руководитель подчас умышленно бросал испытание терпимости и взаимопонимания. Тем, кто в сердечности не мог понять нужное, те, хотя бы по разуму, могли предостеречь самих себя от возникающей ответственности. Можно ударить по какому-либо звучащему предмету в одном углу дома и получить отзвук в нежданно противоположном помещении. Совершенно так же точно и в создании ответственности и взаимности.

Если бы только люди могли скорее осознать, что для блага народных преуспеваний взаимность не должна оставаться в пределах поговорки, но должна войти как основа сотрудничества.

“Взаимность есть основа соглашений”.

*29 апреля 1935 г.
Цаган Куре.*

НЕПРИЯЗНЬ

“Писать вам о том же для меня не тягостно,
а для вас назидательно”.

Как многое звучит в этих словах. Одно это “о том же” вызывает глубокое размышление. Можно изумляться той адамантовой стойкости, которая порождала это

спокойное сообщение там, где в других случаях, в других устах уже произошло бы раздражение. Именно “не тягостно”, ибо писавший эти слова мудро знал всякие степени духа, знал, насколько нелегко повернуть руль в правильное течение мысли.

Среди многих подлежащих повторению понятий будет всем известная неприязнь. Всякий, кто будет и просить, и указывать о том, чтобы неприязнь не взращивалась, уже тем самым будет в рядах строителей.

Одно дело, справедливо обоснованное негодование против разлагающих попыток сил темных, но совершенно другое — искусственно сотворенная и легкомысленно питаемая неприязнь. Из очень маленького и неглубокого источника истекает начало неприязни. Как часто в основе ее будет крошечное личное чувство, малюсенькая обида или несоответствие в нажитых привычках. Обычно человек сам и не замечает, когда именно проникла в его чашу эта маленькая ехидна. Течение неприязни обычно очень длительно. Она накапливается от всяких предпосылок и миражей. Человек, когда-то почувствовавший маленькую обиду, затем уже в самотворчестве начинает, как безумец, прилеплять к этому зародышу и хвостик, и крылышки, и лапки, и рожки — пока не получится настоящее маленькое чудовище, неотступно живущее за пазухой.

Опять-таки множество раз эти самодельные чудовища бывали описаны в народной литературе. И тем не менее, почти все, читающие о них, никогда не отнесут описанное к своему же обиходу.

Сначала, попросту говоря, что-то не понравилось. Это нечто, вероятно, произошло в самом обиходнейшем

смысле, а затем эта повседневность перенесется и в более широкий план, а затем закрепится, как раковый нарост, в самом опасном виде.

Человек дойдет до того, что даже, не отдавая себе дальнейшего отчета, не в состоянии будет встречаться с кем-то или с чем-то. Постепенно самовнушением человек убедит себя, что именно эта маленькая житейская подробность для него всегда была самым существенным условием жизни.

Каждому приходилось встречать таких печальных чудаков, которые сами нагромождали около себя непроходимые заторы миражного хлама. Каждый может вспомнить о людях, уверявших, что их организм не принимает ту или иную пищу. В то же время, когда им давали именно эту же пищу под другим названием, то их организм отлично воспринимал ее без всяких последствий. Значит, первоначально создавалась неприязнь, которая самовнушением достигла чудовищных размеров овладения.

Из любой житейской области можно перечислить множество подобных примеров. Человек уверяет, что он не может пройти по краю пропасти, но, преследуемый диким зверем, он пробегает еще более опасное место, даже не замечая того. Наверное, каждый имеет в запасе множество подобных примеров.

Тем не менее вопрос самовращенной неприязни остается в жизни одним из самых вредоносных. Иногда пробуют объяснять такую неприязнь к чему-либо или врожденным легкомыслием, или избалованностью, отсутствием дисциплины, или попросту возрастом. От всех этих объяснений легче не станет, ибо чудовища

неприязни будут по-прежнему как жалить самого их создателя, так и вредить окружающему. Из обихода, из частной жизни они разнесут свой яд среди общественности и будут вредительствовать вплоть до коренных государственно-мировых проблем.

Наверное, каждому приходилось иногда спрашивать своих друзей о причине их неприязни к чему-либо. Также, наверное, многие из опрошенных уверяли, что это чисто врожденное, непреодолимое ощущение. А в сущности, все же оказывалось, что где-то и как-то создалась та или иная привычка, а затем какое-то обстоятельство просто не ответило этой привычке. Когда-то кушанье показалось слишком соленым, а ожидаемый цветок не расцвел к назначенному сроку. Даже такие пустяки могут постепенно накручиваться в целую идиосинкразию.

От наносной неприязни следует излечиваться, как от зачатка безумия.

Много раз сама жизнь покажет, что именно то обстоятельство, которое было, казалось бы, непреодолимым предметом неприязни, вдруг делается полезнейшим, а то место, которое казалось пустейшим — окажется богатейшим. Тогда со многим стыдом человек должен будет отобрать все свои преждевременные заключения. Много раз внутренне он пожалеет, что допустил самодельным чудовищам до такой степени овладеть им.

Если несправедлива неприязнь, то так же несправедливо лицепрятие. Человек, окруживший себя негодными призраками — любимцами, достоин такого же сожаления, как и породивший неприязнь в себе. Ведь

и создателю лицеприятия придется рано или поздно сознаться в своей неосновательности тоже с великим стыдом. А ведь у людей неглубокомыслящих этот стыд породит раздражение и создаст новое вредительство. Конечно, и самодельная неприязнь, и неразумное лицеприятие одинаково стыдны, ибо их одинаково придется изживать. А всякое хождение в оковах очень тягостно. Так же тягостно, как всякое нарушение естественной справедливости.

В римском праве изучаются различия между фас и юс. Процесс порождения одного из другого очень сложен. И все же можно изумляться тем глубоким умам, которые проникали эти тонкости образования человеческих отношений. Если мы имеем перед собою всевозможные примеры здравого обсуждения и желания наиболее правовых решений, то это и в обиходе должно понуждать к очень сознательно-заботливому отношению к своим поступкам.

“Слово не воробей, выскочит — не уловишь”, — предупреждает народная мудрость. Конечно, здесь предполагается не только внешне звучащее слово, но и значение породившей его мысли. Если каждая мысль производит какой-то зигзаг в пространстве, то ведь этот иероглиф где-то останется и всегда будет напоминать, прежде всего нам самим же, о том, как прискорбно наполнять пространство необдуманно иероглифами. За каждый из них мы ответим и ответим в пространственном мегафоне.

“От падения лепестка розы — миры содрогаются”.

Гнусит радио, монотонно и неумолимо нечто пронзает пространство. Что это? Лицеприятие? Или неприязнь?

Будем надеяться, что создается еще один пространственный иероглиф справедливости.

*1 мая 1935 г.
Цаган Куре.*

ПРОМЕДЛЕНИЕ

“Промедление смерти подобно”.

Так сказал Петр Великий. Что же в этом нового? Почему это изречение так часто поминается? Разве этого никто не знал раньше? Нового ничего нет в этом речении. Тем не менее, оно и поминается, и будет поминаться. Оно должно быть написано надо всеми государственными и общественными учреждениями. Оно должно быть на первой странице школьных учебников.

Дело не в том, что сказано нечто абсолютно новое. Вообще не есть ли новое лишь во времени и по обстоятельствам? Но в том дело, что сказано это и в такой повелительной форме, что должно быть во всех делах человеческих. Это не есть повторение, ибо форма сказанного, вероятно, вполне оригинальна в своей краткости и убедительности. Просто сказано то, что нужно, что нужно всем, нужно для каждого дня. Сказано то, что люди пытаются позабыть насколько возможно. Пытаются противопоставить другое циничное речение: “Не делай сегодня того, что можешь сделать завтра”.

В цинизме и в лени люди стараются сложить и поговорки, и побасенки, лишь бы чем-то отложить труд. Значит, для них всякий труд есть и тягость, горе, значит, для них труд есть проклятие. А разве не ужас, когда сужденная радость обращается в проклятие, в ужас, в горе?

Промедление бесконечно однообразно в своих свойствах. Как умело оно бывает прикрыто, так прикрыто, что даже опытный глаз не всегда рассмотрит, где оно уже приключилось. Причин к нему можно находить до бесконечности. А ведь всякий знает, что человек в безумии своем бывает находчив и изобретателен до невообразимости.

Бывает промедление по незнанию, по тяжеловесности характера. Бывает от доверчивости к другим, также бывает от намеренной злобности. Словом, можно почти все происходящие действия квалифицировать по той или иной степени медлительности. Если бы только эта медлительность не вредила в конечном результате. Но всякое несовершенство, так же как и всякое зло, неминуемо должно отозваться где-то и как-то. В каждой истории государств можно находить поразительные примеры, как маленькая медлительность порождает великие следствия. Значит, это промедление не было таким малым, как оно могло казаться земному глазу: значит, в нем уже был заключен весь эмбрион последующего. Если бы рассмотреть такие промедления под микроскопом, то можно бы увидеть уже готовый огород всяких бактерий.

Если бы все промедлившие уже осознали сотворенное ими грядущее, то, наверное, многие из них ужаснулись и удесятирили бы поспешность и прилежание. Но о будущем вообще думают так мало. Мы уже не раз говорили, что в школах не приучают мыслить о будущем. А ведь без мысли о будущем человек будет как бы слепым. Ослепшие видели прошлое для них и уже не

увидят будущего своего. Всякая слепота должна быть избегнута лучшими медицинскими воздействиями.

Бывает и так, что люди как бы готовятся к будущему, но когда наступают признаки его, то их не опознают. Было давно сказано, что придет вестник, но когда он приходит, то его не признают. От этого самые нужные и спешные письма могут попасть в руки злоумышленные.

Такие неопознания, в конце концов, тоже заложены в промедлении. Само слово промедление достаточно говорит, что нечто было промедлено, иначе говоря — опоздало. Можно опоздать положить яйца под курицу, и тогда не нужно удивляться, что цыплята не произойдут. Пример яйца очень убедителен, ибо в нем уже готовы все элементы для следующей эволюции. И от простого промедления или от неосторожной забывчивости нечто предусмотренное и готовое предается тлению. Разве имеет кто-нибудь право по недобросовестности порождать тление?

Речение Петра Великого, действительно, и уместное, и великое речение. Стоит вспомнить его собственную жизнь и работу неустанную, чтобы понять, сколько вожжей правитель умел держать в своих руках одновременно. Есть люди, которые умеют держать в руке несколько вожжей, а другие, не развив в себе это умение, с трудом удерживают и одну. Какой же будет возница с одною вожжою в руке? Такие сравнения были бы смехотворны, если бы подчас они не являлись такими скорбными.

Не следует думать, что все прирожденное уже имеется в готовом, обработанном виде. Ведь все нужно воспитать и испытать. При этом испытания не могут быть

случайными, они должны быть встречены в полном сознании, с полной готовностью и разумностью.

Такая готовность и зоркость уже упасет от промедления. Разве в полете метеора может быть промедление? Разве орбита светил могла бы допустить промедление?

“Промедление смерти подобно”.

* * *

“Не оставляйте мед слишком долго открытым”.

Тоже речение о промедлении. Каждый испытал на себе, как может изменяться вся судьба его от минутного запоздания. Сказано: “Преждевременность судима, а опоздание уже осуждено”. И в этом старинном речении выражено тоже предупреждение о своевременности.

Опять-таки, нужно ли повторять всякие старинные предупреждения? Ведь они так древни, так много веков они предупреждали людей. И предупреждали, и просили, и доказывали их же собственную пользу. И тем не менее маленькие привычки быта яростно противостояли всем благим поучениям. На каждый добрый совет изобреталось извинение.

Наши дни приносят всевозможные ускорения. Но все эти призывы на быстроту еще не значат, что великие речения о промедлении делаются уже ненужными. Можно пропустить срок, и тогда уже никакая быстрота не поможет. Наоборот, каждая запоздавшая быстрота вызовет лишь глубокое прискорбие.

Что-то уже сложенное и нуждавшееся лишь в последнем толчке замерло в искусственной обстановке. А что же может быть неестественнее, нежели зрелище человека, остановившегося на одной ноге? Нельзя

устоять на одной ноге долго. Нельзя и проехать на одной вожже, особенно же, если и она некрепко будет держаться.

Как бы сделать так, чтобы уговорить опрометчивых о том, что промедление опасно прежде всего для них самих же. Ведь они думают, что пусть кто-то подождет, но они непременно забудут о том, что такое ожидание будет стоить им самим слишком дорого.

“Промедление смерти подобно”.

*9 мая 1935 г.
Цаган Куре.*

БЕЗЫМЯННОЕ

Сколько бы ни упоминать о восхищении и удивлении перед безымянным творчеством, раскинутым по всему лицу земли, все же каждый раз восхитишься, видя новые примеры.

Когда на опасных горных перевалах вы находите гигантские изображения на скалах, кем-то трудолюбиво высеченные, каждый раз в вас проникает уважение к такому стихийно образованному творчеству.

И в монгольских пустынях вас всегда остановит это безымянное творчество, так трудно понятное теперь. Сколько рассуждений вызывали так называемые “каменные бабы”. Еще не так давно им пытались приписывать чуть ли не портретно монументальное напоминание о погребенных. Основа к тому заключалась в исторических деталях костюма. Конечно, заставляла подумать о происхождении своей чаши, часто находившаяся в левой руке изваяния. Иногда чаша

процветалась огнем. Такое изображение имелось на моей картине “Стражи пустыни”.

Во всяком случае, пламенеющая чаша уже не вязалась с представлением о погребальной потребности. В этой подробности уже заключалось напоминание о каком-то культе. Тем более обращала на себя внимание чаша, что повторялась она в изваяниях многократно и всегда, как то ритуально установлено.

К тому же пониманию о каком-то ритуале, о каком-то культе, направили наше внимание и бронзовые маленькие фигурки, принесенные нам монголами. Одна из них приобретена и находится в собрании Юрия, за другую такую же монголы просили чрезмерно большую цену и ее не пришлось достать. И на том и на другом изображении над головою имеется кольцо, показывающее, что оно было, вероятно, носимо на груди. Полированность от употребления показывает как долговременность, так и постоянное ношение. А главный интерес заключался в той самой чаше, которая так привлекала внимание на изображениях “каменных баб”.

Несомненно, мы имеем дело с каким-то культом, притом очень старым. Пламенеющая чаша напоминает о так многом, что было бы неосторожно сразу предложить какие-то решения. Во всяком случае, этот вопрос необыкновенно интересен.

Приносят также и маленькие нательные бронзовые крестики древнего типа — наверное, несторианского происхождения. Ведь невдалеке от Батухалки находятся развалины старого города и около них остатки несторианского кладбища. Может быть, это памятники монгольского князя несторианина.

Незабываемое впечатление безымянного творчества представляют из себя также раскинутые по пустыням, выложенные из белого кварца изображения. Среди них можно найти и определенно священные изображения, изображения больших субурганов, а не то и какие-то неожиданные человекообразные фигуры, явно фаллического содержания. Всякое анонимное и, по-видимому, нужное для автора творчество вызывает к себе особое внимание.

Вы особенно ясно чувствуете, что такие творения вызваны какою-то глубокою потребностью. Труд, на них положенный, был священным трудом. Кому-то, для нас неизвестному, требовалось потратить свои силы и время, чтобы, в самых неудобных иногда условиях, оставить анонимный памятник в назидание каким-то неведомым путникам.

Всегда увлекательна неистощимость познания, прикоснувшегося к большой древности. Встречаемся с такими особыми психологиями, с такими чуждыми нашей современности потребностями, что каждый добросовестный исследователь почувствует особенную радость об этой неистощимости.

Много трудов публикуется, но сколько записок и даже вполне обработанных крупных исследований остается в манускриптах. Каждому из нас приходилось находить в частных книгохранилищах, а иногда и на толкучем рынке такие очень ценные манускрипты. Иногда они уже были кем-то оценены. Заслужили заботу о себе, выраженную в красивых кожаных переплетах с очень знатными экслибрисами. Но также часто вы видите варварски оборванные листы и целые, навсегда

исчезнувшие части труда, может быть, пошедшего на самые низменные употребления.

Сколько безымянного творчества в этих манускриптах. Кому-то они были очень нужны. Если не в целости, то в частях своих они выражают многое знаменательное и трудолюбиво наблюденное.

Этим безымянным трудам принесем цветок, который почтит их внутренний смысл.

12 мая 1935 г.

Цаган Куре.

“СОВЕРШЕННО НОВОЕ”

“Передача мыслей на расстоянии. Профессор Гарвардского университета Джозеф Райн, после четырехлетних опытов заявил себя решительным сторонником возможности передачи мыслей на расстоянии.

Он произвел свыше ста тысяч опытов. В его распоряжении был штат молодых ученых Гарвардского университета, и ему содействовал известный американский профессор психологии Вильям Мак Дугал.

Первые опыты Райна свелись к занятиям со студентами, которые угадывали его мысли. Ему удалось отобрать группу из тридцати молодых людей, отличающихся особой телепатической восприимчивостью.

Затем с этой отобранной группой начались систематические опыты, сложность которых повышалась с течением времени. От разгадывания простых мыслей

группа перешла к решению разных математических задач по заданиям Райна, таившего их в секрете от студентов.

К первому же периоду опытов относятся совершенные с особой пачкой карт: Райн изготовил пачку из 25 карт с сериями различных рисунков.

Взяв любую из карт, Райн предлагал студенту, сидевшему в соседней комнате, нарисовать на бумаге рисунок этой карты. Когда студенты стали разрешать такой опыт, тогда профессор приступил к следующей серии: он перемешивал карты и раскладывал их на столе рисунком вниз. Студент из-за двери должен был рассказывать, в каком порядке лежат все карты на столе, и все тридцать человек через короткое время безошибочно стали называть порядок всех 25 карт.

Затем эти же опыты были повторены со студентами, находившимися уже не в соседней комнате, а в другом доме за несколько кварталов. Опыты совершались в присутствии контролера, и никаких трюков быть не могло.

Потом, также на расстоянии, началось чтение мыслей, и дело дошло до того, что поэты, приглашенные Райном в его лабораторию, писали стихи, а студенты в то же самое время, по телефону, с другого конца города, читали их профессору вслух”.

Из другого источника сообщают:

“Из Тибета в Берлин вернулся руководитель недавней экспедиции на Гималаи профессор Диренфурт.

Каждый из участников экспедиции — говорит он — все время ощущал на себе влияние какой-то враждебной силы, влияние демона, карающего, по верованиям тамошних жителей, вершины Гималаев и карающего

смертью смельчаков, которые дерзают забираться в запретные места.

Далее профессор рассказал о необыкновенной обостренности восприятий жителей Тибета. Телепатия — говорит профессор — так же широко развита в Тибете, как и телефон в Европе. У нас в горах скончался один проводник. Мы послали гонца в его родную деревню. Посыльному пришлось затратить на дорогу двенадцать суток. Но еще до того, как он добрался до деревушки, к нам явился гонец из этой деревушки, вышедший в день смерти носильщика. Он сам сказал, что в деревне знают о смерти односельчанина. Там состоялось уже соответствующее моление, и его прислали сказать нам, чтобы мы похоронили мертвеца в горах.

Жители Гималаев, по словам Диренфурта, путем самовнушения умеют себя согревать в самые сильные морозы. Так, например, они в состоянии спать без одежды в любой мороз на снегу и им достаточно, чтобы чувствовать тепло, прикрыться одной лишь рубашкой. Температура их тела так высока, что мокрые одежды, которыми их накрывал Диренфурт, через несколько часов совершенно высыхали”.

Еще сообщают:

“В шведском сенате недавно был установлен особый электрический аппарат для подсчета голосов. Как только сенатор нажимает зеленую кнопку, на соответствующей доске загорается зеленая лампочка, означающая “да”. Красная означает “нет”. Когда происходит голосование, на доске загорается столько огней, сколько сенаторов находятся в зале, механический счетчик производит точный подсчет красных и зеленых огоньков, и на другой

доске появляются соответствующие цифры, причем автоматический фотографический аппарат производит моментальный снимок. Фотографии хранятся в архивах как вещественное доказательство голосования. После каждого голосования председатель нажимает на свою кнопку, и все огни на доске гаснут.

Этим усовершенствованным аппаратом шведские сенаторы пользовались с полным доверием в течение некоторого времени. Но вот на днях рассматривался какой-то вопрос, казавшийся почти бесспорным. А между тем на доске загорелось 46 зеленых лампочек и 42 красных. В зале поднялся спор. Председатель сената тогда заявил:

— Наш робот, по-видимому, не в порядке. Может быть, он считает неправильно. Давайте лучше прибегнем к старому способу поименного голосования.

Сенат последовал совету своего председателя, и оказалось, что за резолюцию голосовало 53 человека и 34 против.

Поднят вопрос о проверке всех результатов голосования, начиная со дня установки робота. Возможно, что целый ряд законов был принят роботом вопреки желанию парламентариев”.

Что же тут нового? Во всех трех сообщениях, казалось бы, нет ничего нового. Уже старо, что робот-машина не заменит человеческий организм. Не ново сообщение о передаче мыслей на расстоянии. Издавна это известно. Так же точно известно и то, что рассказано профессором Диренфуртом. А в то же время радуешься всем таким сообщениям. Для кого-то они очень стары, но и тем повторения такого старого всегда полезны. А другим

такие сообщения будут новее нового. И, быть может, впервые заставят подумать о силе мысли.

Многим людям нужно, чтобы сведение произошло от лица с научным дипломом. Тем лучше, если профессора, среди которых столько было неисправимых, узких материалистов, начнут, во имя справедливости, обращать внимание на действительные факты. Опять-таки было бы чрезвычайно полезно, если и читатели таких сообщений не поленятся написать или авторам сообщений, или в редакции газет факты, встреченные в их жизни. Очень просим, не поленитесь добросовестно, хотя бы кратко, сообщать наблюдаемые вами факты. Ведь такими вашими наблюдениями вы можете затронуть внимание самых неожиданно полезных людей. Кроме того, такими наблюдениями и сама механизация жизни станет на должное место.

Не следует отрицать, но всегда нужно соизмерять и прилагать по справедливости. Не забудем, что даже такой большой ум, как Наполеон, не понял и отверг первое предложение парохода и торпеды, ибо не мог понять силы пара. Мало ли ошибок произошло, но из этого не следует, чтобы эти ошибки продолжались и за них пришлось бы стыдиться впоследствии.

Пусть честная действительность во всем своем богатстве, во всей высоте будет убедительным руководящим началом.

*13 мая 1935 г.
Цаган Куре.*

ПОДРАЖАНИЕ

Обычно люди очень огорчаются обнаруженными подражаниями. Между тем вся жизнь полна всякими степенями подражания. Каждый учитель, если заметит, что ученик его вполне овладел его предметами и в его методе, может назвать это тоже подражанием.

Человек усвоил себе какие-либо изречения. В них он тоже подражает источникам, давшим их. Человек усвоил тот или иной стиль работы, можно думать, не подражает ли он этому стилю? В конце концов, подражание и преемственность довольно соприкасаются, и лишь внутренний импульс может доказать истинные побуждения.

Вообще, если начать огорчаться подражаниями и всюду их усматривать, то можно наполнить жизнь совершенно ненужными, горькими ощущениями. Что же из того, если кто-то возымел влечение к тому или иному методу и способу выявления. Конечно, при этом могут быть и очень низкорыстные цели. Может оказаться подделка, чтобы завладеть тем или иным рынком. Тогда это будет уже попросту предусмотренное уголовное преступление, и каждое законодательство обращает внимание на такие подделки. В сущности своей, такое стремление к подделке лишь докажет, что оригинальный продукт был действительно хорош и заслужил попользования повторить его.

Об этих предусмотренных законом подделках нечего и говорить — судьба их ясна. Но бывают другие подражания, которые не подлежат никакому закону. Может быть, например, какое-либо учебное заведение с оригинальными и практическими методами. Кто-то,

оценив приложимость этих методов, откроет такое же заведение на ближайшей улице. Конечно, это будет подражание, но запретить такое состязание совершенно невозможно. Или кто-то напишет книгу или составит словарь, а другой, ловкий промышленник, обернет этот словарь наоборот или использует целиком треть книги, связав ее какими-то водянистыми доказательствами. Несомненно, это будет подделка, и так же несомненно, что ловкий промышленник избежит осуждения. Даже если кому-то будут известны все обстоятельства таких заимствований и подражаний, то ведь никакие законные статьи не осудят подражательную ловкость.

Размеры всяких соперничеств и подражаний бесчисленны. Главное же и мудрое правило будет при обнаружении их — не огорчаться. Они всегда будут в той же пене жизни, как и всякая клевета, которой занимается низкое и преступное мышление.

Если клевета является лишь своеобразной оценкой больших размеров творимого, то и подражание есть лишь доказательство правильности и убедительности первоначально сделанного.

Среди свойств невежества можно видеть и грубость, и неблагодарность, и лживость, и всякие предательства. Эти темные свойства прикроют собою истинные причины и всяких подделок, и подражаний. Очень много явных подделок имеют в основе своей неблагодарность. Поэтому благодарность во всех древних заветах считалась высоким отличительным качеством. Часто человек под личиною друга притворно приближается, чтобы высмотреть то, что он считает успешным и убедительным, чтобы своекорыстно выдать это за свое.

Мало ли случаев! Иногда грубый дикарь просто хочет сделать то же самое, что ему понравилось, даже не отдавая себе отчета, что именно он этим нарушает. То, что увидел, то он и считает своим. И таких примеров прискорбного оплошения очень много.

Конечно, могут быть и предательства, которые попытаются сделать из всего полезного просто кривое зеркало, чтобы тем унизить или погубить опасный для них принцип. Сколько всяких родов предательства. В конце концов, какое предательство лучше: сознательное или бессознательное? Оба они, в конце концов, то же самое, ибо следствия их могут быть равнозначными. Неисчерпаема тема о предательствах. Сколько ценного и неповторимого погубляется каким-то крошечным предательством, самолюбием, самомнением, гордостью или простым переживанием.

Так часто только что совершившие какое-либо предательство будут усиленно отрицать это и убеждать самих себя, что произошло нечто совсем другое.

Сейчас мы хотели лишь отметить то, как следует относиться ко всяким неизбежным подражаниям. Из разных стран нам приходится слышать о том же, слышать и недоумение, и негодование о том, что какое-то неумелое подражание нарушает уже созданное полезное дело. В таких случаях вы уже ничего не поделаете. Единственно, что можно посоветовать — не огорчаться и только удваивать высокое качество своего дела. Если творимое вами высоко в своем качестве, то можете быть спокойны — всякое подражание окажется и подлым, и пошлым, и пожрет самое себя. Если же подражание, в конце концов, превысит ваше дело, то оно сделается уже

преемственностью и должно даже вызывать с вашей стороны известную долю признательности, видя рост семян, вами посеянных.

Итак, подражание, соперничество, соревнование, если оно не будет иметь в основе своей вредительскую зависть, оно явится лишь неизбежным разветвлением ваших же начинаний. Каждый сеятель должен, прежде всего, радоваться, если семена, им брошенные, вырастают в полезные злаки. Так всегда было и всегда будет, и пусть дела, даже близко возникшие, лишь взаимно побуждают к улучшению качества.

Работайте! Творите!

*14 мая 1935 г.
Цаган Куре.*

VIDEBIMUS

Сколько позорных моментов человечества сопровождалось этим восклицанием: “Посмотрим!” Сколько уже сложенных, прекрасных обстоятельств было жестоко и безжалостно разбито оппортунизмом этого “посмотрим”. На самых разных языках, всячески, во всех интонациях произносилось это убийственное слово. Если вместо него будет сказано “маргаш” или “манана”, то и эти выражения будут означать то же самое оппортунистическое выжидание.

Многие правители стран, понтифы и вожди не затруднялись громко произносить это слово. При этом они, наверное, не давали себе отчета, что тем самым они произносили и самим себе приговор.

Кто же говорит увиливающее “посмотрим”? Только тот, кто не знает пути и хочет прикрыться чужими обстоятельствами. Больше того, каждый такой уклоняющийся вообще не знает, чего он хочет. Ведь невозможно строить что-то прочное лишь на непредвиденном стечении чужих обстоятельств. Справедливее и честнее было бы просто сказать: “Отложим это дело”. Но говорящий “посмотрим” хочет уловить нечто постороннее и воспользоваться им.

Кто получит такой ответ в виде сакраментального “посмотрим”, может вполне ответить: “Вот так рыбак”, или: “Вот так маска”. Он будет совершенно прав в такие определениях, ибо его собеседник, наверное, хотел выиграть время, чтобы или прикрыть что-нибудь, или выудить что-нибудь постороннее.

Изабелла д'Эсте послала Цезарю Борджиа подарок — сто масок. Этот многозначительный дар лишь показал всю ее острую находчивость и остался в истории как справедливое определение Цезаря. Так же точно в одной из восточных историй рассказывается, что некий повелитель послал своему коварному соседу в подарок рыбу со словами: “Для Вас выудил”. Этим было показано знание хитроумных замыслов.

“Посмотрим, посмотрим”, — говорит желающий оттянуть какое-то решение.

“Ладно, ладно”, — замечает желающий переменить тему разговора. И никакого лада нет в этом желании укрыться, избежать, лишь бы отложить. Люди даже изобрели утешение себе: “Что отложено — не потеряно”. Но обычно отложенное именно уже потеряно. И сколько

полезного, своевременно нужного было отложено ради каких-то совершенно неуместных соображений.

Чтобы не отложить и не испортить тем чего-то, тоже нужно иметь сердечную искру. Приходилось слышать, что, когда мудрый правитель узнавал нечто неотложное, полезное, он сознавался, что как бы трепет по спинному хребту пробегал и как бы волосы шевелились; конечно, не от ужаса, но от трепета правильного чувствования. Значит, уже само сердце стучалось и напоминало, что ни мгновения не должно быть упущено.

Обиход в жизни больше всего располагает к откладыванию и упущению. Столько маленьких рутинных обстоятельств возникают, что всякое новое творчество уже начинает казаться отвлеченным и заоблачным. Чем же превозмочь тяготу обстоятельств? Искры и пламень сердца покажут, где истинный путь.

Византийские императоры носили на шее особую регалию — ладанку с зашитою в нее землею. Называлась она “акакия” и символизировала принятие на себя земной тяготы. В этом обычае, вероятно, отозвалось нечто очень древнее, которое мелькнуло своеобразно и в мифе об Антее, и в других сказаниях разных народов. Но тягота земная, должна ли она быть подавляющей, или же возложение ее есть как утверждающее основание?

Регалия по смыслу своему не могла быть лишь символом тягости. Она могла быть лишь знаком утверждения. Так же каждый знающий и обязанность, и ответственность, и путь свой не будет вдаваться в уклончивые дебри “посмотрим”. Он знает свой путь, и потому всякая условность ему не нужна. Он скажет: “Вижу” или “не вижу”, но никогда не унизит себя

признанием в своей слепоте и в надежде, что обстоятельства других выведут его.

В истории известны целые системы политики, основанные на “подождем”, “посмотрим”. Но эти эпохи никогда не отличались расцветом. В течение такой политики удавалось несколько просуществовать, но всякое мощное построение требовало ответного утверждения.

Если правитель знает какие-либо достоверные факты, почему-либо еще неизвестные его собеседнику, он скажет: “обожду”. Ему нечего будет высматривать и оглядываться. Ему просто нужно будет определенное время для созревания уже посеянных зерен.

Все это очень близко одно к другому. Кто-то скажет: “Какая же разница между “подожду” или “посмотрим”? Но ведь разница будет огромная. В первом случае — ответственное утверждение, а во втором — условное уклонение. Можно уважать неизвестные вам причины, заставляющие обождать, но классическое “посмотрим” всегда наполнит вас сомнением в качестве намерений вашего собеседника.

Ваш собеседник в последнем случае как бы говорит: если вы будете успешны, то и я с вами. А ведь такой союз немногого стоит.

Хорош был бы архитектор, который сказал бы при начале постройки: “Посмотрим, каково-то это выйдет”. Мало доверия вызвало бы такое построение. Скажут: “Не будет ли это придиркою выводить из, может быть, случайного выражения его неперенный смысл?” Но ведь на то слова и существуют, чтобы они выражали определенное понятие.

Итак, не “видебимус”, но “види”.

*16 мая 1935 г.
Цаган Куре.*

SERENCIPIITY

Д-р Кеннон, профессор физиологии Гарвардского университета, недавно прочел в Пекине лекции о значении удачи в научных открытиях. После приведения многих примеров из различной научной практики профессор пришел к выводу, что “удача следует только за теми, кто принимает ее”.

Отличная формула. Совершенно правильная и приложимая во всех областях жизни. Действительно, нужно, кроме добросовестной, дальнозоркой работы, проявить еще способность усмотреть признаки зарождения удачи. Столько раз уже приходилось писать о том, что удачу нужно суметь поймать, что она “пугливая птица”.

Сколько раз приводились старинные пословицы о том, что “кто не рискует, тот не выигрывает”, которые разными народами на своих языках толкуются по-своему, но все в том же направлении. Бесконечное число сказок и легенд говорит о неудачливых простофилях, которые, по неразумию, сами выпускали жар-птицу.

Именно, из рук выпускали жар-птицу. Она была уже найдена. Мудрые предостережения говорили — “возьми жар-птицу, но не бери золотую клетку”. Неразумец же непременно тянулся и за золотой клеткой, и тем выпускал драгоценный дар, заключенный в жар-птице. Неразумца предупреждали: “Сорвешь жар-цвет — не

оглядывайся”. Но как раз в этот момент нечто начинало казаться, и ротозей, конечно, оглядывался, и все уже найденное исчезало. Поистине удачу нужно взять. Взять твердо, неотступно и единоустремленно. В этом едином устремлении выразится та вера, которая уже будет граничить с великим реальным знанием.

В тех же предупредительных сказаниях всегда выводятся многие обстоятельства, которые способствуют нахождению удачи. Начиная от серых волков или неведомых доброжелательных нищих и прохожих, многие обстоятельства являются пособниками в удачах. На это вдохновляющее пособничество тоже нужно обращать большое внимание. Мало того, что нужно усмотреть таких предуготовленных пособников, но в общественном строе нужно и создавать споспешествующие обстоятельства. Именно такие обстоятельства нужно создавать.

Зарождение удачи есть уже не личное дело, оно есть государственное преуспевание. Ведь каждая частная благотворная удача есть и успех государственный. Значит, само государство должно сознательно заботиться, чтобы такие успехи могли бы быть достигаемы. Достижение всего самого лучшего происходит через все самое высокое. Значит, государство как таковое должно давать своим гражданам все лучшее, все истинно культурное.

Как и всегда, говорим не о количестве, но о качестве. Что же из того, если газеты будут выходить в количестве многих десятков листов, но качественно они могли бы быть с успехом сокращены наполовину? Что же из того, если всякие сомнительные рестораны и шантаны будут

расти как грибы и засорять мышление народа? Недаром, какой-то восточный человек никак не мог понять разницы между шантаном и шайтаном.

Вчера, среди пустыни, мы слушали радио. Слушали около двух часов. Перебирали всевозможные волны, в них побывали в самых различных странах. Что же мы услышали? Правда, где-то, кажется, в Америке, мелькнул отрывок из “Лоэнгрина”, но все остальное было настолько в разряде ресторанных, фокстротных напевов, что еще раз пришлось ужаснуться, чем наполнено пространство. Ведь все эти звуки, и проявленные, и непроявленные, влияют на человеческое сознание.

Достаточно известно, что пространство наполнено, но, очевидно, недостаточно усвоено, что наполнение пространства есть величайшая ответственность человечества. Сущность качества есть тот разнообразный строительный материал, из которого строится удача цивилизации, а за нею и культуры. Человек, цивилизованный фокстротом, потеряется на путях к культуре. Ему эти благословенные пути покажутся уже недостижимыми.

“Где уж нам”, “суждены нам порывы, а свершить не дано”. Вот в какой пессимизм может удариться даже не дурное сознание, но отягощенное подлостью обихода. Тот же, кто скажет такие отрицательные, пессимистические слова, уже откажется тем самым от строительства. Сколько бы ни показывать такому человеку признаки благотворных удач, он на все махнет рукой, как на недостижимое, и пойдет заливать горе в соседний кабаk.

В пресловутом “залитии” горя сказывается тот же трусливый пессимизм. Видите, двуногому нужно насильственно “залить”. Он думает, что он заливает свое горе, а между тем он или заливает, или прокуривает свое достижение. Если сейчас само пространство гремит ужасом пошлости, то разве не дело каждого правительства заменить пошлость явлениями высокого качества.

Нам уже приходилось неоднократно говорить, что напрасно клеветают на народ, что он исключительно требует пошлость и подлость. И то и другое навязывается сызмальства. Но дайте прекрасное созвучие, прекрасное пение, прекрасное слово, и народ к нему потянется чистосердечно.

Темные силы всюду имеются. Они всюду ведут свою разлагающую работу и мечтают лишить народы тех удач, которые уже суждены. Конечно, сужденное можно значительно отсрочить, но оно все-таки проявится. Каждая такая отсрочка уже есть мерзкое преступление против человечества. Всякий кто хочет кого-то загнать во тьму и лишить света, есть уже сотрудник тьмы. А ведь народы как таковые вовсе не сотрудники тьмы. Как бы слуги тьмы ни вовлекали их в мерзость и пошлость, рано или поздно они отрезвляются. Против всяких заливаний, закуриваний и отравлений возникают целые народные восстания. Благо тому правительству, которое понимает, что нельзя держать народ на низшем уровне, давая ему продукты низкого качества. Тогда и само пространство не будет рычать и визжать, но сольется в Прекрасном.

Будут ли удачи в научных открытиях, будут ли они в облагораживающем творчестве, наконец, будут ли они в

простом обиходе, который тоже так нуждается в удаче, — безразлично; всюду удачи должны быть усмотрены и приняты. Достаточно рассказано в сказках о ротозеях и простофилях, прозевавших счастье. Век строения новой культуры должен быть веком удачливых людей, которые, каждый в своем, усмотрят свой клад, свою удачу сужденную.

“Удача следует за теми, кто принимает ее”.

30 мая 1935 г.

Цаган Куре.

СРАВНЕНИЕ

Доктор Хассельман, проезжий врач из Манилы, справедливо жаловался нам на стеснение средств для научных изысканий. Совершенно правильно доктор заметил, что на некоторые, уже обычные изыскания средства еще продолжают притекать, но всякое новое задание встречает или отпор, или ледяное молчание. Между тем появляется постоянная нужда в исследовании именно новых, не шаблонных областей.

Появляются совершенно новые наблюдения, а также и новые болезни. При этом эти, как бы новые бичи человечества бывают настолько переплетены между собою, что требуются особые наблюдения, дабы расчленить их и найти новые методы борьбы. Кроме того, также справедливо замечается, насколько некоторые болезни делаются как бы модными и поглощают на себя то внимание, которое должно бы быть распределено и на другие знаки бедствий.

Мы-то сами знаем и чувствуем, насколько верны эти наблюдения практического врача. Мы-то сами знаем, что средства на каждое малое исследование притекают необыкновенно туго. Даже, как мы уже не раз отмечали, трудно достать средства на исследование борьбы с таким бичом человечества, как рак.

Казалось бы, столько и самих больных, и их ближайших родственников должны быть заинтересованы, если открывается новая возможность исследований. Казалось бы! Но на деле даже такие требующие особого внимания меры останутся лишь в рутинных рамках. Если уже существуют учреждения, противодействующие раку, значит, никаких других наблюдений будто бы и не должно происходить.

Даже когда существуют примеры излечения рака в некоторых особых местностях, даже когда это засвидетельствовано врачами, и то рутинное воззрение воспрепятствует новым поискам.

Скажут, что сейчас время такого кризиса, что ни о чем новом думать нельзя. Но если кто-нибудь вздумал бы удовлетвориться таким объяснением, то не покажется ли ему странным готовность огромных, поистине неисчислимых средств, только не на целительные цели, а на смертоубийственные.

Журнал “Нейшен” дает под названием “Танец смерти” любопытную сводку данных, касающихся этого года. Вот указывается, что в Лондоне военные нужды в текущем году потребуют 124.250.000 фунтов, иначе говоря, на 10.539.000 фунтов более прошлого года.

В Японии военный бюджет текущего года является крупнейшим в истории империи. Армия получает

490.000.000 иен и флот 530.000.000 иен. При этом морской министр адмирал Осуми предупреждает население о грядущем самопожертвовании, “хотя бы мы принуждены были питаться одним рисом”.

Москва увеличивает армию почти вдвое, причем военные расходы выразятся в этом году в шесть с половиной миллиардов рублей.

В Вашингтоне 318.699.000 долларов посвящаются военным нуждам. Комитет признает эти расходы наибольшими со времени войны. В Париже принуждены производить огромные затраты на новые укрепления и постройку гигантских военных судов. В Берлине образуется новая полумиллионная армия, требующая всех соответственных огромных расходов.

Вспомним, что и во всех прочих государствах соответственно возникают экстренные расходы на возведение укреплений, новых военных баз и увеличение вооружений. Итак, цифры говорят сами за себя. Действительно, если так спешно развивается братоубийственная надобность, то где же думать о новых путях к сохранению человеческой жизни?

В это самое время уже где-то перевозятся войска и на каких-то границах готовы вспыхнуть военные действия. И никто не знает, будет ли это каким-то “частным эпизодом”, или же будет спичкою для сокрушительного мирового костра. Если мировое мышление загипнотизирует себя лишь в необходимости смертоубийства, то всякие другие меры, целительные и созидательные, могут показаться несвоевременными.

Кому-то покажется неуместным вообще осуждать мирные мероприятия. Ибо какой же мир, когда жерла

орудий готовы изрыгнуть смерть и заготовлены всякие яды, вероятно, достаточные для того, чтобы прекратить вообще всю человеческую жизнь на Земле. Недавно еще возникал вопрос: к чему марафоны быстроты, если они не могут нести в себе мирное, созидательное начало?

Но приведенные выше цифры достаточно показывают, что быстрота, вероятно, будет использована именно вне мирных заданий. От душевных смущений разве не будут умножаться и новые виды болезней? Что же будет, если на построение пушки будут готовы любые средства, но целительное, культурное строительство будет отвергаться якобы за неимением средств?

Эти сравнения и сопоставления не нуждаются в длинных пояснениях. Ясно одно, что самодеятельность созидательной культуры должна быть всемерно усилена. Носители культуры не препятствуют и не разрушают, но строят и создают неустанно. Для этой неутомимости нужно взаимное понимание, нужно истинное сотрудничество. Чем труднее время, тем большее взаимное доверие и прекрасное сотрудничество необходимо.

Каждые сравнительные цифры лишь покажут, насколько спешно нужно обращение к основам созидательной культуры. Если есть решимость духа и самоотверженность, — то создадутся такие твердыни, которые никакие яды, никакие орудия не разрушат. Во имя строения — пошлем взаимный привет.

*23 мая 1935 г.
Цаган Куре.*

ВРАТА В БУДУЩЕЕ

Качество прочности всегда будет очень показательным для эпохи. В конце концов, наверное, никто не хочет нарочно понимать качество. Оно снижается от окружающего несовершенства. Это снижение начинается очень незаметно. Иногда оно происходит под предлогом каких-то якобы усовершенствований. Среди многих других отступлений от прочности бросается в глаза вопрос прочности художественных материалов, делающих недолговременными творческие достижения.

Не нужно быть художником или специалистом-химиком, чтобы, проходя картинные галереи, не заметить печальных изменений красок на картинах прошлого и текущего века. Страшное впечатление производят клеенкоподобные, безобразно растрескавшиеся полотна. Точно бы какие-то кандалы наложены на живопись в кругообразных и продольных трещинах. Это уже не благородное кракле старых голландцев. Это не золотистая пatina древних лаков, но какая-то черно-печальная вуаль, закрывающая навсегда человеческое творчество.

На других картинах мы видим новые, проступившие очертания. Некоторые скачущие лошади оказываются на восьми ногах. Бывали случаи, что темная фигура на светлом фоне показывалась светлой на черно-коричневом фоне.

Там же, где накладывались густые слои краски, они отпадали целыми пластами, производя непоправимое разрушение. Вообще, сравнивая живопись разных веков, каждый увидит, что живопись прошлого столетия

оставляет необыкновенно тяжелое и темное впечатление вследствие разложившихся масляных красок.

Много думали над этими злосчастными масляными красками. Постоянно выходили зазывные объявления о каких-то новых, особо прочных масляных красках, но на деле они оказывались такими же дефектными. Художники, приходя в отчаяние от этого несовершенного материала, естественно, начали искать более благоприятный исход и вновь обратились к так называемой темпера, к яичным краскам и к комбинациям клеевых, порошковых красок.

Хотя все эти способы вызывали многие неудобства и требовали затраты времени на приготовление, но все-таки в них была находима та свежесть красок, которая навсегда отличила светоносные примитивы. Конечно, в результате все должно изменяться. Это лишь вопрос времени. Но все-таки приятнее сознание, чтобы картины обращались в сны, нежели в черные сапоги. Мы видим даже прекрасно сохранившиеся пастели восемнадцатого века. Видим многие, прекрасно сохранившиеся фрески. Значит, главный дефект масляных красок будет или в маслах, или в неразборчивом сочетании совершенно ненужного множества ненатуральных тонов. Известно, что некоторые художники употребляли огромное количество всевозможных красок. Накладывали их почти не смешивая, но в непосредственном соседстве, и таким порядком реакция несоединенных веществ все-таки происходила. Также известно, что для скорейшего просыхания художники употребляли всевозможные сиккативы, а предварительный рисунок фиксировали самыми вредными по составу фиксативами.

В последнее время часто для фиксатива употреблялся денатурированный или вообще недоброкачественный спирт и шеллак низкого качества. Если же сложить вместе все вредящие обстоятельства, то опять-таки даже неспециалист поймет, насколько пагубны должны быть все эти неразборчиво употребляемые материалы.

Поэтому совершенно естественным является последнее желание художников по возможности упростить материалы и работать лишь испытанными комбинациями. В этом смысле прекрасно помогает изучение итальянских и нидерландских примитивов, дошедших до нас в лучшем виде. Они же помогают понять и процесс техники, особенно же в тех картинах, которые дошли до нас неоконченными. Таких неоконченных картин, волею судьбы оставшихся в процессе работы, имеется довольно много, и можно на них особенно четко видеть, как именно производилась работа. На таких картинах, например Ван Эйка, можно наблюдать, как безошибочно накладывалась краска, как постепенно наносились очень четкие последующие контуры, и картина доводилась до изумительного для нас совершенства в ясности мысли и твердости руки.

Не видно на этих картинах, чтобы тональные искания производились тут же, на той же самой, тщательно подготовленной доске. Творчество выявлялось в простоте и ясности. Художник определенно знал, что он хотел дать и как он хотел это выразить. Конечно, эта же ясность творчества не вовлекала художника в какие-то ненужные сложные красочные смешения. Ведь звонкость и певучесть тонов вовсе не от того, что противоестественно смешивались и растительные, и

минеральные вещества, но от того сочетания, которое так верно определили в своем обиходе французы словом — валёр.

В своей биографии Стравинский вспоминает справедливые слова Римского-Корсакова о том, что есть композиторы без рояля и композиторы у рояля. То же самое нужно сказать и о живописцах. Одни хотят решать тональные задачи в поисках на том же, окончательном холсте. Другие же решают эти задачи внутренне, четко вообразительно и поют свою красочную песнь уже в знании мастерства.

Старые итальянцы и нидерландцы, творя свои незабвенные художественные образы, решали их в себе, вообразительно, и затем пели свою красочную песнь ясно и четко и просто. В этом сочетании и заключалось настоящее мастерство.

В настоящее время видим, что многие молодые художники устремляются к этим ясным и отчетливым воображениям-воплощениям. В таких стремлениях они, несомненно, избегнут того могильно-черного впечатления, которое навсегда нависло над многими картинами прошлого столетия. Ясность творчества и развитое воображение позволят художнику ограничиться и простейшими материалами. В этих сравнительно простых материалах бывали запечатлены величайшие творения.

Приходилось наблюдать, какими простейшими средствами хорошие иконописцы и посейчас достигали отличных результатов. Конечно, от них все-таки ускользали некоторые старинные качества материалов. Так, например, качество олифы для покрытия

написанного имело огромное значение. Каждый хороший иконописец, помимо современно приготовленной олифы, имел у себя драгоценный сосуд, содержащий некоторое количество старинной олифы. Мастер собирал ее со старинных испорченных икон, зная, что ничто не дает такую проникновенную золотистость, как эта вековая олифа.

Казалось бы, состав олифы более или менее был известен и даже упоминается в старинных наставлениях. Но все-таки каждому бросилась бы в глаза очевидная разница между новейшими материалами и этими же — старинными. Думают, что само время влияло на сочетание материалов, но другие полагают, что мастера имели свои тайны, с которыми они расставались весьма неохотно. Последнее предположение тем более не лишено основания, что многие иконописные советы писались условною “тарабарщиною”, которая свято хранилась в роду. Из итальянских хроник знаем, что масло и другие материалы десятками лет хранились в монастырских скрынях прежде чем выпускались в работу.

Уже приходилось высказывать недоумение, почему в настоящее время так легко подвергают картины исследованиям вновь открытыми лучами, не зная, какие следствия в годах повлечет за собою такой опыт? Если мы говорим об охране памятников культуры, то наибольшее внимание должно быть проявлено и во всех технических отношениях.

Недавно пришлось читать, что некий художественный педагог, рассматривая картины своих учеников, воскликнул: “Действительно, не нужны прочные краски!”

Такое пессимистическое восклицание не должно быть вообще произносимо. Во все времена были и мастера, и ученики — были все стадии нарастания работы. Но мастер с первых же начальных работ твердил своим ученикам об элементарном качестве материала. Мастер устанавливал стройность художественного образования во всем. Ученики являлись как бы его детьми и очень часто жили вместе, укрепляя общие основы жизни. Творчество и жизнь так нераздельны! Понявший строй жизни, вошедший в ритм созвучий, внесет те же основы и в свою работу. Во имя стройных основ жизни он не захочет сделать кое-как. В бравате невежества он не будет сомнительно относиться к тому, о чем он не знает. Мастер формировал из своих учеников людей.

Люди, понявшие обязанности и ответственность, знают, что такое есть качество, проявленное и в воображении, и в технике. Осознание качества принесет с собою и доброкачественность техники.

Вполне понятно, что и в художественной, и в общей литературе вопрос качества материалов является таким насущным. Если писатель будет знать, что чернила, запечатлевшие его творчество, должны исчезнуть через несколько мгновений, это не будет поощряющим обстоятельством. Также и во всех прочих областях, если люди думают о будущем, — они, естественно, должны думать о всех тех качествах, за которые в будущем не придется стыдиться. Доброкачественность мысли, доброкачественность воображения, доброкачественность в исполнении — ведь это все та же доброкачественность, или врата в будущее.

*1 июня 1935 г.
Цаган Куре.*

ВЕЛИКИЙ ОБЛИК

Когда великие облики доходят до вас из глубокой древности, они воспринимаются как-то особенно легко. Даже облакаясь в мифы и легенды, они становятся легко убедительными. За завесою времени — все возможно. Писатели и художники всех веков будут посвящать этим далеким обликам свои лучшие вдохновения. Целые поколения будут вдохновительно водимы этими далекими героями и героинями. Никто им не завидует, никто не думает о том, как достигались эти подвиги — остаются лишь памятные вехи человеческого восхождения.

Не так-то бывает в близком прошлом, уже не говоря о настоящем. Возьмите описания недавно прошедших больших людей. Сколько в них будет отмечено ненужного, нехарактерного, которое лишь покажет, что окончательная сущность их бытия еще не взвешена и не оценена. Непременно будут вводимы самые сомнительные, самые малодоказанные подробности, из которых будут сделаны если не вполне отрицательные, то по возможности умаляющие выводы.

В веках, конечно, весы прошлого уравновесятся. Народный суд уберет многое, что сорило глаза ближайших зрителей. Суду веков ведь не нужно непременно умалять. Даже на расстоянии каких-то ста лет мы видим, что очень многое самосильно приходит в равновесие. Еще не истлели печатные листы, на которых большие личности были засоряемы и оплеваны. Не

только в памяти дедов, но воочию можно видеть, насколько жестоко и несправедливо издевались люди над теми явлениями, которыми уже через неполное столетие их же страна, да и весь мир, справедливо гордились.

Не будем называть тех писателей, поэтов, ученых, общественных деятелей и вождей, имена которых и весь их облик преобразились в общественном понимании за самое короткое время. У каждого имеется в запасе множество таких примеров. Современные нам люди называют невежественных оценщиков самыми тяжкими именами, но подчас сами же они недалеки от таких же деяний. Не раз указывалось, что словари и энциклопедии в каждом своем издании должны менять свои оценки. Можно бы назвать ряд великих имен, которые в оценках энциклопедий от шарлатанов и смутьянов дошли до самых почетных отзывов. Такие метаморфозы можно наблюдать даже в течение одного поколения. Разве это не замечательно для истории человеческого мышления?

Трудно сказать, по каким причинам происходит это несомненное явление. По злобе ли, по зависти, по невежеству или по какой-то непростительной тупости и лени? Кто-то даже придумал престранную пословицу — “Брань на вороту не виснет”. Думается, что придумал это странное речение, наверное, какой-то ругатель, чем и хотел как бы оправдать свои особенности.

Иногда доходят до таких нелепостей, что каждая попытка дать доброжелательное суждение, хотя бы и обоснованное, уже является чем-то несовременным и недопустимым. В то же время всякая, хотя бы клеветническая критика и извращения будут заслушаны спокойно и даже с внутренним одобрением.

Между тем, сколько прекрасных, истинно великих обликов проходят в поучение человечеству вовсе не в каких-то седых веках, но тут, совсем близко. Казалось бы, эти облики своею осязаемостью и реальностью должны бы еще более воодушевлять многих. Но это случается так редко.

И не только в каких-то официальных, представительных должностях, но в скрытой жизни сияют незабываемые, вдохновляющие облики. И лишь немногие понимают все их глубокое значение для человечества. Когда-то и как-то и эти весы справедливости придут в равновесие, но все же странно, что люди сравнительно так мало пользуются тем, что уже им предоставлено, щедро дано и могло бы быть широко использовано.

Проходят прекрасные женские и мужские облики — истинные создатели культуры и, казалось бы, ценно их знать уже теперь же, без непостижимого и ненужного откладывания в архивы и скрины для нарастаний в народном воображении.

Вот в жизни проходит замечательный, великий женский облик. От малых лет девочка тайком уносит к себе тяжелое, огромное издание. Склонясь под тяжестью непомерной ноши, она украдкой от больших уносит к себе сокровище, чтобы смотреть картины и, научась самоучкою, — уже читать. Из тех же отцовских шкафов, не по времени рано, уносятся философские сочинения, и среди шумного, казалось бы, развлекающего обихода самосоздается глубокое, словно бы давно уже законченное мирозерцание. Правда, справедливость, постоянный поиск истины и любовь к творящему труду

— преобразуют всю жизнь вокруг молодого, сильного духа. И весь дом, и вся семья — все строится по тем же благодатным началам. Все трудности и опасности переносятся под тем же несокрушимым водительством. Накопленное знание и стремление к совершенству дают непобедимое решение задач, ведущее всех окружающих по единому светлому пути. Болезненно ощущается всякое невежество, темнота и злоба. Где только возможно, происходят целения и физические, и духовные. Жизнь становится от раннего утра и до вечера истинно трудовой, — и все на пользу человечества. Ведется обширнейшая корреспонденция, пишутся книги, переводятся многотомные труды — и все это в удивительной неустойчивости духа. Даже наитруднейшие обстоятельства побеждаются истинною верою, которая уже делается прямым чувствованием. А ведь для такого знания нужны были удивительные накопления. Такую неустойчиво трудовую жизнь, в подвиге каждого дня, в доброжелательстве и строительстве, нужно иметь перед собою всей молодежи. Когда известны все трудности, среди которых протекает такая вдохновенная работа, тогда молодежи особенно ценно знать об этих неустойчивых продвижениях. Ведь часто кто-то думает, что нечто уже непобедимо, что добром зла не перешибешь. Вот до каких заблуждений иногда доходит смущение человеческое. Но тут-то и важны действительно жизненные примеры. Можно радоваться, когда такие примеры имеются и ободряют всех начинающих строителей жизни.

Лишь бы знать все это. Лишь бы вместо сомнений, отрицаний и отступлений — идти вдохновенно в труде

ободряющем. Кто-то удаленный и заброшенный, как он о себе думает, может узнать, как через все препятствия, через все препоны тьмы, тут же, недалеко от него, была проносима чаша нерасплесканная. Сколько новых сил, а вместе с ними и новых возможностей, притечет. Сколько темного ночного безумья сменится мыслями о творчестве, о строительстве, которое возможно во всех фазах жизни.

Разве непременно нужно быть сожженной, подобно Жанне д'Арк, разве непременно нужны эшафоты там, где ценно именно движущее, ведущее слово и пример труда. Рано или поздно человечеству все-таки придется отучиться от всего задерживающего, мешающего и огрубляющего. Тот, кто сумеет найти наибольшее количество добрых знаков, тот выполнит наиболее благороднейший марафон. Истинный марафон не в стоянии на одной ноге, но именно в нахождении наибольшего количества добрых, строительных знаков. В этих знаках будет найден и тот настоящий мир, о котором неустанно молятся во всех церквях.

Для собирания этого истинного мира нужно много бережливости, заботливости и доброжелательства. Неужели твердить о доброжелательстве будет лишь чем-то отвлеченным и неприложимым. Неужели же какие-то дикозвериные сердца все-таки восстанут против каждого строительного благожелательства? Не может этого быть. В каждом, живущем в сердце, должен же быть какой-то общечеловеческий, добрый подход. В подходе добром различатся и великие, добрые облики и оценятся дела по справедливости.

*2 июня 1935 г.
Цаган Куре.*

ФРЕДУМ

Так называлась во Франкских законах пеня за нарушение мирных условий, так сказать — “деньга мира” или “цена мира”. Наряду с другими пенями, как-то “цена человека” или “цена крови”, или “цена мести”, со всеми этими вергельд и файда, деньга мира приобретает особо знаменательное значение.

Люди, уже обусловившие нарушение мирных условий, тянулись к правовым, нравственным нормам. Не мешало бы и сейчас, среди всяких разветвлений международного, уголовного и гражданского права, опять вспомнить краеугольный вопрос о нарушении мирных условий. Такая норма могла бы внести в обиход опять многие суждения о мире. Все хотят мира. Но многие хотят его вовсе не мирными путями. А ведь мир не может строиться на чьем-то унижении, умалении и на самовозвеличивании.

Конечно, во всем и всегда должно быть охраняемо человеческое достоинство. Люди должны не только осознать, но и полюбить понятие достоинства, чести и подвига. Эти качества не должны быть отвлеченными лишь на сцене или на страницах романа. Они должны быть проявлены во всех подробностях обихода. Они должны жить, ибо лишь жизненное будет убедительным.

Приходилось не раз слышать, что понятия чести и достоинства в настоящее время являются уже пережитками. К понятию о чести непременно припоминались какие-то дуэли, кровавые поединки и

взаимные оскорбления. Что же общего имеет честь с кровавым поединком? Конечно, сознание может перерастать непременно цену крови. Ведь и праведный суд вовсе не должен быть соединенным с хождением по раскаленному железу. Совершенно недопустимо соединять всегда живые понятия с какими-то средневековыми условностями.

Весьма вероятно, что боязливое мышление не решается включать в современную жизнь многое, как бы запятнанное суевериями и всякими предрассудками. Но разве достоинство человеческое, разве честь может быть включаемая в разряд предрассудков? Так же точно каждое охранение мирных условий не будет ни боязливостью, ни суеверием. В каждом проявлении этого благородного намерения уже будет заключаться то миротворчество, которое заповедано во всех основных законах.

Отступление от миротворчества, всякие нарушения мирных условий, конечно, уже противоречат людскому строению. Если человек “дзоон политикон”, то в этом общественном строении, прежде всего, должно быть заложено почтение ко всем мирным условиям. Это не импотентный пацифизм, но мужественное и сознательное охранение достоинства, будет ли оно в пределах очага, или рода, или государства. Может ли идея охраны достоинства быть не мирной? Вполне возможна мирная стража, дозор во имя мира, но дело-то все в том, что в сердцах этого дозора должен пребывать мир. Этот высокий мир будет не злоумышляющим соседом, но, наоборот, он будет соседом добрым, который по чести знает границы свои.

Завоевательство поистине стало тоже средневековым понятием. Можно убедить человека по чести, по разуму, по сердцу, но всякое насильственное завоевание всегда останется на определенных страницах истории человечества.

Убеждение по чести и по достоинству, оно должно быть возможным, если человек, действительно, существо общественное, а не дикий зверь. Но для этого, казалось бы, простейшего заключения нужно испытать в себе все меры терпения и терпимости. Никто не говорит о самоуничижении, ибо сказано, что “самоуничижение есть паче гордости”. Конечно, и на суеверии, и на ханжестве никакое понятие мира и чести не может быть построено. Если кто будет говорить о мире, наточив нож в сердце своем, то это будет не мир, а лицемерие.

В Византийском Кенургии величавое изображение Никопойона было окружено надписями молений родителей за детей и детей за родителей. Самое интимное и сердечное было вынесено в холодно-официальные палаты. По истории Византии мы знаем, что такие надписи так и остались в пределах мертвенной условности. В холоде своем они никого не убеждали, и постепенный распад Византии может лишь подтверждать, что мертвое слово не имеет ничего общего с жизнью.

Сколько лицемерных надписей прошло по лику земному! Именно эти знаки лицемерия отвратили многих от истинного понимания великих основ, как мир, честь, достоинство. Тот, кто умел бы говорить по чести, он имел бы право говорить и о действительном мире. Ведь без чести и честности какой же возможен мир!

Пеня за нарушение мирных условий — это выражение чрезвычайно точное и обширное. В нем можно понимать не только нарушение общественной тишины, какие предусматриваются полицейским правом. Можно иметь в виду нечто гораздо более обширное и необходимое.

Когда говорится об охране культурных ценностей, это тоже будет борьба против нарушения мирных условий. Когда говорится против жестокости, это будет заботою о таких же мирных условиях. Когда говорится о всем вредоносном для просвещенного бытия человеческого, это будет защитою того же прекрасного мира, понятие которого все же живет в глубине сердец.

О мирных условиях можно найти много речений в законодательствах Востока. От древних, от самых древнейших времен, стоят перед нами облики великих законодателей, природных миротворцев. И в классическом мире можно указать многие стремления к тому же. Но не случайно вспоминаем фредум — норму Франкских старых законов. Ведь преддверие к средневековью всегда почиталось временем особо темным. Но вот и из этой эпохи, наряду с “деньгою крови”, уже приходит забота об охране мирных условий.

В одном из прошлых писем мы говорили о мире всего мира. Для такого широкого и высокого понятия нужно соблюсти множество мирных условий, нарушать которые, даже с точки зрения первобытных законов, уже было бы преступлением. Не будем думать, что эти мирные условия живут только на каких-то государственных конференциях. Они живут во всех наших взаимоотношениях. Потому будем же стократно

бережливы друг к другу. Будем знать и терпимость, и терпение. Если мы взаимно повторим эти основы несчетное количество раз, то это будет нелишним. Из этих мирных условий обновляется понятие чести и достоинства. Эти же понятия никогда не будут пережитками, но всегда останутся в основе мудрой и просвещенной жизни.

Истинное сохранение мирных условий привлечет к себе и удачу, о которой так много говорят и так мало берегут ее. Разбить сосуд легче легкого. Но ведь склеенный он все же останется в ряду предметов поврежденных. Потому творите во всем неисчерпаемом творчестве — сосуды цельные и прекрасные. Украшайте их лучшими помыслами и мысленно пожертвуйте их тому же великому миру всего мира.

*4 июня 1935 г.
Цаган Куре.*

ЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ

Уберегайте весь быт от всякого пустословия. Не совсем вижу, именно как переведете на разные языки это очень точное и многозначительное выражение — пустословие. На некоторых языках оно имеет равнозначущее слово, но на других пришлось бы выразить его описательно, а это всегда нежелательно.

Когда говорим о всяких многозначительных понятиях как добрых, так и темных, то подчас, наряду со словами страшными, вроде предательства, присоседится и такое, как бы малозначительное слово, как пустословие. Кто-то

скажет: “Странно, если понятие пустоты может иметь значение, а тем более — вредительское”.

Но пусть тот, не вдумавшийся в сказанное им, раскинет умом, сколько подлинного вреда было нанесено ничем другим, как пустословием. Произносится это пустословие — “просто так”, “просто сказалось”, “просто зря”. А выходит оно совсем не просто. Ведь “просто” есть хорошее слово, ибо всякая простота во всех приложениях уже хороша. Но то-то и есть, что произносящий эту лжесакраментальную формулу “просто так” — не имеет ничего общего с подлинною простотою, а ближе всего и чаще всего имеет отношение к невежеству.

Нередко бывает, что человек вспоминает самые грубо примитивные действия и помыслы и уверяет, что в них он чувствовал себя проще. Но ведь это не была простота, — просто была одичалость. Таким порядком похуляется прекрасное понятие просвещенной простоты.

Особенно же часто всякие похуления произносятся среди бессмысленного пустословия. Из него же вытекает и сквернословие, вредительское осуждение и вообще всякое небрежение. Когда весь мир содрогается в смущениях и в судорогах, тогда особенно невыносимо всякое пустословие. Времени так мало. Не хватает мгновений на выражение самого нужного, самого значительного и неотложного. И эти драгоценнейшие, неповторимые часы безумно растрачиваются на загромождающее пространство пустословие. Нередко так любят позорное пустословие, что называют его отдыхом. При этом говорится: “Не все же толковать о серьезном, просто поболтаем”. А вдумайтесь в это поверхностное

выражение “поболтать” и вы увидите, что оно не может, в существе своем, успокаивать, а будет вести к раздражению. Хорошо возмущать воду, если это имеет какой-то значительный, благой смысл.

Болтание почти противоположно смыслу, а все бессмысленное, не будем доказывать, непристойно. Кто может сказать, когда из несерьезного произрастает серьезное? Кто возьмется судить, какое именно сорное семя быстрее всего заглушит бережливые посадки? Вряд ли имеется садовник, который, наряду с бережливыми, полезными посадками, будет так же незабывно рассеивать семена сорняков. Такой пример, казалось бы, совершенно ясен, но в том-то и дело, что пустословие не считается сорняком. Сорные травы, сорняки, растут при грязных дорогах или около заброшенного жилья и всяких развалин, и навозных куч.

Если пустословие подобно сорняку, то и места произрастания его этим определяются совершенно точно. Пустословят на грязных дорогах, в обветшалом, пыльном обиходе. Пустословят от безделья, от невежества, от отупения. А ведь всякое отупение поведет к огрубению — к той самой ужасной грубости нравов, которая противоположна не только всякой культуре, но и цивилизации.

В огрубении человек теряет и чувство справедливости, и соизмеримости, и терпимости. Начинается огрубение от очень малого, от почти не приметной распушенности, бравады, от допущения множества маленьких знаков, которые при зоркости и заботливости не могли бы вообще произрасти. На произрастании злаков можно учиться многим знакам

жизни. Посмотрите, как изумительно настойчиво вторгаются всякие сорняки, а там, где сорняки, значит, там место было уже чем-то опоганено. В этом обиходном примере можно запомнить всю психологию, а может быть, вернее сказать, физиологию пустословия. Коротко говоря, пустословие поганит бытие.

Во многих формах проистекает такое поганое пустословие. Оно засоряет семейный быт, оно ожесточает сердца, наконец, оно загрязняет само пространство, ибо всякий звук не только не умирает, но претворяется и далеко, и высоко. Бывает, что в семейном обиходе добровольно полагается штраф за произнесение бранного слова. Это хороший обычай. Не мешало бы так же добровольно устанавливать пеню и за всякое пустословие. Чем же можно обусловить пределы пустословий? Определить это совсем не так трудно. Если человек может формулировать, с какою именно значительною целью он нечто сказал, то это уже не будет пустословием. Но если опять произойдет сакраментальное “просто так”, или “я не подумал” — то это и будет в пределах пустословий, соринка бытия.

Не молчаливыми ли сделаться? Так, может быть, скажет человек, избегающий ответственности за говоримое им. Это было бы, прежде всего, трусливо, а всякая трусость уже будет невежеством. Казалось бы, насколько много дано всем, настолько богато и щедро все земное и Надземное, что не хватит времени взаимно утвердиться в этих прекрасных дарах. От привычки будет зависеть, чтобы время не тратилось на пустую болтовню и на безмыслие.

Возможно ли вообще состояние безмыслия? Поистине, заставить себя не мыслить еще труднее, нежели заставить себя думать. Мысль есть такое неотъемлемое, постоянное условие бытия, что нужно какое-то неестественное опьянение, чтобы организм пришел в состояние комы.

Когда люди сизмальства приучаются к значительному собеседованию и постоянному мышлению, то в этом естественном состоянии они получают истинную радость. Жизнь их наполняется значительностью. Каждый день и каждый час они могут дать себе отчет, что нечто созидательное исполнено.

Не раз говорилось, что и само сонное состояние не есть безмыслие. Во сне соприкасаются с тонким миром, во сне многому научаются и пробуждаются не только обновленными физически, как полагают, но и обогащенными духовно. Вероятно, многие замечали, что, засыпая с какою-то благою мыслью, они просыпались утром, мысленно твердя разрешение этой же мысли, очень часто в форме четкой и новой для них самих. Работа мысли безгранична.

Если эта область мысленной энергии так возвышенна и благородна, то имеем ли право засорять ее безмыслием и сорняком пустословия? Это само собою казалось бы понятно, но все же должно быть начертано на скрижалях каждого просветительного учреждения и во всем быту государственном, общественном и семейном. Сейчас время трудное. Тем более нужно осознавать, где притаилось все сорное и вредительское.

Маски притворства и лицемерия многолики. Подлинность и простота должны быть применяемы во

всем их настоящим, ответственном значении. Это вовсе не отвлеченность, но та простая ответственность перед бытием, которая составляет долг каждого человека. И совсем нетрудно при исполнении этого высокого долга, прежде всего, отказаться от пустословия, от этого сорняка, от этого пожирателя ценностей времени. Один такой отказ уже внесет в жизнь ту значительность, которая созвучит со всем прекрасным, Надземным и Вечным.

*6 июня 1935 г.
Цаган Куре.*

АРХИВЫ

Всем памятно, что случилось в “Мейстерзингерах” с Бекмейстером, похитившим отрывочные записки Ганса Закса. Низкий ум похитителя хотел воспользоваться отрывочными заметками, механически склеил их и получил общественное позорное осуждение. Часто так бывает с использованием отрывочных записей, которых много остается во всевозможных архивах.

Мне приходилось не однажды разбирать частные и общественные архивы, и невольно являлась мысль: какое смущение умов произошло бы, если опубликовать все эти отрывочные, истертые жизнью заметки? Не только в частных письмах, но и в документах учреждений получается такое множество невольных криптограмм, что, склеив их механически, можно получить сущую бессмыслицу даже там, где имелась в виду высокая общественная полезность.

Ужасно подумать, что исторические выводы нередко основываются на таких же случайных отрывках. Историк глубокомысленно замечает: “Летописец не упоминает о том-то и том-то, значит, этого обстоятельства не было”, или “Посольство было принято в такой-то палате, значит, именно этому посольству была оказана исключительная честь”. Можно приводить до бесконечности всякие такие условные выводы. На деле же оказалось бы совсем иначе. Могло оказаться, что летописец не вписал какое-то обстоятельство просто потому, что его позвали к трапезе в это время, а посольство было принято в важной палате, ибо в обычном помещении в это время производилась перестройка. Мало ли почему слагались иногда самые странные, трудно объяснимые в веках, обстоятельства.

Известен случай, когда высочайшее утверждение, посланное с курьером во дворец, последовало через три часа времени. Впоследствии исследователь мог бы заметить, что государь настолько был заинтересован этим документом и настолько спешил с ним, что подписал его немедленно. На деле же эпизод выглядел совершенно иначе. Курьер, родственник личного камердинера государя, передал портфель ему, а тот, заметив государя на прогулке в саду, признал возможным немедленно дать документ к подписи, и подпись была дана.

Из личных наблюдений можно бы привести многие факты, которые в глазах дальнего исследователя могли бы звучать совершенно иначе и могли бы вызвать глубокомысленные заключения. Вовсе не хочу вдаваться в тему о значении случая в жизни народов. Всем известны эпизоды, когда битвы выигрывались или проигрывались из-за насморка главнокомандующего. Так

же точно известны потрясения государственные, происшедшие по глухоте какого-либо председателя совета. Мало ли что бывает. Мы вовсе не хотим заниматься опрокидыванием некоторых заключений исследователей, которым и без того приходится нередко изменять свое мнение перед лицом новых фактов.

Совсем о другом хочу писать Вам. Нужно хранить в большом порядке архивы. Не только в механическом порядке, но и блюсти, чтобы не оказалось в них каких-то случайностей, могущих вводить кого-то потом в заблуждение. Когда представляешь себе целые шкафы переписок, происходящих с разными странами, то можно себе представить, как некий историограф общественных течений будет поставлен в тупик перед этим огромным количеством иногда как бы разнородных устремлений и назначений. Кроме того, многие имена для сокращения пишутся уменьшительно или обозначаются одними буквами — сколько недоразумений может произойти от одного сходства этих букв. Поэтому следует в некоторых случаях, оставляя документ в архиве, сразу же пояснять, хотя бы кратко, обстоятельства, которые могли бы представлять собою какие-либо затруднения в будущем.

Случалось видеть, как или в шутку, или злоумышленно, иногда подставлялись отрывочные цитаты. При желании, конечно, можно даже из любого документа дать самое странное сочетание отрывков. Также следует не только на оригиналах, но и на всех копиях, исправлять случившиеся описки. Помню, как однажды из-за одной буквы произошла крупная обида. Сабанеев был назван Сабакеевым и, конечно, навсегда усмотрел в этой описке умышленное оскорбление. Часто

в оригиналах описки исправляются, а в архивных копиях они остаются, вводя кого-то в заблуждение. К тому же еще прибавляются опечатки, происходящие даже в правительственных приказах. Каждому из нас, наверное, памятли такие опечатки в приказах, которые могли породить целые как личные, так и общественные затруднения. Примеры налицо.

Не думайте, что вдаюсь в излишние подробности. Наоборот, именно из кажущихся мелочей иногда вытекали неограниченные последствия. Особенно же теперь, когда в ходу столько международной переписки на разных языках и в весьма различном, условном понимании. Так, например, в одном случае, по настоятельной просьбе, мне самому пришлось заменить в переводе слово, так мною любимое, культура, — цивилизацией. Но из этого не следует вывести кому-то, что для меня эти два понятия оказались равноценными.

Часто хранитель архивов сам по себе именовался чем-то архивным. А ведь это совсем неправильно. Именно в руках таких архивариусов находится вся живая история, до государства включительно. Вместо механических складывателей на полку, заведующие архивом могут вести свои заметки, немедленно же поясняя всякие условности, неизбежные в переписке и делопроизводстве.

Помню и такой случай, когда документ оказался подписанным не самим министром, но товарищем министра. Из этого было выведено заключение, что глава ведомства по какой-то причине уклонился от участия в этом деле. На самом же деле глава ведомства в этот день страдал сильной дизентерией и временно не участвовал в

делах. Помнится и другой эпизод, очень комментировавшийся, когда некий глава правительства скоропостижно должен был покинуть торжественный прием. Мало ли что бывает в жизни — ничто человеческое не чуждо людям.

Главная цель этого письма, чтобы напомнить о необходимости высокого качества в хранении архивов. Нельзя, хотя бы кратковременно, допускать мысль, что завтра дополним то, чего не захотелось сделать сегодня. Всякий признак лености и неповоротливости нужно изъять всюду, а тем более в таких обстоятельствах, которые могут вводить в заблуждение преемника. Если мы не имеем права растрачивать чужое время, то так же точно мы не имеем права, по небрежности или лености, вводить кого бы то ни было в заблуждение.

Ясность и четкость, и чистота достигаются там, где вообще не допущена небрежность. А как приятно видеть эти качества всюду, как они очищают всю жизнь и заменяют ненужную сложность четкою, простою ясностью.

*7 июня 1935 г.
Цаган Куре.*

КОРОЛЬ АЛЬБЕРТ

Новое сообщение из Бельгии. Король Леопольд прислал приветствие нашему Учреждению в Брюгге и разрешил именовать его “В память Альберта I, короля бельгийцев”. Это наименование как нельзя более соответствует моим помыслам. С самого начала оформления нашего Пакта память о героической Бельгии

и ее короле-рыцаре постоянно была и в мыслях, и в упоминаниях.

Имя короля Альберта, весь его творческий подвиг во благо своей страны, его военное геройство, его широкие взгляды и глубокое доброжелательство всегда были для меня драгоценными. Поистине радостно и в наши смущенные времена иметь перед собою такой ясный облик героя-рыцаря без страха и упрека, блестяще прошедшего всю свою жизнь в неустанных трудах к процветанию народа.

Знаменательно, когда культурное, просветительное учреждение имеет такое прямое основание быть навсегда связанным с именем славного героя. Король Альберт находил время вникать в самые разнообразные нужды народного строительства. При всей своей огромной работе он всегда имел время заслушать и выразиться обо всем достойном.

В архивах нашего Учреждения в Брюгге имеется вещественное доказательство благожелательства покойного короля к нашему Пакту. Председатель Тюльпинк справедливо поминает это обстоятельство в своем приветствии ко дню третьей международной конвенции в Вашингтоне. Вместе с нашим Бельгийским Комитетом во всей радости сердца мы сливаемся в почитании незабвенного имени короля Альберта. Одушевляемся тем, что на щите Учреждения будет это достойнейшее, незабвенное имя.

Государства должны иметь полную возможность к тому, чтобы на щитах их учреждений, посвященных Культуре, были бы запечатлены имена их государей, их вождей, их глав, ведших народ по трудному и благому

пути истинного преуспевания. Счастливы те государства, которые в полной справедливости могут это сделать. Там, где по справедливости во главе всего может стоять имя главы, короля, вождя на всех путях жизни, там образуется импульс к следованию в грядущее.

Весть о безвременной кончине короля Альберта настигла нас в поезде около Генуи. Она показалась нам совершенно неприемлемой. Мы не могли вместить, чтобы уже ушел из мира такой герой, одно имя которого уже обязывало к утверждению подвига созидательства, которому покойный король так беззаветно был предан. Ведь ушел не просто добрый, высокообразованный человек. Ушел герой, а героев сейчас так немного.

Человечество должно беречь своих героев. Также должно оно беречь и память о них, ибо в ней уже будет здоровое, созидательное вдохновение. Жизнь уныла без героя. Тем ценнее, если такие герои не только имеются на страницах преданий, переходя в божественные мифы, но они оказываются посланными и в наше время. Они трудятся, создают и борются за благо в эти дни. Люди могли их видеть. Множество соратников могли ощущать прикосновение ободряющей руки и слышать зовущее слово. Не оставлены и наши времена. Имя короля Альберта останется в ряду этих несомненных героев, так нужных не только своей стране, но для чести и достоинства всего человечества.

Героизм — не самость. Героизм есть истинный альтруизм. В героизме живет и сияет самоотречение и самопожертвование. Слава сопутствует герою, но она является не умышленным надписанием, но естественным гербом его славного щита.

В марте 1914 года мною была закончена картина “Зарево”. На фоне бельгийского замка около изваяния бельгийского льва на страже стоял в полном вооружении рыцарь. Все небо уже было залито кровавым, огненным заревом. На башнях и окнах старого замка уже вспыхивали огненные иероглифы. Но благородный рыцарь бодрствовал в своем несменном дозоре. Через четыре месяца все уже знали о том, что этот благородный рыцарь, конечно, был сам король Альберт, охранивший достоинство бельгийского льва.

И еще раньше, когда мне приходилось бывать в древнем Брюгге, мы уже слышали столько душевных рассказов о королевской семье. Старая кружевница, говоря о чудесных придворных кружевах, тут же сказывала и сердечное слово о самом короле, королеве, о их семье, такой простой, доступной, милой народному сердцу. Много знаков о Бельгии прошло передо мною. И не было в них ни разу какого-либо отемнения великого имени короля. Разве это не замечательно? Разве не знаменательно это для иностранца, который на путях своих мало ли что мог бы услышать? Но можно свидетельствовать лишь доброе. И это будет нерушимой радостью, связанной с именем короля Альберта и его семьи.

И сейчас в пустыне Монгольской тоже является радость иметь возможность записать эти слова. Ведь в каждом добром начертании уже есть нечто зовущее, объединяющее и открывающее сердце. Мы должны быть признательны герою, который подвигом своим помогает нам открыть сердце и дружелюбно посмотреть в глаза соседа.

9 июня 1935 г.

Цаган Куре.

ПО ЛИЦУ ЗЕМЛИ

Анна Ярославна была королевою Франции. Другая Ярославна была за скандинавом, за конунгом Гаральдом. Сын Андрея Боголюбского — Юрий был женат на знаменитой грузинской царице Тамаре. Влиятельная и любимая жена султана Сулеймана Великолепного была русская из Подолья, “Хурем султан”, как ее называли, Роксолана. Голенищева-Кутузова замужем за царем Симеоном Казанским. Князь Долгорукий был высокопочитаемым лицом при дворе великих Моголов. Чингисхан имел русскую дружину. При китайском императоре — охранный русский полк, а через несколько столетий — Албазинцы. Казаки — в Америке. Иностранный легион имеет много русских.

В какие века ни заглянем, — всюду можно найти эти необыкновенные сочетания русского народа с народами всего мира. Уже не говорим о странниках, о путниках, о купцах, мы видим русские имена на самых влиятельных местах. Они — любимые. Им доверяют и поручают высшую охрану. Сейчас так часто упоминается термин “в рассеянии сущие” или “миссию несущие!” Незабываемы все прежние, глубокие проникновения русских в государственную жизнь всего мира.

Опять видим не только в рассеянии сущих, но множество русских имен, связанных с честью и преуспеванием великих государств. Франция гордится Мечниковым, в Англии — сэр Виноградов, Ковалевская — в Швеции, Блаватская — в Индии, Ростовцев и

Сикорский — в Америке. Лосский — в Праге. Метальников — в Париже. Барк — во главе огромного финансового дела Великобритании. Юркевич строит “Нормандию” с ее океанскою победой. В Парагвае войсками командует Беляев. Во Франции, в Югославии, в Китае, в Персии, в Сиаме, в Абиссинии — всюду можно найти на самых доверительно ответственных местах русских деятелей.

Заглянем ли в списки профессоров европейских университетов, рассмотрим ли списки разнообразных деятелей инженерного дела, пройдем ли по банкам, фабрикам, оглянемся ли на ряды адвокатуры — всюду вы увидите русские имена. Среди ученых иностранных трудов, в каталогах вы будете поражены количеством трудов русских. Только что пришлось видеть один каталог ученых изданий, в котором почти половина принадлежала русским трудам.

Уже приходилось писать о Пантеоне русского искусства и науки. Уже перечислялись великие имена Шаляпина, Станиславского, Стравинского, Павловой, Прокофьева, Бенуа, Яковлева, Фокина, Сомова, Ремизова, Бальмонта, Бунина, Мережковского, Гребенщикова, Куприна, Алданова... и всех бесчисленных замечательных деятелей искусства и науки, широко разбросанных по всему миру. И не перечить! Почтены имена Павлова, Глазунова, Горького. Даже на далеких островах Океании звучат Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин. Есть какая-то благородная, самоотверженная щедрость в этом всемирном даянии.

Вовсе не хотим сказать — вот, мол, какие мы, русские! Совсем другое хочется отметить, как факт

непреложный, исторический. В будущих летописях будет отмечено это русское всемирное даяние. Происходит оно поистине в планетарных пределах. Тут уже не может быть случайных, мелких делений. В таких размерах отпадают всякие политические и социальные соображения. Вырастает соображение творческого блага, в котором каждый может и должен приобщиться в качестве неустанного труженика.

Когда приходилось рассказывать иностранцам житие Преподобного Святого Сергия Радонежского, очень часто приходилось слышать в ответ: “Теперь понимаем, откуда у вас, русских, стремление даяния и труда”. Конечно, такая жизнь, которую заповедал Воспитатель русского народа, всегда напомним, как от малого, самодельного сруба произрастали светлые средоточия просвещения.

Не в гордыне произносим имена просветителей и строителей. Это опять-таки неотъемлемый исторический факт. Можно его толковать разными словами, но основной, высокий смысл этого светлого служения во благо человечества остается качеством крепким. Знаем и многих других великих, светлых строителей в разных странах. Среди прекрасноречивых имен мы лишь поминаем то, что в своей несменной строительности, в своем подвиге неустанном сейчас так зовет сердца человеческие.

Без гордыни, без хвастовства, поминаем о том, сколько русских людей находится на доверительно-ответственных местах в различных государствах. Не будет гордостью упомянуть о том доверии, которое вызвали в себе многие русские деятели во всем мире.

Вызвать доверие совсем не так просто. Ведь оно, как мы уже говорили, должно зазвучать в сердце со всею убедительностью. Если же в различных государствах оно, это доверие, прозвучало, значит, установилась еще одна ценность общенародная, всемирная.

Когда-то будет написана справедливая, обоснованная история о том, как много в разное время Россия помогла различным народам, причем помощь эта не была своекорыстна, наоборот, очень часто страдающей являлась сама же Россия. Но помощь не должна взвешиваться. На каких таких весах полагать доброжелательство и самоотвержение?! Но во всяком случае ценность такого доброжелательства не ржавеет и в веках оно произрастает в доверие. Многие, многие народы видят в русском друга своего. И это обстоятельство сложилось не в каких-то хитроумностях, но во времени, в делах, в даяниях.

Великое благо, если мы можем вызвать улыбку доверия. В этих больших понятиях будет ли правильно название “в рассеянии сущие”? Какое такое рассеяние, когда от древних веков всюду можем увидеть прикасания наших предков к жизни многих народов. Те носители русских имен — и Анна, и Роксолана, и Юрий Андреевич, и Долгорукий, и все писанные и неписанные, знаемые и незнаемые, — вовсе они не были в рассеянии, но очень сосредоточенно несли свое даяние дружелюбия народам.

И из них многим жилось трудно. Прочтите хотя бы повествование Афанасия Никитина Тверитянина. Эти трудности настолько общечеловечны, что в историческом процессе они стираются, но остаются незабываемые

знаки дружелюбия, усовершенствования и благостного даяния.

Русский язык, как никогда, сейчас распространен. Как никогда, переводятся русские писатели, исполняются русские пьесы и симфонии, и в музеях утверждаются русские отделы. Какое же в этом рассеяние? Совсем не рассеяние, а совсем другое, гораздо более благозвучное и многозначительное. Если русским доверяют народы, поручая блюсти ответственные места, то и мы укрепляемся в доброжелательстве к народам. Из всенародного сотрудничества вырастает строение. Оно будет прекрасным.

Пифагор говорит:

“Слушайте, дети мои, чем должно быть государство для добрых граждан. Оно более, чем отец и мать, оно более, чем муж и жена, оно более, чем дитя или друг. Для доброго мужа дорога честь его жены, чьи дети приникают к его коленам; но еще дороже должна быть честь Государства, которое оберегает и жену, и детей. Если мужественный человек охотно умирает за очаг, то насколько охотнее он умрет за Государство”.

15 июня 1935 г.

Цаган Куре.

ЖЕЛАННЫЙ ТРУД

Часто обсуждается, насколько желанность труда повышает продуктивность и качество. Все

согласны на том, что это условие труда намного улучшает все следствия работы. Но бывает лишь разногласие в процентности отношения. Некоторые думают, что следствия улучшаются на двадцать и тридцать процентов, а другие допускают даже эти улучшения до семидесяти процентов.

Допускающие такой большой процент качественности и продуктивности желанного труда не ошибаются. Даже нельзя и сравнить произведение, сделанное под насилием, с тем прекрасным результатом, который достигается при сердечном вдохновении. То же самое сказывается решительно во всех деланиях. Будет ли это творчество искусства или будет ли это так называемая каждодневность, основа желанности будет всюду светлым знаменем победы.

Нередко каждому приходилось встречаться с особым типом людей, во всем как бы играющих на понижение. Подобно биржевым спекулянтам на понижение, такие люди во всем решительно найдут и будут упорствовать на чем-то понижающем. Обычно они сами себе причиняют огромный и непоправимый вред и тем не менее все же будут решительно на все кисло улыбаться и находить лишь дефекты. Исправлять эти дефекты они не заботятся, ибо в них самих не будет радости созидания и желанность всякого труда будет им незнакома.

Также каждый встречался и с типами поденщиков, стремящихся к безответственности. И это свойство является вследствие того же отсутствия желанности труда. Говорю о труде желанном и не смешиваю его в данном случае с трудом любимым. Любить труд любимый совсем не трудно. Не в том дело. Каждому в

жизни приходится встречаться со всевозможными обязательствами, в выполнении которых он должен приложить труд. Иногда этот труд будет протекать в совершенно неожиданной области. Придется спешно познавать, придется проявить доброжелательную находчивость. Достигнуть этого можно лишь, если в сердце не потухла желанность труда как такового.

Помню давнишний рассказ о том, как некто начал выговаривать себе количество праздников. Собеседник пошел ему навстречу и начал предлагать ему новые и новые праздничные сроки. Наконец сам любитель праздников начал смущаться длиннотою списка, а когда подсчитал, то оказалось их в году 366. Тогда весь этот вопрос упал сам собою. Праздник и должен быть. Праздник и есть в желанности труда. Если каждый труд осознается как благо для человечества, значит, он и будет тем самым желанным праздником духа.

Марафон качества, марафон устремленности, спешности, производительности — все это прекрасные марафоны. В них-то и испытывается качество духа. Конечно, в каждом существе есть зерно духа, но состояние и качество их различны. Так же точно, как нельзя оставаться недвижимым в космическом движении, так же точно и состояние духа должно безостановочно изменяться. Пожелаем лишь и всем, и себе, прежде всего, чтобы чаша духа не расплескалась. Чтобы тяжкие капли хаоса не испепелили ценную, накопленную влагу чаши.

Вот говорят о засухах. Но где эти засухи? Разве только на земной поверхности? Говорят о пятнах на солнце. Только ли на солнце эти пятна? Запятнать все можно. Лучшим очищением этих пятен все-таки

останется желанность труда. Эта желанность не выразится в физических мерах. Огненно она осветит все потемки и даст ту светлую улыбку, с которой нужно встретить грядущее.

17 июня 1935 г.

Цаган Куре.

“И ЭТО ПРОЙДЕТ”

Вы поминаете мудрый совет царя Соломона: “И это пройдет”. Вы пишете о том, что учитесь терпению. Находите многих учителей к тому. Все это так и есть. Если бы число учителей терпения даже умножилось во всех их разнообразных приемах, то скажите им искренне спасибо. Без них, может быть, не удалось бы найти такие многочисленные возможности упражнения в терпении.

Ведь все нуждается в упражнении. Требуются какие-то кремни, от которых могли бы получаться искры. Часто говорится о невозможности перенести что-либо. Всякий, не испытанный в терпении, конечно, может запнуться даже за маленькие ступени. Испытания терпения всегда будут и учебниками терпимости и вмещения. Ведь что же может быть плачевнее, нежели человек нетерпимый, не умеющий вместить. Ведь вместить — значит понять, а понять — значит простить.

Испытание искренности также весьма поучительно. Искренность будет тою же самою непосредственностью, которая всегда необходима, лишь бы она была подлинною. Всякое лицемерие будет противоположно прямоте. Прав тот, кто действительно прилежит основам

добрым и устремляет все свое сознание, чтобы понять эти основы в их непреложной, первичной полноте.

Можно видеть, как в самые высокие положения иногда в веках вкрадывалась условность и чья-то нетерпимость. Но там, где нетерпимость, там легко могла зародиться и злоба, и осуждение. Множество величайших примеров нам указывает, что самоотверженные подвижники не знали злобы, нетерпимости и всяких разлагающих невежеств. Следует идти тем путем, который так прекрасно рассказан в высоких обликах, ведущих человечество.

Вы пишете, что учитесь терпению, но, имея перед собою многие примеры терпения, Вам легко преисполняться терпением несокрушимым. Сколько новых пониманий и расширений сознания принесет за собою водворенное терпение. Будет оно вовсе не страдальческим терпением, но светлую радость вмещения и понимания.

Тепло и хорошо пишете Вы о близких Ваших. В письме Вашем не остается места для каких-либо осуждений. И это так хорошо и так нужно. Именно нужно, чтобы для осуждений и места бы не оставалось. Столько бы добра привлекло к себе внимание, что от искры этого блага тьма просто рассеялась бы. По завету, конечно, оружие Света должно быть и в правой, и в левой руке, всегда готовое рассеять тьму. И мужество должно быть всегда налицо, чтобы не отступить там, где во славу добра можно совершить подвиг.

Слова “подвиг” почему-то иногда боятся и иногда избегают. Подвиг не для современной жизни — так говорят боязливые и колеблющиеся, но подвиг добра, во

всем всеоружии, заповедан во всех веках. Не может быть такого века, такого года и даже такого часа, в течение которого подвиг мог бы быть неуместным. Добротворчество настолько необозримо, что во всех видах своих может быть выполняемо ежечасно. В своем неукротимом течении это благое творчество заполнит все время, воспламенит все помыслы, избавит от утомления. Заметив темные пятна, вы всегда будете знать, что “и это пройдет”. Чем сильнее будет водворено в сердце добротворчество, тем легче скажется мудрый совет о всякой тьме: “и это пройдет”.

Конечно, вы знаете, что пройти-то оно пройдет, но вы приложите все усилия к тому, чтобы оно прошло скорее. Нельзя в доме хранить сор и хлам. От ветоши насекомые вредные разводятся. В чистоте нужно не позволить, чтобы где-то у порога образовались залежи грязи. Великое значение имеет порог, и вы знаете, как блюсти его. Всякие жители сидят у порога. Там же сидят и недопущенные торговцы сердец, которые тоже в своеобразном терпении льстят себя надеждой, что может наступить час и для их входа. Но пусть этот час не наступит.

Для всего нужна бодрость. Проверьте все склады и доступы, которыми может наполнять вас светлая, молодая бодрость. Вы пишете, что откуда-то не получили ответа на ваше нужное, хорошее письмо. Вы думаете, что летнее время кого-то лишило дееспособности. Будем думать, что это так и есть. Но почему же летнее время должно лишать человека энергии, справедливости и обязательности? Кроме того, неужели отдых может выражаться в безмыслии и в желании кого-то заставить

ждать. Утрудить кого-то уже будет недостойным делом. Вы знаете о ком и о чем говорю.

Скажите всем друзьям наш сердечный привет. Помогайте там, где можете помочь. Вливайте бодрость там, где только возможно. И сами будьте бодрЫ и добротворны.

А трудностям всяким и препятствиям скажите с улыбкою: “И это пройдет”.

10 июня 1935 г.

Цаган Куре.

БУДЕМ РАДОВАТЬСЯ

Получены многие ваши письма. Пришли они сразу и ответить на них тоже хочется сразу вам всем. Во всех ваших письмах в разной форме выражалась одна добрая, строительная мысль. Каждый добром поминал своих сотрудников. Потому и этот привет пусть читается вами всеми вместе.

Очень хорошо отмечено, что наш друг наполнился словом “радуйся”, именно в то самое время, когда я и отсылал это самое слово. Именно как в древности приветствие начинали этим пожеланием, так и мы все не поскупимся направить друг к другу доброе пожелание.

Пусть это приветствие всегда будет в обиходе вашем. Когда же дни будут особенно напряжены, когда будет смутно и тяжело, именно тогда укрепляйте друг друга благим напоминанием. Ведь всем тяжело. Не учтешь — кому тяжелее, кому легче. Одному — в одном, другому — в другом, во всем разнообразии чувствований и переживаний может быть как бы безысходно тяжело.

Такая призрачная безысходность рассеется от одного искреннего, дружеского благопожелания. Каждая радость уже есть новый путь, новая возможность. А каждое уныние уже будет потерей даже того малого, чем в данный час мы располагали. Каждое взаимное ожесточение, каждое ращение обиды уже будет прямым самоубийством или явною попыткой к нему.

Окриком не спасешь, приказом не убедишь, но светлое “радуйся” истинно как светильник во тьме рассеет все сердечное стеснение и затемнения. Для чего же вы сходитесь? Затем, чтобы добротворствовать, чтобы всемирно служить благу и Свету. Среди ваших собеседований пусть растет постоянное желание увидаться чаще, сообщить друг другу что-нибудь ободряющее и укрепляющее. Среди этих так нужных в повседневности ободрений будет одним из самым плодотворных простое: “радуйся”.

Люди часто отучают себя от радости. Они окунают свое мышление в такие темные, тенистые застои, что на каждый привет подозрительно ответят: “нам ли радоваться!” Да, милые мои, именно вам. Не может быть такого положения, в котором бодрый дух не увидел бы просвета. Не просто беспричинно вы говорите в письмах своих, что пребываете в бодрости. Эта бодрость образована в вас. Для нее вы много читали, и чтобы подводить итоги впечатлений, — вы закрепляете их в ваших собеседованиях.

Вот я посылаю вам выписку из одного письма, в котором, также далекий, корреспондент сообщает о темноте и невежественности. Знаете и такие происходящие отборы. В сообщаемом письме не видно

желания непременно умышленно очернить кого-то. Наоборот, темные факты оплакиваются. Злобная невежественность причинила душевную боль. Но и на это вы скажете: “И это пройдет”. Вы не только переживаете свою подобную действительность, но, зная ее, вы бодро ее победите.

Для начала этой бодрости вы улыбнетесь друг другу в сердечном привет: “будем радоваться”. Сумеет обойтись друг с другом очень бережливо, очень задушевно и опять-таки очень радостно. Некоторые темные знаки являются, даже в темноте своей, уже предвестниками Света. В восточных языках имеется выражение: “первый проблеск до зари восхода”. Видите, не о восходе самом говорится, даже не о заре, но уже подмечается первый проблеск. Чем пристальнее будете осматриваться, — тем больше светлых проблесков найдете. “Близка заря, но еще ночь”, так словами стража отвечает пророк Исаия. Несмотря на ночь, он уже видит зарю. А зарю можно приветствовать именно лучшим пожеланием: “будем радоваться”.

Хорошо, что вы вообще не сетуете. Напрасные сетования причиняли столько вреда людям, а прежде всего самим же сетующим. Действительно, почему человек должен сетовать на то, что он в данный час находится на определенном месте и в определенном состоянии? Во-первых, и над тем и над другим он когда-то сам потрудился; а затем, почему человек может брать на себя утверждение, что в другом месте он мог бы быть более полезным?

Может быть, именно на этом месте, где он сейчас находится, он должен выполнить большую и прекрасную

миссию. Может быть, он поставлен именно на этом месте как дозор крепкий и неусыпный. Может быть, именно на этом месте ему доверено нечто такое важное, которое он и не мог бы донести в другом месте. Часто людям миражно представляется, что куда-то нужно стремиться, и они забывают, сколь большие ценности вверены их охране.

Что же было бы, если все добрые люди собрались бы в изолированном месте? Правда, они могли бы наполнить пространство мощными мыслями. Но все же им пришлось бы высылать доверенных гонцов для земных хождений, для работы верной и неотложной. Что же было бы, если гонцы эти не пожелали идти в путь среди ночной тьмы, среди ледящих вихрей? Конечно, идти по острым камням, ожидать из-за каждой скалы вражеский нож и слушать грубые, кощунственные речи неприятно. Но как же иначе сделается мирское дело? Как же построятся храм, и как иначе возможно принесение радости народам?

Потому-то так хорошо, что вы не сетуете, что вы понимаете смысл и значение работы на определенном месте. Конечно, вы храните в сердце своем пути дальние в страну благословенную. Вы видите в себе, в сознании своем, все благие построения, о которых обязан мыслить каждый мыслящий. Вы храните в себе и готовность пройти по всем острым камням и выслушать все угрозы и рычания, ибо вы знаете, куда и зачем вы должны направляться.

Теперь же, когда вы собираетесь для собеседований, вы наполните эти часы неподдельною радостью. Вы укрепите друг друга в том, что зло преходяще, но благо

— вечно. А там, где радость, там уже есть зачаток блага. Улыбка в благе, не похожа она на гримасу и усмешку личин зла. Истинная радость уберется от всякого сквернословия и кощунства. Ведь радость светла!

Только в радости вы находите неисчерпаемые силы, чтобы неустанно продолжать добротворствовать. В радости люди стремятся сойтись вместе. Именно в радости нет одиночества. В радости и пишу вам всем вместе, ибо не хочу ничем разъединять вас. Почему бы нужно было говорить о радости кому-то тайно?

Радость — в явности. Радость — в доверии. Радость — во взаимном укреплении. Не отвлеченно дружелюбие, о котором мы всегда говорили. Трудные дни сейчас. В эти часы особенно помянем и сбережем радость.

Будем радоваться.

18 июня 1935 г.

Цаган Куре.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Сообщают, что общеизвестное изображение “Всевидающее Око”, так знакомое с древнейших времен в храмах византийских и православных, ныне признано масонским изображением. При этом такая ересь твердится людьми, которые, казалось бы, должны знать историю церкви и древнейших церковных символов. Неужели же история настолько мало изучается, что всякое преднамеренно злоумышленное лганье простодушно воспринимается. Ведь это было бы более чем прискорбно!

С другой стороны, слышно, что археология негодная наука, ибо среди исследований древних памятников происходят и исследования древних погребений. Эта версия тоже наводит на самые печальные размышления. Точно человеческое сознание никуда не продвинулось и проживает во тьме средневековья!

Но ведь даже в средних веках уже начиналась изучаться анатомия. Конечно, с точки зрения свирепой инквизиции такое изучение нередко приравнивалось к колдовству. Между тем, если мы попробуем стать на точку осуждения древнейших церковных символов, на точку отрицания полезности наук, то ведь такое положение вещей далеко превзойдет самую неистовую инквизицию.

Ведь таким порядком можно признать вслед за отрицанием изучения анатомии вообще вредность медицины. Можно вновь вернуться к тем темным временам, когда первый паровоз назывался в народе дьявольским конем, а безобидный картофель в ужасе назывался чертовым яблоком. На это могут возразить, что все подобные произмышления сейчас могут быть уместны лишь на Сандвичевых островах или в глубинах Африки. Но жизнь показывает совсем другое. Увы, мы встречаемся и сейчас с этими воззрениями.

Правда, каждодневно делаются блестящие открытия, за которые в средних веках полагался бы костер или, по меньшей мере, пытка. Но тоже правда, что чисто средневековые, злые предрассудки и невежество не только существуют, но, подобно ехиднам, они ползают и заражают темным ядом все на пути своем.

При этом следует обратить внимание, что всякие суеверные смущения даже не высказываются в виде вопроса; просто они предлагаются как законченное мнение. Темные заключения утверждаются. Слов нет подумать, что в настоящее время, у нас на глазах, могут еще произрастать такие вреднейшие семена! Многим, кому не пришлось в жизни встретиться с такою тьмою, покажется, что эти остатки средневековья, если и имеются, то они весьма незначительны и в бессмыслии своем могут остаться в пренебрежении.

Такое мнение, к сожалению, было бы ошибочным. Оно равнялось бы тому, что, увидя опасную заразу или зачаток бешенства, кто-то предложил бы не обращать на это никакого внимания. Мы не Кассандра и не пессимисты, но во имя профилактики нельзя молчать там, где обнаруживается несомненная злоумышленная зараза.

В тех же средних веках существовали многие способы избавляться от врагов или от нежелательных соседей. Подбрасывались ядовитые змеи, дарились кольца со влитым внутрь ядом. Преподносились сладкие пироги, пропитанные бесцветными и безвкусными ядами. За здоровье подавали отравленный кубок вина. Много историй об отравленных перчатках, платьях и о всяких злоухищрениях. И это не выдумки. В истории много несомненных, подтверждающих фактов. Отравления практиковались даже в самом недалеком прошлом, а хитроумные кольца и кинжалы со вместилищами яда каждый мог видеть в собраниях и музеях.

Поминая о музеях, нельзя не заметить, что еще недавно происходили дискуссии о том, нужны ли вообще

музеи и нужно ли вообще охранять культуру? Вы скажете, что таких музейщиков и культуроборцов меньшинство, ведь и зубры сейчас вымирают как пережиток. Пусть будет по-вашему — сеятелей тьмы меньшинство, но это меньшинство настолько сплочено, настолько агрессивно и настолько не стесняется способами действий, что их деятельность дает самые ужасные результаты. Ведь много людей почему-либо раньше не подумают о Культуре, о музеях, о значении научных исследований, и когда им в грубой, настойчивой форме преподносится неистовое невежество, они могут, по слабости характера, поддаться первому впечатлению.

Вы также знаете, как много значит первое впечатление и как неизгладимо оставляет оно свой след в сознании. Такое зараженное сознание, хотя бы и приняло все меры впоследствии для извлечения вредных корней, но ведь даже зубной врач вам скажет, как трудно бывает иногда удалить гнилые корни. Тем труднее производится та же операция в пределах психических. Вследствие таких заражений, сколько шатаний, сколько смущений порождается в мире, а из них произрастает множество трудно поправимых несчастий.

Там, где какое-то смущение произносится в форме вопроса, там еще опасность не окончательная. Значит, у вопрошателя еще не созрела непроломимая корка вокруг этого вопроса. Значит, зерно еще может принять любую форму. Но когда вместо вопроса вам преподносится утверждение, сложившееся мнение, тогда и всякие возможности обсуждений отпадают. Каждый из нас рад всяким вопросам, но если будет преподнесено

непоколебимое антикультурное мнение, то этим будет выедена и возможность сотрудничества.

Существует рассказ о том, как два путника заметили совершенный невдалеке поджог. При этом один хотел, несмотря на позднее время, поднять тревогу и прервать путь свой, но другой сказал: “Какое нам дело, к тому же, быть может, дом и не загорится, ведь погода довольно сырая”. Всякий осудит, по справедливости, второй эгоистический совет. Если кто-то заметит поджог, то он не может в самости продолжать путь свой и не предупредить своего брата.

Если же замечаются признаки еще не изжитого, темного средневековья, то нельзя найти предлога, чтобы не обратить на них общественного внимания. Сколько отговорок, наверно, найдется. Кто-то скажет: “Да ведь это просто так сболтнулось”, или: “Да ведь это была шутка”. Может быть, в свое время и Каракалла шутя жалел, что у человечества не одна голова, чтобы отрубить ее сразу. Если это была шутка, то, во всяком случае, шутка очень дурного тона, непозволительная. В особенности же теперь, когда люди знают о мощи мысли, о значении внушения, — не могут быть допускаемы такие средневековые и древние произмышления, оставляющие по себе ужасный след.

Пусть все друзья Культуры, на всех путях своих, пребывают на несменном дозоре, чтобы ничто для Культуры оскорбительное не было бы произнесено и утверждено в жизни. Пусть не думают, что шутки и злоречия достойны лишь пренебрежения. Тьма должна быть рассеиваема беспощадно, с оружием Света и в

правой, и в левой руке. А с левой стороны находится и сердце, которое подсказывает наилучшее во все времена.

Средневековье было, но оно миновало. Недаром этот период постоянно называется темным средневековьем. Пребывать в нем человечество не могло; и лучшие умы слагали времена расцвета, эпохи Возрождения.

20 июня 1935 г.

Цаган Куре.

ПРЕДСКАЗАНИЯ

“Марс и Венера через сто лет будут обитаемы”. Такое научное предсказание недавно сообщилось газетами. Выпишем дословно, как мы его читали:

“Двухчасовой рабочий день, уничтожение старости, и вместо нее вся жизнь как бы в промежутке от 22 до 35 лет, доставка воды на Марс, а также снабжение кислородом Венеры, сделают их обитаемыми. Таковы предсказания на следующие сто лет, сделанные американским химическим обществом на торжестве одного юбилея в Америке”.

“Десять тысяч ученых присутствовали на этом торжестве”.

Предсказания эти были высказаны доктором Томасом Мидглем, химиком и вице-президентом Этил-Петроль-Корпорейшен.

“Д-р Мидглей говорит, что через сто лет будет уничтожена причина простуды, инфлюэнцы, туберкулеза, вероятно, также рака и многих других болезней, которые сейчас считаются опасными”.

“В синтетическом доме будущего столетия вы будете, за ненужностью, выбрасывать постельное белье, нагревать комнату немедленно, лишь нажимая кнопку, бросите ваши пижамы в мусорную корзину, ибо продукты целлюлозы будут настолько дешевы, что не будет иметь смысла их стирать”.

“Несварение желудка делается неизвестным с открытием определенных гормонов, и принятие одной пилюли избавит от всех неприятностей”.

“Сон не будет тревожным, и дурные сны исчезнут. Будут сонные таблетки, производящие лишь приятные сны, или другого сорта таблетки — вообще избавят от снов”.

“Инженерное дело ждет от химии такое топливо, которое освободит все прочие подобные надобности. Изобретение такого топлива сделает возможным междупланетное сообщение”.

“Газолин, взрывчатые вещества и другие материалы получают такое преобразование, что новый запас энергии должен быть найден, может быть, в деятельности радия”.

“Я не хочу создать впечатление, что междупланетное сообщение немедленно станет общедоступным. Многие приготовления к этому нужны. Марс нуждается в воде, Венера — в новой атмосфере, — все это требует работы будущих химиков и инженеров”.

“Мир будет здоровее. Лучшее здоровье, которое будет найдено, позволит развить такие условия жизни и умственных занятий, что ученые проблемы, нерешимые сейчас, будут находить разрешение в один день”.

“Возраст будет под полным контролем, будет найдена возможность для каждого заказать бесконечно долгую

жизнь, избавляясь от случайностей и удерживая ее приблизительно на одном уровне. Жизнь может быть продолжена, примерно, как бы в возрасте от 22 до 35 лет”.

“Земледелие делается точной наукой, посредством мощных удобрителей и синтетических гормонов для производства урожая. Это будет означать также гораздо большее и скорейшее снабжение мясом. Цыплята будут расти до величины свиньи, свиньи будут ростом с корову, а корова величиной с мастодонта, но питания, чтобы воспроизвести такой рост, потребуется не больше, чем в настоящее время”.

Еще раз оговоримся, что эти предсказания взяты из научного доклада, опубликованного в газетах. Многие заманчивые предсказания наводят на особые размышления. Так, например, ученый, знающий о том, что в овощах заключается больше витаминов, нежели в мясе, заключает свой доклад чем-то, вероятно, для него самого более привлекательным, а именно уродливым ращением цыплят величиной со свинью. Также забавно и то, что ученый заботится о Марсе и Венере, чтобы привести их в земные условия обитаемости. Почему-то ученый ограничивает свое мышление, желая подчинять другие планеты условиям Земли, может быть, их наименьшей сестры.

Вероятно, ученому не раз должно приходиться на ум, что в то самое время, когда он мечтал бы подчинить прочие планеты условиям Земли, существа, обитающие на других планетах, в то же самое время, наверно, думают о том, как бы дать Земле их наилучшие условия. Не будет ли самомнением полагать, что обитатели их на

других планетах должны ходить в пиджаках и кепках земных? Неужели же величие небосклона может вызывать мысли, полные земного самомнения?!

Конечно, было бы прекрасно, если предсказания ученого химика относительно искоренения земных болезней исполнились через сто лет. Конечно, чего же лучше! Но, к сожалению, одна химия вместе с инженерным делом не преуспеют в этом отношении. Истинная профилактика будет заключаться не в глотании химических таблеток, но в оздоровлении, прежде всего, условий быта. Можно глотать всякие таблетки и в то же время прозябать в необыкновенной грязи и неряшливости. Можно думать об инженерных открытиях и грязнить их небрежностью, лживостью и человеконенавистничеством.

Конечно, все земные жители будут приветствовать предсказания ученого химика, если в них будет отведено должное место духовному развитию, будет оценена великая психическая энергия, которая, в конце концов, мощнее всяких химических таблеток. Спрашивается, к чему людям долгий век, к чему внешнее пребывание в возрасте до 35 лет, если люди будут уже с малых лет духовными стариками? Зачем людям насиловать свой великий дар здорового сна, навязывая себе, подобно опиумоедам, насильственные грезы? Ведь всякие морфинисты, героинисты и тому подобные наркоманы и пьяницы тоже вместо здоровой, мыслительной жизни хотят привести себя насильственно в миражное состояние. Сейчас все правительства мира начинают бороться со злом наркомании. Значит, не насильственными таблетками, но именно здоровым

бытом можно достичь и здорового, ободряющего сна. Ведь не для насильственных сновидений спят люди, а для чего-то гораздо более существенного.

Насильственное порождение жизни также уродливо, как и равные свиньям цыплята. В этом насильственном прикреплении себя к земным оболочкам сказывается нежелание подумать шире, именно в пределах тех бесчисленных планет и небесных тел, на которые желал бы отправиться ученый химик, вероятно, одевшийся бы для такого торжественного путешествия уже не в пиджак, но во фрак.

Думается, что уже прошло то время, когда кому-то можно было мечтать лишь о грубо материальных решениях. Правда, были такие дни, когда отрубленная голова собаки, под насильственными токами, начинала лаять, а устроившие это насильники оповещали о том, что смерть побеждена. Такого сорта победители смерти прежде всего доказывают, что сами-то они так называемой смерти очень боятся и ограничивают свое мышление земными оболочками.

Если люди чаще заглянут в необозримый небосклон и подумают о соотношении Земли и беспредельности, то не только о химических таблетках они помыслят. Мощь мысли, мощь психической энергии укажет им совершенно другие пути, на которых им не нужны будут насильственные сновидения.

*21 июня 1935 г.
Цаган Куре.*

КАТАКОМБЫ

Где только не разбросаны всевозможные катакомбы, пещеры, подземные ходы и всякие убежища, где люди пытались охранить самое для них священное и ценное. Если рассмотреть всю психологию разновременных и разнородных катакомб, то составитя одна общая трогательная страница преданности и самоотверженности.

Где-то бывали и разбойничьи пещеры, но таких притонов будет гораздо меньше, нежели убежищ во имя сохранения блага, во имя принесения на землю лучших, мирных начал. Те, кто посещали катакомбы и всякие подземные ходы, те могли убеждаться, что даже самые настенные иероглифы оставляли в памяти трогательные символы.

Среди своеобразных человеческих испытаний, почему-то непременно нужны или катакомбы, или заточения, или преследования. Проявление блага непременно должно вызывать противоположную ярость. Когда будете в Риме, непременно пройдите по катакомбам. Пройдите по различным катакомбам, не поспешите попросить показать вам длиннейшие боковые ходы там, где, как скажут, уже опасно ходить. Подробно осмотрите настенные знаки, все надписи. Ощутите на своем теле пронизывающую сырость. Оглянитесь на мрак, наступающий из таинственных бесконечных проходов. Вспомните, как бежали почти нагие, плохо прикрытые, босые в эту сырость, на эти каменные лежа, среди могильных надгробий.

В этом спасительном убежище стирались все условные различия. Высокородные матроны теснились

вместе со вчерашними рабами, лишь бы сохранить светильник сердца своего зажженным. Каждый знак преданности и самоотверженности вливает в сердца новое мужество. Во всех веках было проявляемо самоотвержение. Как высшее духовное испытание, являлись непременно нужными эти преследования, о которых можно писать повесть героическую на всех языках.

Поистине, в пещерах и подземельях отыскивали сокровища. Эти ценности должно понимать во всех смыслах. Также необходимо и напомнить об этих ценностях, ибо катакомбы как существовали, так и существуют. Напрасно кто-то подумает, что всякие катакомбы уже отошли в область преданий. Далеко нет. Почетные катакомбы, почетные заточения, почетные преследования существуют в полной мере, а в разнообразии своем они лишь изощряются.

Было бы непростительной отвлеченностью говорить о том, что почетные преследования закончились. Они по-прежнему существуют в передовом ряду борьбы за благо. И они должны быть воспринимаемы со всею твердостью и решимостью, как стигматы благодати. Тот, кто не был преследован за благо, тот и не являл его. Было бы неестественно предположить, что истинные достижения приходят без борьбы.

Об одном деятеле еще недавно мы читали такую характеристику: “Любили или не любили вы его, соглашались или не соглашались с ним, но вы никогда не оставались безразличны к нему. Около него всегда было нечто, что не могло быть пренебрегаемо — определенная героичность, беззаветная смелость, радость битвы, огонь

убеждения. В нем не было полутонов, не было слащавости, не было пугливой уступчивости. Все в нем было светло, как день, непререкаемо, как таблица умножения, убедительно, как громы Синая”.

Да, громы для известного рода ушей неприемлемы и ужасны; но другим самоотверженным душам эти громы, именно эти молнии вселяют новое, непобедимое мужество. В горении таким мужеством люди теряют ощущение боли и, как на огненных крыльях, сокращаются для них самые длинные пути.

Дорогие мои, знаю, насколько вам трудно, насколько нужна мудрая осмотрительность, чтобы не подвергнуть осмеянию и поруганию самое для вас ценное. Что же делать, придется пожить и в катакомбах, на стенах которых будут многие прекрасные символы. Будете чувствовать себя под этими сводами не в заключении, но, наоборот, окрыленными. Сама осмотрительность ваша будет не более той осмотрительности, когда человек старается нерушимо пронести по базару освященный огонек. Конечно, несущий эту благую лампаду должен идти очень бережно, чтобы не толкнули его и не пролилось бы ценное масло, и не погас бы огонь.

В этой бережности не будет ни боязливости, ни самости. Если человек знает, что он должен нечто донести во имя высшего блага, то он и напряжет всю свою находчивость, всю свою вместимость и терпимость, лишь бы не расплескать зря свою чашу. Ведь не для себя он ее несет. Он ее несет по поручению оттуда и туда, куда ему заповедано. Для сокращения пути он пройдет и катакомбами и проведет ночь в пещере, может быть, и недоспит и забудет о еде — ведь не для себя он идет.

Служение человечеству не есть какая-то самомнительная фразеология. Наоборот, это высокое и трудное требование каждый должен поставить перед собою, как цель земную.

В творчестве, в помощи, в ободрении, в просвещении, во всех исканиях достижений перед человеком будет то же Служение. В нем он лишь отдает долг свой. Опять-таки не насильственно отдает, но вполне естественно, ибо иначе и быть не должно. Теперь же, когда говорю вам об особой бережливости, имею в виду, что могут злоумышленно толкнуть вашу лампаду. Могут разрушительно стараться повергнуть вас во тьму без огня. Но прикройте это священное пламя всею одеждою вашею, сохраните его всеми помыслами; сами видите, насколько велико сейчас ожесточение. Если много где вползает одичаний, то не дайте им опрокинуть целебную чашу.

Не думайте, что время сейчас обычное. Время совсем особенное. В такие ответственные часы нужно приложить все свои накопления, все свое внимание. На башнях и в катакомбах, на высотах и в пещерах, всюду, где пройдет дозор ваш, будьте теми же бодрыми и непобедимыми. В самых буднейших буднях находите в себе высокое слово, которое ободрит друзей ваших. Ведь придут они к вам за ободрением. Вы скажете им не только о том, что трудности о благе уже будут частями блага. Вы расскажете друзьям о том, что трудности не о вчерашнем дне, но о том светлом завтра, для которого вы существуете.

Самые глубокие катакомбы станут для вас заоблачными высотами. Самые злейшие поругания

станут для вас горнилом творчества. Хохот злобы будет для вас поощрением. Если бы вам пришлось спуститься в пещеры и в катакомбы, то вы сделаете это лишь для восхождения, со всею бережностью и вдохновенностью. Для вдохновенности вы встречаетесь в беседах ваших. Пусть будут часы этих бесед воспоминанием о самом священном, о самом радостном, о самом творящем.

Как можете вы знать, когда постучится вестник? Должен ли он найти вас на башне, или должен найти в катакомбах — вы не знаете этого, да и не должно знать, ибо тогда нарушилась бы полная готовность. Будьте готовы.

*1 июля 1935 г.
Наран Обо.*

ЗАСУХА

В дружеской беседе сидели три собеседника. Один вспомнил недавний рассказ очевидца о мгновенной гибели Кветты. Как на веранде сидели вернувшиеся из театра, как вдруг послышался какой-то космический гул и рев и они выскочили на площадку, и тут же, на их глазах, в одно мгновение, Кветта была уничтожена. В этой мгновении разрушения целого города, в пятидесяти почти тысячах жертв, в открытии нового вулкана проявилось еще одно космическое напряжение, предупреждение.

Другой собеседник вспомнил старинные знаки из Пуран, которыми предвещалось, как будут разрушаемы целые города, как иссохнет земля, как будут вымирать

целые народы, а другие возвратятся к обожествлению сил природы. Вспоминавший эти пророчества о конце Кали-Юги — темного века — собеседник сказал:

“А разве сейчас мы не должны сознаться, что подобные знаки, еще недавно считавшиеся фантастикой, предстают нашему взору. Разве не вымирают целые народы. Разве число смертей не начинает превышать число рождений, с чем уже борются многие правительства. Разве не возвращаются некоторые народы к обожествлению сил природы. Разве не проявились именно сейчас такие небывалые засухи, сопряженные со всевозможными опустошениями. В журналах мы видели изображение страшных, разрушительных бурь, песчаных заносов и истребляющих смерчей. Ведь недаром более дальнзоркие правительства уже бьют тревогу, пытаются предотвратить страшные, грядущие несчастья. Леса уходят, умирают реки. Травы поглощаются песками. Ужасная картина мертвенной пустыни начинает угрожать. Много где в самомнительном безумии еще не обращают внимания на эту злосчастную очевидность. Но более дальнзоркие уже спешно думают о мерах предотвращения, или хотя бы уменьшения несчастий. Вот и скажите после этой очевидности, что предусмотренное когда-то было неверно”.

Третий собеседник напомнил и о библейских пророчествах: “Когда гремели устрашающие голоса Амоса и Иезекииля, Исаии и других провидцев, то, наверное, их современники смеялись и поносили их. Можно представить, в каких гнусных, издевательских ругательствах были оскорбляемы те, слова которых затем исторически были подтверждены. Ведь и теперь мы

знаем не мало предвидений, которые в своем чувстве знания предвосхищают грядущее. Конечно, безумцы и невежды и сейчас не обращают внимания на все, что выше их понимания, на все, что угрожает их торгашеской выгоде. Но ведь более широкомыслящие, истинные ученые, они уже дошли и до передачи мыслей на расстоянии, они уже благодетельствовали человечество многими прекрасными открытиями. А ведь как глумились невежды над этими сейчас общепринятыми изобретениями! Ведь Эдисон назывался шарлатаном, отвергалась возможность и польза работы пара, глумились над железными дорогами. И не перечсть, над чем только не издевались невежды. По истории можно проследить, насколько эти издевательства являлись не только непременно терновым венцом, но и как бы аттестатом истинного преуспевания”.

Собеседники припомнили различные, очень точные определения пророчеств Амоса, еще и еще привели друг другу на память определительные выражения из Пуран и других исторических хроник. В это время четвертый собеседник, сперва сидевший молча, воскликнул: “А вы все каркаете со своими истлевшими предсказаниями. Мое-то предсказание вернее. Говорил вчера, что сегодня биржа поднимается. Так оно и вышло. Когда еще и как исполнятся все ваши предвидения, а мое уже в кармане. Велика важность, какая-то Кветта разрушилась. Может быть, это послужит повышению моих цементных шер. А разве засуха, о которой вы так вопите, не может быть полезна? Чем больше пустынь, тем лучше. Человечество сбежится в города. Мы будем питать его патентованными средствами. Мои паи кинематографического предприятия

подымутся. А то, скажите, какие благодетели нашлись! Чего доброго, еще вздумаете оживлять пустыни. Разгоните наших урбанистов. Но вы и сейчас пробавляетесь какой-то минеральной водой, а где же сода-виски, и курева-то нет у вас! Вот несчастные люди, право, и сидеть с вами скучно. Такой простой вещи, что чем больше пустынь, тем выгоднее, — вы не понимаете и уже машете руками. Чем больше обезумим человечество в городах, и этой пользы вы не понимаете? Если даже все ваши предсказания исполнятся, то ведь когда это еще будет! Мне лет не так много, но все же старушки земли и на мой век хватит. А ведь не кто-нибудь, а сам король сказал — “после нас хоть потоп”. И о ком вы только заботитесь? О каких-таких будущих? Да, может быть, они будут сплошные мерзавцы! И какое вам дело, что кто-то, где-то начнет пню кланяться? Мы же ему этих пней и наделаем — десять тысяч штук из бронзы, а ежели человечество обопьется или прокурится, то какие подъемы произойдут из этого! Не о ваших подъемах, а о моих, о настоящих я говорю. Несчастные вы люди! Вот у вас стоит виетрола, а завести ее нельзя. Ведь такая тягучка у вас в запасе, что никакое человеческое ухо ее не выдержит. Считаете себя современными людьми, а ни джазом, ни танго, ни фокстротом, ни кариокой, словом, ничем настоящим не запаслись. С вами сидеть — целый вечер пропадет”.

Пришел ли пятый собеседник к этой беседе? Рассказал ли еще, почему засухи или наркотики могут быть полезны, не знаю. Но четвертый скоро убрался, очевидно, боясь, чтобы не упустить время в своих сговорах на завтра. Уходя, он даже рассердился, видя,

что трое собеседников не только не возмутились его словами, но даже сделали друг другу какие-то знаки, как бы доказывая, вот вам свидетельство живое. То есть живое не в смысле жизненности, а в смысле ходячей современности.

Разве не бросается в глаза, что вопрос засух за последние годы стал таким неотложным? Начали даже припоминать всякие исторические данные о давно бывших оросительных системах. Совершенно разумно начали включать в естественнонаучные экспедиции археологов, которые изучением старинных данных помогают вновь открытиям. Ведь среди открытий вообще есть много таких, которые, по справедливости, должны быть названы вновь открытиями, ибо уже давно это было известно и в небрежности позабыто. Недавнее газетное сообщение о золотом руне Колхиды или о Соломоновых копиях говорит о том же.

Велика засуха почвенная. Но еще более велика засуха духовная. Будем думать, что в заботах оросительных будут приняты во внимание не только орошения почвы, но и вдохновения духа человеческого. Ведь без этих духовных орошений не состоится ни лесонасаждение, ни травосеяние, ни открытие подлинных источников. Все эти самонужнейшие обстоятельства состоятся лишь тогда, когда люди их действительно осознают, а главное — любят. В любви преобразится и качество труда.

В любви процветут пустыни.

*10 июля 1935 г.
Наран Обо.*

ПИСЬМО

В письме вашем вы сообщаете о новых культурных начинаниях. Радостно слышать, что и в наши отемненные, напряженные дни возможны новые труды на поле просвещения. Напряженность текущих дней понуждает особенно четко различать людей по их внутреннему сознанию.

Действительно, примечательно, когда видевшие и прикоснувшиеся разбегались и отрекались, а уже наполненные сосуды от одной молнии делались мощными вестниками. Еще раз можно видеть, как заблаговременно наполняются такие сосуды. Насильно их наполнить нельзя. От насилия они начнут раздраженно расплескиваться, а в такие минуты всегда возможно и одержание. Думаю, в свое время вас никто не принуждал искать знание. Несмотря на всякие житейские трудности, вы неукоснительно устремлялись ко всему Светлому и бережно доносили засвеченные лампы.

Внимательность и бережность только отчасти могут быть воспитываемы. И то и другое должно быть образовано многими накоплениями. Разве не поразительно видеть иногда даже в людях, выросших в очень тяжелых условиях, необыкновенную внимательность и устремленность.

Всем нам приходилось встречать малышей, которые полные внутреннего горения горячо устремлялись к новому человеку, чтобы еще что-то узнать. Внутри их были уже такие накопления, которые лишь искали оформления. Каждая открытая струя благая непосредственно устремлялась в чашу накоплений. Как быстро преуспевали такие малыши! Преуспевали не

только в механических познаниях, но в осознании всего окружающего.

Несломимые борцы образовывались из них на жизненном поле Курукшетра. Ничего в них не было ни грубого, ни небрежного, наоборот, они всегда были готовы к новым восприятиям, были всегда и бодры, и дозорно бодрствовали во всем сиянии духа. Ведь не отвлеченность это. Каждый из нас в своей жизни видел такие примеры и удивлялся, как, каким образом даже в удаленном захолустье могли складываться светочи просвещения? Ведь часто в огромных центрах при всех пособиях, при возможности поучительных встреч многие оставались просто вульгарными обывателями.

Действительно, не от насилия, но от внутреннего горения складывается преуспевание. Нужно давать возможность, нужно открыть окна и на стук отпереть запоры дверей, но именно на стук, на зов. “Стучитесь и откроется вам”. В этом кратчайшем слове рассказан великий принцип живой этики. Никакая омертвлённость не коснется живого, возвышенного искания.

Очень часто приходится слышать, что кем-то овладел мрак. Эти соображения уже становятся каким-то общим местом. Все равно, как если бы услышать, что кто-то опять поскользнулся на той же самой ступеньке и наставил себе еще один рог на лбу. Конечно, каждый спросит, неужели он так беспамятен, и зачем же именно на этой ступеньке он опять был так неосмотрителен? Зачем же ему точно бы нравилось самому себе наставлять рога? И зачем вообще преувеличивать преуспевания сил темных? Если будем допускать их

особое преуспеяние мысленно, то ведь тем самым мы будем им давать новую силу.

Сами знаем, что темные очень организованны и изысканны. Тем не менее — не будем преувеличивать их вездесущие. Темные, несмотря на все свои мрачные попытки, прежде всего будут ограниченными. О том их свойстве нужно помнить, ибо в нем их конечное поражение. Они сами знают о своей ограниченности и очень опасаются, когда такое их неизбежное свойство замечено.

Если кто-то будет настаивать на одолении силами темными, то ему нужно предложить, прежде всего, осмотреть, каков таков сам одолеваемый? Не сам ли он какою-то раздражительностью или грубостью, или сомнением, иначе говоря тоже ограниченностью, вырастил чертополох, в котором укрываются всякие черти? У вас большой запас духовной силы. Сами знаете, как накаплился этот запас, как обширно — и разностепенно, и мужественно вы искали эти достижения.

Конечно, вы согласны со мною, что вредно приукрашать свойства сил темных, хотя бы мысленным допущением возможности их воздействия. Потому поставим себе за правило беседовать о силах Светлых, пренебрегая всякими темными ухищрениями. Невольно мы будем знать и о них и даже будем чувствовать их толчки. Но бросаемые ими осколки будут переплавляться в горниле добра.

Рассеивать тьму невежества нужно. Выметать каждый сор необходимо. Нужно водворять чистоту ежедневно — это простое правило гигиены. Но ведь выметающий сор и

не много думает о нем, просто он убирает вредных зародышей. Мне лишь хотелось бы подчеркнуть, что некоторые, усиливая какие-то воздействия сил темных, как бы стараются оправдать или себя, или своих близких, подпавших под крыло тьмы. Но оправдания тут не может быть никакого. Можно сожалеть, можно ожидать час, когда одолеваемый вдруг, при свете солнца или при блеске молнии, озарится сознанием, что союз с тьмою прежде всего губителен.

Как только такое озарение стукнет по темени, одолеваемый затрепещет и бросится открыть окна и стучаться, всеми силами достучиваться к знанию. Там, где он только что недавно был груб и нем для всего возвышенного, там сердце его, в новом трепете, заставит прислушиваться к мыслям и к словам блага и восхождения.

Главное же — воздерживаться от всяких предрассудков. Ведь это они своею мертвенностью влагают в мозг предрешенные, несправедливые, ограниченные соображения. Если бы написать историю каждого предрассудка, то праотцем его оказался бы очень слабый, колеблющийся и неистовый в раздражениях человек. Предрассудок как таковой, уже есть нечто несправедливое. Ведь это не предвидение, но именно предрассудок. Нечто придуманное, и придуманное лишь для какого-то умаления или искажения, на основе и по причине самости.

Каждый стремящийся к искажению уже будет человеком неверным. А ведь так нужна верность, так нужна вера, как претворение и приближение великой реальности. Каждая верность всегда была истинным

украшением. Всеми лучшими поэтическими символами прославлена верность, благая верность, самоотверженная верность — героизм.

Письма проходят через всякие неверные руки. Но пускай и они лишний раз прочтут о верности, о добре и о силах Света. В одном из недавних писем от очень славного человека именно была высказана эта мысль. Пусть вскрываются письма. Пусть еще кто-то прочтет слова о добре и о строении. Может быть, если он чрезмерно погрузился во тьму, они вызовут в нем лишь яростную гримасу ужаса, но может быть, сердце его еще не совсем окаменело и оно вздохнет о Знании, о Строении, о Прекрасном.

*12 июля 1935 г.
Наран Обо.*

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Очень рад слышать, как Вы сердечно отозвались на мои соображения об истинной летописи русского искусства. Как-то Вы говорили мне, что в некоторых моих статьях Вы как бы читаете свои собственные мысли. То же самое я могу сказать и о некоторых Ваших очерках, которые не только мне близки в духе, но и в образной форме изложения. Не могу не выписать из Вашего последнего письма мысли, которые мне так близки.

“Как-то на днях ехал я на авто по Мостовой к Китайской. Смотрю, идет одна пара, муж и жена. Я посмотрел на них и вылез на углу Китайской, обогнал их. И когда я вылез, то подумал:

“Вот теперь я знаю будущее: сейчас выйдет из толпы неизвестных мне людей эта самая пара”. И, действительно, эта пара вышла. Значит, та идея, которую я имел на углу Китайской и Мостовой, что я их увижу, — реализовалась. Пустой случай, но ясно мне показал, что идея, т. е. по-гречески образ, есть то, что будет. С этой точки зрения чрезвычайно глубокомысленны писания Блока — он видел то, что будет.

Это правда, но обычной публике очень трудно это уловить, как было трудно Лейбницу опознать, что в теле, кроме протяженности, есть еще сила. Ведь если бы сущностью тела была только протяженность, то каждый бумажный мешок был бы камнем. А камень ведь что-то отличное от мешка. И тем не менее Декарт и прочие учили, что сущность тела — протяжение; как трудно было им оторваться от привычной схемы. И так везде — мысль очень трудна.

Зато художники, мыслящие в образах, знают эту идею отлично; образ — вообще начало знания, и поэтому можно историю культуры России изложить в великолепных образах, в которых она, в сущности, и проходила в истории искусства.

Вот примерно те мысли, которые меня сжигают очень давно и о которых я вспомнил, прочтя Ваше письмо от 6 июня. Жизнь идет, воплощая идеи, а идеи ведут ее. Возможно, что Идея Идей, по-платоновски, и есть добро, которое воплощается в жизни. Но в русском так называемом интеллигентном сознании, которое лежит в области мышления дискурсивного, разорванного, атомизирующего, образ считается чем-то чуждым. Вот почему русская интеллигенция дореволюционного типа

оторвана от народа, мыслящего образами. И народные образы — художество, музыка, литература — великолепны.

Вот почему “Летопись русского искусства” надо сотворить так, чтобы она была в одно и то же время летописью русской истории, — истории как прошлой, так и будущей. Запад утонул в своих каменных домах, в римском праве и прочем. Лишь в России звучат небывалые просторы в пространстве и во времени.

В чем мы, русские, нуждаемся? В осознании, в осознании того, что уже налично, что живет в нашей душе. А то мы “и у хлеба, да без хлеба”.

Именно нужно мыслить об обновлении. Где бы ни находиться, но всюду следует объединяться в мыслях о поновлении, о лучшем. Такие мысли, единовременные в разных частях света, создают мощную атмосферу. Лишь бы только не было мыслей взаимопоедающих. Но там, где сердце действительно устремлено к благу, устремлению, там не может быть гнусного взаимопоедания.

Обновление есть естественная эволюция. Или произойдет загнивание, или расцветает возрождение. Если мы знаем, то не может быть стояния на одном месте, то каждая мысль об обновлении уже будет строительным камнем будущего. Конечно, летопись искусства, летопись творчества будет летописью культуры. Иначе и быть не может, ибо творчество является выражением смысла жизни.

В возродительных мыслях не будем обременять друг друга какою-либо настойчивостью и преднамеренностью. Мыслящий о естественном обновлении знает все

условия, могущие привести к такому возрождению. Естественные условия блага, в сущности своей, единообразны. Потому не может быть нелепых, неосновательных, беспричинных расхождений там, где говорится об единой основе.

Могут чуждаться друг друга те, которым не ясна единая, вседвигающая основа совершенствования. Люди, не чувствующие этой основы, никогда не поймут, что летопись творчества, иначе говоря летопись культуры, должна быть помышляема во все времена. Нельзя думать, что такие летописи будут слагаться лишь в полном благополучии, тем более, что и само понятие “благополучие” очень условно.

Отображение культуры есть отложение в сокровищницу, есть священное свидетельство об истинных достижениях человечества. Потому-то эти мысли должны быть ценимы всегда, во всех положениях. Тогда же, когда они появляются среди особо трудных условий, тогда они особенно ценны. Впрочем, кто знает, почему каждому вверен дозор на том или ином месте. По человечеству можем предполагать, что было бы лучше не здесь, а там. А может быть, именно стража доверена здесь. Потому в полной готовности примем этот дозор, в сердце своем направляясь к желанным обновлениям.

Не будем думать, что положенное на сердце уже будет далеко от выполнения. Если не спятимся. Если проявим во всем мужество. Если, несмотря на всевозможных иуд и пилатов, добро и польза будут непререкаемы, то произрастет в жизни и все в сердце сокровенное. Ведь если мы мыслим о творчестве, значит, уже мы прилагаем мысль к самому жизненному. А такое жизнедарственное

двинет и пути осуществления. Из того, что, может быть, сию минуту мы не знаем, где и как вырастет летопись русской культуры, это не значит, что мы не должны сосредоточиваться на этой мысли. Наоборот, мы должны и в себе, и в содружествах, и в сотрудничествах, и во всем мире находить к тому пути наилучшие.

И в пустынных просторах, и в пустынной тесноте города, и в песчаной буре, и в наводнении, и в грозе, и молнии будем держать на сердце мысль, подлежащую осуществлению, — о летописи русского искусства, о летописи русской культуры, в образах всенародных, прекрасных и достоверных.

*14 июля 1935 г.
Наран Обо.*

ПЕЧАТИ

Много говорят о древних китайских печатях, найденных в Ирландии. Древность печатей этих относится за несколько веков до нашей эры, а некоторые думают — даже за несколько тысячелетий. На основании этих печатей обсуждается вопрос о стародавних сношениях Ирландии с Китаем. Другие замечают, что передаточным пунктом мог быть Египет или Крит, имевшие давнишнее сношение как с Дальним Востоком, так и с Британскими островами, служившими источником некоторых металлов.

Конечно, все такие вопросы требуют многих подтверждений и дополнительных фактов, но так или иначе нахождение древних китайских печатей в Ирландии опять напоминает о распространенности

дальних сношений уже в самые далекие времена. Давно нам приходилось находить в курганах каменного века Средней России янтарь из Кенигсберга. Уже до познания металлов, во времена неолита, таким путем доказывались сношения на довольно далеких пространствах.

Все археологические находки, единообразие многих находимых типов, наконец, детали орнамента, ритуалов и прочих бытовых подробностей показывают не только общность общечеловеческих чувствований, но и несомненные далекие сношения. Общность алфавита, недавно найденного в индусской Харапе, с начертаниями на островах Пасхи тоже подсказывает о значительных международных сношениях за много веков до нашей эры.

Без труда можно усматривать, как целые вековые периоды подтверждают развитие международных сношений, а затем как бы наступает странная племенная забывчивость, боязливая неподвижность, и память о бывших сношениях стирается. Память народов сама по себе представляет необыкновенно любопытное явление. Современному человеку иногда может показаться совершенно недопустимым, каким образом целые народы могут забывать о чем-то уже вполне известном? А между тем факты и намеки старых хроник именно указывают на возможность такой странной забывчивости.

Многие совершенно утраченные технические способы Египта, существование пороха в Китае, подробности разнообразных, утраченных техник Вавилонии, некоторые предметы культуры Майя — все это напоминает о том, как целые, очень существенные открытия потом непонятно для нас забывались. При этом такая забывчивость не всегда совпадает с эпохами

расцвета или упадка. Точно бы какие-то другие психические или даже физиологические факты изменяли русло течения народной мысли.

Среди всяких недоумений и предположений вопрос о древнейших международных сношениях является всегда очень сложным, но и особенно интересным с мировой точки зрения. Нахождение предметов определенной древности в дальних странах является вещественным признаком каких-то сношений, тем более, когда предметы находятся в старинных, нажитых слоях, действительно принадлежа когда-то протекавшей жизни. Нечто весьма вдохновляющее заключается в этих вещественных знаках, которые оказываются действительно печатями народных сношений.

Еще теперь в некоторых странах косность и неподвижность бываю́т проявлены так ярко, что обыватели неких городов гордятся тем, что им не пришлось выехать за пределы родного города или даже удалось сохраниться от перехода реки, прорезающей город. Всякие чудачки бываю́т. Но среди страннейших чудачеств такой предрассудок неподвижности всегда останется одним из самых потрясающих. А какое множество людей существует, никогда не заглянувших за пределы своей страны! Только за последние годы путешествия опять как бы входят в программу самообразования. А между тем из далекой древности доносятся к нам голоса, взывающие о пользе путешествий и международных знаний.

Пресловутый, присноупоминаемый Марко Поло должен быть рассматриваем как имя собирательное. Нередко под упоминанием его имени предполагаются

множайшие путешественники, носители международных сношений. Имя Марко Поло накрепко попало в историю, но, конечно, множайшие имена, проторившие древнейшие пути, остаются неизвестными. Не в том дело. Ведь всякое историческое имя становится не столько именем, сколько понятием. Так же точно, как на древнейших находимых предметах, мы видим уже неудобопонимаемые клейма, которые служат для нас условными признаками, а когда-то они были персональным достоянием каких-то фирм, каких-то торговых компаний или определенных личностей.

Каждое напоминание о международных сношениях является как бы новою печатью под мировым человеческим договором. Не так давно в Лондоне некий испанец Мадариага произносил довольно напыщенную речь о цене мира. Вещественными признаками мира являются не напыщенные отвлеченности, а прежде всего — вещественные печати мирных сношений.

Действительно, люди думают о мире. Одни своекорыстно, другие — самоотверженно. Во всех случаях требуется какой-то знак, печать вещественная о том, что вне человеческой ярости и ненависти возможны были мирные сношения в разных областях деловитости.

Цена мира определяется живым человеческим достоинством. Она определяется добротворящим сердцем, широко вмещающим и благородным. Не отрицаниями культурных сокровищ, но признанием добротворчества определяется и устанавливается цена мира.

Археология как наука, основанная на вещественных памятниках, сейчас является пособником в очень многих

научных и общественных соображениях. Также и в вопросе о цене мира археология может принести много ценнейших признаков. Из давно забытых развалин, из заброшенных погребений, останков дворцов и твердынь могут быть принесены вещественные доказательства мирных международных сношений. В полуистертых надписях, в старинном иероглифе донесется сказание о том, как проникал на утлых ладьях и на истомленных конях человек в дальние страны не только в завоевательской ярости, но и в добром желании мирного обмена. Под этими сказаниями будут как бы приложены тоже вещественные печати, скреплявшие мирные человеческие договоры.

В добротворчестве всегда можно договориться, лишь в припадке злобы или темного человеконенавистничества невозможны мирные преуспевания. И давно уже сказано на разных языках: “Поднявший меч от меча да погибнет”, — и погибнет в предсужденный час, который для него самого, может быть, будет очень неожиданным. Так же и в каждом споре, и в каждом раздоре.

Печати не скрепляли раздорных договоров. Печати прикладывались к документу каких-то сношений, каких-то деловых установлений. А в каждой истинной деловитости уже будет и мирный элемент. Победа добром будет самой блестящей и поразительной победой. Змеиным жалом можно убить, но не победить, ведь победить будет значить и убедить. В таких ценах мира бережно отнесемся ко всем вещественным знакам. Казалось бы чрезмерным связывать острова Пасхи с Харапой Индии, или теперь — Ирландию с Китаем. Но что же теперь невозможно? Печать или иероглиф

начертания вполне вещественны. “Мир на земле и в человецех благоволение” тоже вполне вещественны, ибо благоволение зарождается в сердце. А что же более вещественно, как не сердце человеческое во всем его вдохновенном биении.

Человек должен радоваться каждой печати мирных сношений. Каждый признак далеких международных соглашений является залогом возможности и грядущих договоров, сердечных и непререкаемых. Когда-то грубые воители поедали сердца побежденных, а теперь люди при каждом мирном сношении пусть помнят о живом сердце. Печати древности — для будущего.

*18 июля 1935 г.
Тимур Хада.*

ЕСТЕСТВО

В старинном соборе Орвието на фресках Орканьи имеются торжественные, радостные возношения праведных в райские кущи. Под ними, внизу, демоны тащат за волосы грешников на адские терзания. Ангелы не влекут в рай насильно, за волосы. Насильно увлекают за волосы в ад. Старинная пословица о том, что “за волосы в рай не тащат”, имеет глубокое и всегда памятное значение. Поистине, насильно в рай не притащить.

Естеству противно все неестественное. Также во степенях восхождения. Уместиться в них могут те, кто так или иначе в сознании своем уже воспринял это размещение. Если кто почему-то не может дышать горным воздухом, то насильно вы не можете заставить

его пойти против естества своего. Мешок кислорода поможет лишь на короткое время. Впрочем, он не столько поможет, сколько даст иллюзию помощи. Как только искусственный кислород кончится, так нехватка его почувствуется удесятенно сильнее.

Если у кого-то от высот разрываются сосуды, то, значит, он на этих возвышенностях и не мог бы существовать. Естество его оказалось неприспособленным. Может быть, посредством длительных, постепенных, вполне осознанных упражнений кровообращение и приспособилось бы к новому бытию. Но насильно, скоропостижно нельзя отягощать естество, не приспособленное многими и длительными опытами.

Всякие искусственные, вернее сказать, насильственные меры обычно производят лишь грубую реакцию, разрушительное восстание, которое ни к чему доброму не приводит. Естественность будет в настоящей соизмеримости и планомерности. Восстания бывают тоже в разной степени сознательности. Конечно, можно наблюдать восстания вполне сознательные, как планомерное выражение для обдуманной цели. Но чаще всего это может быть названо просто бунтом грубой материи, вообще противоречащей возможности естественных улучшений. Восставший часто не даст никакого определенного ответа, почему, а главное — для чего он поднялся и старается сокрушить нечто, ему самому малоопределенное. Он просто пытается нарушить нечто, будто ему препятствующее. Но по неопытности, или, проще говоря, по невежеству, он, желая разбить что-

то, прежде всего наносит себе страшные, а иногда и смертельные удары.

Очень слабо будет оправдание в том, что или какие-то внешние условия, или какая-то наследственность мешают естеству восходить естественно, планомерно. Самооправдываться — это уже, значит, самообвинять. Недаром тоже вошло в пословицу: “Кто оправдывается, тот самообвиняется”. Есть и другая пословица, почему-то приуроченная Юпитеру: “Юпитер, ты сердишься, — значит, ты не прав”. Конечно, под этой “сердитостью” нужно понимать не справедливую суровость, а дребезжащую и сквернословную надутость.

Когда советуется хранить заботливо данное естество, это не значит избегать всякой опасности, всякой возможности подвига. Хранение естества вовсе не есть препятствие к самоотвержению и героическому действию. Под хранением естества следует понимать открытие всех возможностей для совершенствования, для улучшения. Именно в этом порядке естество и будет направлено естественно. Можно всеми тончайшими способами напоминать об этом естественном пути. Но неразумно, хотя бы отчасти насильствовать, если какие-то вещества, противные для восхождений, еще не изжиты.

Мудрый наставник никогда не будет заставлять читать какие-либо определенные книги. Он предоставит возможность ознакомиться с полезными источниками, но принуждать, хотя бы косвенно, он не станет. Да и какой будет толк, если прочтенное воспримется под знаком недоброжелательства или недоверия? Отзывы о книгах являются тому доказательством. Сразу вы почувствуете, который отзыв дан непредубежденно, в прямом желании

осветить данный труд, и когда к отзыву приступлено уже в темном предрассудке, сказать не о том, что написано, но именно о том, что не написано. Предрассудок является противником и губителем естества. Если почему-то сердце, это хранилище естества, окажется закрытым или залитым гноем, то никакое естественное, справедливое суждение и не может возникнуть. Тьма подскажет множество сомнений, недоумений, которые даже для ребяческого ума могли бы быть разрешимы. Но тьма наложит крепкий затвор свой.

Конечно, всякие наркотики, от самых смертоубийственных до общепринятых, являются нарушением и извращением естества. Доза таких наркотиков, конечно, совершенно различна. Вы можете часто слышать соображение о том, что на соседа даже большее количество наркотиков не оказало видимого влияния. Во-первых, что есть видимое, для какого глаза видимое? А во-вторых, мы не знаем, насколько забронирован был этот сосед какими-то своими, другими накоплениями. Употребление наркотиков вообще доказывает ослабление воли, иначе говоря, неестественное состояние естества.

Естество отпускается очень планомерно и справедливо. Сами люди стараются исковеркать и умалить его. Хранение естества вовсе не есть ни магия, ни что-то сверхъестественное. Наоборот, это состояние и будет самым естественным. В нем-то и будет естественным порядком укрепляться воля, будет развиваться психическая энергия и будет она самоприменяться естественно. Зачем обращаться к каким-то неестественным заклятиям там, где возможно

самое естественное и плодородное устроение совершенствования. Прежде всего, добротворчество, во всех его применениях, будет тоже естественным выражением жизни. Всякое освобождение от грубости и предубежденности будет тоже ближайшим подспорьем в хранении естества.

Естество не должно быть понимаемо как естество только материальное. Так как материя есть лишь одно из состояний духа, то и естество является определением всех естественных состояний. Сердце работает естественно тогда, когда мы его не замечаем. Все прочие органы, производя сложнейшую химическую работу, производят и совершают ее незаметно. Также и естественное состояние естества будет благонезаметно. Как высшее напряжение электричества, оно будет благотворно распространяться, но обычный глаз и обычное ухо не познают его. Тем самым видно, что всякое насилие, всякое выведение из естественности состояния — неприложимо.

Часто требуется значительное время и устремление к непосредственному улучшению. Часто могут произойти вспышки когда-то накопленные, но позабытые в тайниках вещества, много дается возможностей... лишь бы они воспринимались. Часто само напряжение труда или жизненные препятствия выводят сознание на естественный путь. Недаром часто указывается на полезность трудового пота. А ведь и пот может быть понимаем различно: и грубо, и духовно.

Двери и окна должны быть доброжелательно открыты. Пути не должны быть заграждены ядовитыми газами. С неба не должны падать смертоубийственные снаряды. Но

пушечными залпами нельзя вернуть естество доброе. О естестве добром, к добру назначенном, радостно думать. Можно встретиться в доброй беседе обо всем, что ведет к добротворчеству. Не будем пугаться нагромождения и повторения определительных о добре. Добро нужно. Добро неотложно. Добром держится твердь.

5 августа 1935 г.

Тимур Хада.

ИСПЫТАНИЯ

Спрашиваете, как примириться с сознанием о постоянности, о бесконечности испытаний? Где найти ту бодрость духа, которая позволила бы принять во всей планомерности и повседневности такое сознание?

Между тем сама очевидность и действительность, даже во всех будничных проявлениях, говорит о неизбежности испытаний. Даже любой неодушевленный предмет находится всегда на испытании. При доме всегда состоит наблюдающий архитектор или инженер. Каждый корабль перед новым рейсом должен быть просмотрен обстоятельно. Каждая машина, пускаемая в действие, конечно, обследуется, чтобы избежать опасности от небрежности.

Такие повседневные примеры вполне подтверждают, что и духовное состояние человека не может не быть на постоянном испытании. Физическое состояние испытывается врачом. Семьи имеют своих домашних врачей. Такие врачи разъясняют, что состояние организма должно быть испытуемо не только во время уже проявленной тяжелой болезни, но и во время

предполагаемого здоровья. Врачу важно установить предварительные признаки болезни. Врачу важно пресечь возможность болезни или инфекции. Всякие профилактические меры принимаются для избавления от возможности заражений.

“Как на небе, так и на земле”. Как в теле, так и в духе. Полнейшая аналогия зараз, воздействий. Так же точно, как истощенное тело особенно легко подвергается заразе, совершенно так же пошатнувшийся дух немедленно подвергается опаснейшему нападению. Тело еще может случайно избежать заражения. Но воздействие на дух в незримых и неисповедимых мерах гораздо сложнее.

Каждая грубая, кровавая пища уже облегчает возможность невидимых приближений. Каждое грубое, неистовое слово уже является вратами для темного доступа. Каждое ярое предательство уже есть приглашение наитемнейших сущностей. Если провода добра неизмеримы, то и провода темные, хотя бы и в ограниченности своей, все же очень значительны и протягновенны. Ведь не голосом призываем на дальних расстояниях. Волны радио в условном иероглифе создают мосты и притяжения. Так же точно в духовной области — незримое радио зовет и притягивает, и несет свои приказы.

Некто, погруженный во зло, судорожно передернется от благостных остережений, но если он предоставит в себе концессии злу, то, кривляясь и содрогаясь, он все-таки предоставит поле действия темным концессионерам. Мысленные, волевые действия совершаются ежеминутно. Не бывает таких часов, в которые человек бездействует. Ошибочно некоторые полагают, что если

они молчат или сидят и недвижны, или даже внешне бормочут неосознанные формулы — то значит, ничего не совершают. В их духовном мире постоянно происходят всевозможные значительные действия. Игла чувствительного аппарата показала бы постоянное трепетание духа. Всегда можно бы увидеть, как он, по существу своему, порывается кверху, но тяжкие, темные гири и всякие когти одерживают и тянут его книзу, во тьму.

Среди самых повседневных действий, среди самых мелких, рутинных забот происходит та же несменная работа духа. Если действия духа постоянны, если дух вибрирует и трепещет даже на мельчайшие, по человеческому соображению, обстоятельства, то, естественно, и испытываемость духа будет постоянной. Когда сказано: “Все миры на испытании”, то, конечно, и все части миров, до самых мельчайших, будут в той же степени испытываемости.

Никакого несчастья, никакой тяготы нет и не может быть в сознании постоянной испытываемости. Вот говорят, что 26-го минувшего мая наша планета подвергалась большой опасности, которая для огромной части планетного населения осталась и неосознанной, и вполне неизвестной. В секундной разнице Земля избежала удара мощного метеора. Вообще, может ли быть такое мгновение, когда существо не подвергается какой-либо опасности? Тем не менее, люди действуют, работают, горюют и веселятся. В июльском номере “Двадцатого века” наш друг Джагадисварананда дает прекрасный, хотя и справедливо суровый, очерк современной жизни. Автор указывает, что жизнь современная, в огромном

большинстве случаев, сводится к исканию удовольствий, свойство которых постепенно понижается. Как мы неоднократно отмечали, люди перестают сознательно мыслить и стремятся к тем или иным наркотикам, лишь бы оторваться от мышления об основах жизни.

Там, где жажда наслаждений и золота, там естественны и особые испытания. Если даже такие, казалось бы, грубые принципы, как наслаждение и золото, так легко овладевают человеческим сознанием, там так же напряженно протекут и испытательные меры. Там, где грубость и сквернословие так обуревают человека, там особенно задрожит игла аппарата, показывающего борьбу духа. Многие люди не любят даже допустить мысли о том, что они находятся на испытании. Немедленно они выскажут соображения о каком-то недопустимом тиранстве. Но ведь испытание-то не что иное, как приложение их собственного духа к мере Истины.

Если дух сам отметит одну из низших ступеней, то ведь это не будет посторонним вторжением или насилием. Совершенно точно и добровольно дух отметит ту меру, которой он в данный момент отвечает. Не раз сказано, что каждый сам себе судья. Много раз повторено о том, какими путями человек слагает судьбу свою. Повторено и об Иерархии, и о строительстве, и о соизмеримости.

На всем решительно происходят самоиспытания. Нормальный человек знает меру потребной ему пищи, но болеющий обжорством не знает этой меры и причиняет себе явный вред. Нечувствительно производит здоровый организм свою сложнейшую работу. Но как только

равновесие нарушается — люди получают чувствительные предостережения. Совершенно так же и в испытаниях духа. Каждый, кто не заслонил, не отверг возможность духовных выявлений, он почувствует и услышит звоночек своего сердца. Человек-то будет предупрежден — лишь бы он услышал и допустил в сознание такое предупреждение. Сердце-то застонет, но не всякий поймет этот спешный зов.

В тяжелой степени невежества человек даже ожесточится от этого сердечного зова. Насильственно он попытается заставить сердце свое замолчать. От такого насилия многие сердечные болезни. Не забудем, что всякими духовными насилиями люди вредят и своим близким, излучения которых уже сродственны. Если человек не имеет права вредить своей сущности, если осуждено всякое самоубийство, то так же осуждено и убийство других, наносимое злоумышленным сознанием.

Если существует так называемый смертный глаз, уже настолько обостренная воля, то сколько же неосознательных и, тем не менее, вредительствующих взглядов-стрел рассеяно в пространстве. Зная о них, конечно, не впадем в уныние; наоборот, и это сознание лишь укрепит щит и создаст новый источник мужества и бодрости. Не убоимся, но даже возлюбим испытания. Ведь ими мы крепнем. Ведь благословенны препятствия, а тем более благословенны испытания — эта закалка клинка крепчайшего.

Полюбить — уже значит ввести в сознание. Полюбить — уже означает претворить в себе понятие и приложить в жизнь. Если кто-то заметит, что некто поникает от ужаса перед испытанием, то пусть немедленно ободрит

ужаснувшегося своею радостью, укрепленную осознанием нового, испытанного щита. Сказано: “Приму в щит все стрелы, но пошлю только одну”. Все испытывается, все миры на испытании. Это не есть ужас, но всегда будет источником расширения сознания, ключом бодрости и преуспеяния.

*27 августа 1935 г.
Тимур Хада.*

ЛИКИ

Клагоискатель добывает жар-цвет, искатель проходит мимо самых ужасных ликов, которые стараются воспрепятствовать судьбе сужденной. Царевич устремляется за жар-птицею и на этом пути должен преодолеть самых отвратительных чудовищ. Все народные сказания непременно заставляют всех искателей всего чудесного и доброго пройти через самые исключительные препятствия и показать себя неустрашенными самыми свирепыми чудовищами. Подвиг всегда соединен с отрешением от страха.

Так называемые “страхования”, нередко рассказанные в житиях отшельников, относятся к необходимому сопутствованию испытаний страхом на пути доброго подвига. Иногда противопоставляются и другие всякие испытания и искушения, но испытания страхованиями особенно подчеркиваются в жизнеописаниях.

Спрашивается, зачем же непременно нужно прохождение мимо самых чудовищных ликов, к чему именно эти страшные испытания? Но ведь ответ будет чрезвычайно прост. Отвратительные лики существуют, а

все существующее нужно знать. Потому, чем поразительнее будет выявление всяких ликов, тем больший и скорейший опыт создастся для будущих духовных битв. Вы ведь знаете, что познание необходимо, что совершенствование происходит лишь в условиях постоянного познания, а ведь разносторонние лики жизни будут одним из самых глубоких психологических накоплений.

Вы также знаете, что лики тьмы полны притворства и лукавства. Они ухищряются во всяких укрывательствах своего истинного назначения. Потому-то так нужны великие удары творящего резца, чтобы воочию показать сознанию человеческого действительное значение тех и других ликов.

Хуже всего заблуждение. Потому-то, в должный час, всегда произойдет показание настоящего лика. Сам служитель тьмы не сразу догадается, что он уже явлен во весь свой рост, со всеми своими наростами и безобразиями. Он-то еще долгое время, может быть, будет воображать, что его, как ему кажется, хитрейшие лазейки не обнаружатся. А между тем все его темнейшие затеи уже будут показаны на самых поучительных примерах.

Странно видеть, как, казалось бы, даже довольно ловкие ухищрители оказываются вдруг выявленными во всех своих темных особенностях. Точно бы какая-то сила заставляет их неразумно высказать то, что у них таилось внутри, и сделать именно то, что так явно доказывает их сущность. Иногда целыми годами они укывают нечто уже преднамеренное, а затем в свой же несомненный вред, вероятно, неожиданно для самих себя проявятся.

Это называется — отбор ликов. Люди должны не ужасаться страшными личинами, показанными им, но, наоборот, со всем пониманием принять и такое знание. Нужно быть признательными, когда для спасения и успеха вовремя покажется этот поразительный отбор ликов. Каждый отбор уже есть — упорядочение. Всякий шаг к порядку уже есть жизненное преуспевание. Известно, что жители полуночных стран, надолго остающиеся в сумерках или изумляющиеся полунощному солнцу, ждут в великом нетерпении появления полного света. Пусть ночь будет еще темнее, но зато пусть сияет солнце во всей своей ободряющей жизнедеятельности.

Так же и в отборе ликов. Хуже пребывать в смятении нерешенных сущностей. Пусть покажутся самые отвратительные личины, но зато произойдет и установится ясный отбор. Лишь боязливый дух будет умолять об освобождении его от показания истинных ликов. Каждый мужественный труженик скажет: пусть не скроют от меня даже самую ужасную тьму, тем блистательнее будет сиять свет солнечный.

Неопытный деятель скажет: уберегите меня от лицезрения ликов ужасных. Пощадите мой глаз и мое ухо от угроз и рычаний тьмы. Но деятель многоопытный, наоборот, будет просить, чтобы не замедлили показанием ему истинных сущностей. Ни на мгновение не огорчится истинный работник блага, когда ему покажут истинное значение происходящего. Он преисполнится признательности за явное указание истины. Он нисколько не устрашится, если увидит огромные количества темных ликов. Ведь наряду с ними он также увидит и лики добра. Он всегда знает, что количество — ничто перед

качеством. Пусть перед глазами его пройдут целые темные рати, но он также всегда будет знать, что легионы добра еще более бесчисленны и всегда готовы к отражению тьмы.

Отбор ликов есть самое естественное, житейское явление. В конце концов, он всегда происходит, но иногда люди не дают себе отчета в показанном им зрелище. По ненужной привычке люди часто приписывают явленное им простой случайности, а между тем им показуется целая система. В одно мгновение они могут поучаться и умножить свое знание безмерно, лишь бы только они отдали себе ясный отчет. Лишь бы вполне беспристрастно судили окружающее их. Вот некто, как бы прилежавший Свету, вдруг обнаруживает явно темные наклонности. Значит, напрасно он причислялся к светлым работникам, сущность его оставалась в услужении тьмы. Добрая улыбка лишь была маскою. “Вот так маска!”, — воскликнет узревший сущность такого человека и примет к сведению это поучительное открытие.

Открытие масок происходит на основах жизненного опыта, который будет переходить как бы в ясновидение. Кто-то, может быть, изумится, по какой причине некто, прилежавший ко злу, был допускаем и терпим. Причин к этому может быть много. Могут быть и кармические основания. Может быть акт сострадания, дающий темному возможность исправления. Наконец, может быть мудрое решение именно в самый последний момент, когда сущность процвела всеми характерными ей цветениями. Потому опытный деятель не жалеет, что он

нечто узнал слишком поздно. В каких таких мерах будет это “слишком поздно”?

В земных мерах, может быть, что-то покажется запоздалым, но в безвременных надземных решениях, может быть, это произошло в ближайший, в наилучший, по Высшему решению, час. Бояться страшных ликов, это значит показать свою полную неопытность. Недаром в народной мудрости истинный искатель непременно должен пройти мимо самых страшных чудовищ. Если он пройдет этот путь бестрепетно, твердо зная свою светлую цель, то он и найдет, и сумеет принять священную чашу. Если же он задрожит сомнениями, если зашатается в озверении духа, то лишь покажет тем, что ему еще далеко до благой цели.

Бесстрашие, о котором так много говорят, должно быть не каким-то особенным, восхваляемым качеством. Бесстрашие будет самым естественным качеством нормального сердца. Всякий страх уже есть болезнь, судорога, зараза. На показанных ликах ближе всего получается испытание бесстрашия. В ватном мешке, в темноте и тепле, человек и не увидит страшных ликов, но зато он пребудет в постоянных глубинах сумерек; и на чем же будет образовываться и утверждаться его истинное знание? Герой не только не уклоняется от страшных ликов, он бодро и звонко трубит в рог, вызывая чудовищ на поединок.

Герою неведом страх. Он радостен, когда может увидеть чудовище зла и поразить его. Отбор ликов есть ускоренное образование и укрепление и расширение сознания. Не убоимся, но возрадуемся о каждом знании. Страховидны лики — но поет сердце.

*30 августа 1935 г.
Тимур Хада.*

НЕРУШИМОЕ

Нужно основание твердости для каждой постройки. Во всех степенях бытия нужно то же самое сознание нерушимости. Как в повседневности, так и в самых больших построениях нужно иметь уверенность в прочности построений. Почему же так часто происходят всякие нарушения во зло, во всей своей бессмысленности? Откуда же вторгается легче всего разъедающий хаос?

Сомнение и зависть — эти два ядовитейших змея пытаются вползти всюду, где происходит какая-либо постройка. Казалось бы, люди достаточно издревле предупреждены об этих двух чудовищах. Казалось бы, всякий знает, насколько многообразно пытаются прикрыться эти исчадия тьмы. Бесконечное число раз люди слышали о всяких масках, за которыми укрывается злая тьма, посылающая всюду своих разрушительных гонцов. Да, несчетное число раз люди слышали об ужасах сомнения и зависти.

Не только в притчах и в легендах, но на самых житейских примерах было показано людям, что нельзя продвигаться, затаив за пазухой этих смердящих ехидн. Все увещевания, все проповеди предупреждают о противостоянии вторжениям зла. Люди приносят самые торжественные клятвы в том, что они не устроятся, не отступят и не впадут в предательство. А затем, после произнесения самых величественных и торжественных слов, помянув все Лики наивысшие, наилучшие,

люди очень легко впускают в сердце свое самых злейших ехидн.

Поистине, можно изумляться, насколько несоответственны бывают торжественные клятвы и утверждения, с легкостью допущенные по самым малым поводам преступнейших мыслей. Именно удивительно, насколько самые, казалось бы, малейшие поводы вводят шатающихся в самые страшные и непоправимые последствия. Казалось бы, такая несоизмеримость уже невозможна в человеческом разуме. Самый примитивный рассудок должен бы уже воспротивиться такому предательству наибольших и наилучших мыслей и творений. Если бы графически изобразить величину и значение только что произнесенных клятв и графическую ничтожность поводов к зависти и сомнению, то, действительно, можно быть потрясенным. Такого несоответствия ум человеческий не дерзнет и представить себе.

Каким путем вчерашнее солнце может оказаться черным углем? Ведь для такой инволюции нужны какие-то сильнейшие отравления. Не может же крошечная зависть, ничтожное сомнение или раздражение вдруг преобороть все лучшие устремления в светлую беспредельность. Яд ехидн настолько распространяется, что зараженному мозгу уже не нужны никакие факты. Он слеп даже к самой яркой действительности. Ему нужно лишь ублаготворить своего вновь допущенного властелина. Ему нужно произвести какое-либо грубое, поносительное действие. Ему нужно разразиться сквернословием. Ему нужно причинить хоть какой-либо ущерб Добру и Свету.

Если даже такое омраченное сознание где-то внутри будет подсказывать, что Свет все же не нарушится, то злобное раздражение будет пытаться напрягать всю силу легких в бесплодных ухищрениях, если не задуть, то хотя бы поколебать светлое пламя. В эти мгновения темного безумия человек отступает от всякой логики. Все более или менее разумное, все примеры лучшие, все наследия самые убедительные — для одержимого лишь повод к раздражению.

Одержимый готов нанести себе самому самый тяжкий урон. Он готов подвергнуть все свое будущее величайшим опасностям, вполне заслуженным, лишь бы только произнести хулу и сквернословие. Допустив злейшее кощунство, одержимый пытается чем-то оправдать себя, точно бы разрушительное зло уже не приведено им в действие. Ведь этот же одержимый слышал так явственно о том, что зло сотворенное непременно должно быть изжито. Яд, сотворенный им, будет изживаться, даже в лучших случаях, с великими болями. Казалось бы, так легко понять о вредности зла и ближайших его приспешников — предательства, зависти и сомнения.

Спросите любого строителя, какие именно основы строительных материалов ему нужны при постройке. Даже в этих, таких чисто материальных, житейских соображениях, вы увидите, насколько строитель будет искать стойкость и ненарушимость материалов. Если на самых житейских примерах видим устремления к ненарушимости, то насколько же более эти основания необходимы в духовных построениях. Строить можно лишь из добрых, вполне противостоящих разрушению

материалов. Посмотрите на многие примеры, когда духовные сообщества нарушались из-за таких мелочей и пустяков, о которых разумным людям и помыслить-то стыдно.

Попробуйте дознаться до корня сомнения или зависти. Вы увидите такую малюсенькую причину, которую даже в микроскоп рассмотреть трудно. Если впоследствии вы показали бы самому человеку, впавшему в одержание, эту крошечную причину, то он первый же будет всячески отрицать какую-либо возможность такой несообразности.

Какими же клятвами можно достичь духовную ненарушимость? Ни клятвами, ни угрозами, ни приказами она не будет достигнута. Лишь просветлением сердца, уже в степени ненарушимости достигнется и прочное сотрудничество. Светлыми трудами создается нерушимая степень просветления сердца. Сердце воспитывается в трудах. Сердце познает, что есть настоящее сотрудничество. Когда же полная степень сотрудничества будет опознана, тогда уже не зашатается человек сомнением и не осквернится завистью.

Ненарушимое сотрудничество — какое это чудесное благо. Как широко оно заповедано человечеству. Какие прекрасные начертания даны, чтобы по ним соизмерить все величие ненарушимого сотрудничества и постыдную ничтожность злобных попыток. В самом трогательном образе люди напоминали друг другу о “Нерушимой Стене”. В огромных размерах, самыми твердыми материалами люди пытались закрепить свидетельство о стене Нерушимой. Очевидно, нужно человечеству твердить самому себе о благе светлой нерушимости. Очевидно, человечество само чувствует, насколько

бесчисленно раз оно должно повторять самому себе о действительности блага и о постыдности зла.

Но в каких, почти незримых, скверных червях ползает по миру зло? Недаром сами люди называют червем зависти, червем сомнения, червем подлости постыдное одержание, в котором попирается все лучшее и высокое. Но ведь если люди столько раз твердили друг другу о постыдности поклонения тьме и всем ее порождениям, то неужели же они будут всегда так свободно допускать в свое сердце червей мерзких.

Много говорится об эволюции. Но ведь со всякой точки зрения, от низжайшей до высочайшей, эволюция предполагает преуспевание добра. Люди знают, что препятствовать чему-то доброму уже означает сотрудничать со тьмою. Зачем об этом опять говорится! Если говорится, то значит, существуют к тому причины. Не просто повторяется о том, что все уже должны знать, но твердится это по причине являющейся. Задавите в себе червя скверного. Освободите сердце от губительной заразы. Все равно, “Свет побеждает тьму”. Все равно, Добро победоносно. В добре ведомы настоящие сроки и во благе рождается соизмеримость.

Нерушимость есть условие каждого созидания.

1 сентября 1935 г.

Тимур Хада.

ЗЛАТА ПРАГА

Нынешний год является памятным сроком многому. Переношусь за четверть века, за тридцать пять лет, и всюду встречаются жизненные вехи, полные внутреннего

значения. Тут и зачинание картин, и росписи, и сроки общественной работы. Всего много.

Среди всего этого разнообразия встают некоторые памятки особо сердечного значения. Среди них — незабываемый год начала иностранных выставок. Сейчас мы привыкли переплывать океаны, переноситься через горы и необозримые пространства, но ведь тридцать лет тому назад люди были гораздо неподвижнее. Каждое путешествие сопрягалось с какими-то особыми решениями. Где уж тут говорить о заграничных путешествиях или об экспедициях, когда и сама Россия-то была не обследована, а ездить по отечеству считалось чуть ли не каким-то дурным, квасным вкусом. Именно тогда мы спрашивали на газетных листах, отчего россияне не любят свою родину и так мало знают ее драгоценные памятники старины и природные красоты. И на такие вопросы мы получали в ответ холодные взгляды и пожимание плечей.

Когда приходилось встречаться с такими замечательными путешественниками, как Пржевальский, Потанин, Миклухо-Маклай и другими такими же, можно сказать, подвижниками познания, то на них смотрели, как на каких-то особенных людей, почти что как на фанатиков. Впрочем, тяжеловесность неотрывной оседлости свойственна была не одним нам, русским. Приходилось слышать и о французах, которые с гордостью говорили, что за всю свою жизнь они не покинули родного города.

Конечно, всюду был особый тип людей, так называемые странники. Отяжелевшие домоседы, даже и те, любили послушать сказочные хождения по святым

местам, по миру, когда каждый ночлег являлся яркой страницей бытописания. Вспомним хотя бы Афанасия Никитина Тверитянина, который из пятнадцатого века восклицает: “От всех наших печалей уйдем в Индию”. И сам он проделывает многолетний путь, о котором не говорят, так же как о Марко Поло, только потому, что и о Менделееве в свое время мало говорили. Тому есть особые причины. Вспомним тоже из далеких веков Прокопия Праведного, который с высокого берега Северной Двины благословлял неведомых плывущих. “О плавающих, путешествующих...”

При несломимой окружающей оседлости не так-то легко было тридцать лет тому назад помечтать, как бы выйти за пределы, за границы — “за морями — земли великие”. Но ко всяким таким землям далеким, ко всяким горам зовущим, к высотам вдохновляющим нужно найти какой-то ключ, нужно, чтобы вестник какой-то постучал и позвал.

Приходит письмо от Общества “Манес” из Праги с приглашением на выставку, предлагают перевезти картины, все устроить, и слышится в этом приглашении что-то такое сердечное, что открывает всеславянские, всечеловеческие сердца. Тридцать лет прошло с тех пор, но как сейчас помню всю радость, расцветшую от такого сердечного зова. Ведь это была та приоткрытая дверь, которая сразу расширяла возможности, поиски и утверждения прекрасные. Пришла эта неосознанная, но внутри долгожданная весть от людей совсем незнакомых — просто из голубого неба. Ведь тогда я совсем не знал милого Милоша Мартена. Там, где-то за горами, за

долами образовался этот новый друг и позвал на путь, жданный в глубинах сердца.

И не от случайного народа пришла весть, но от близких в духе славян. Ведь братьями их считаем, и в каждой славянской встрече сразу создаются созвучия родственной души. Поехали картины на выставку. А потом пришли радостные вести. Пришел отдельный номер журнала “Дило” с прекрасной в своей искренности статьей Мартена. Ф. Сальда в “Волне смерти” посвятил статью сильно звучащую. Губерт Цириак в “Модерни ревью” прочувствованно поэтически назвал выставку “сен минувости” — сон прошлого. В этом сне прошлого мне-то снилось вовсе не прошлое, но будущее. Потому-то Злата Прага навсегда осталась для меня воротами в будущее.

Помню, как Елена Ивановна, всегда устремленная в будущее, радовалась именно этому приглашению из Праги. В каждом обстоятельстве, помимо внешности, заключено еще зерно внутреннего смысла. Зерно Пражской выставки заключало в себе нечто необыкновенно дружеское. Конечно, Милош Мартен и Ф. Сальда, и Г. Цириак, так же как и другие высказавшиеся о выставке, были очень тонкими культурными ценителями. Но помимо этих специальных познаний в области искусства они были, прежде всего, людьми, полными того общечеловеческого чувства, которое делает возможным истинный прогресс культуры.

В ближайшие же годы обнаружился этот неудержимый прогресс Чехословакии. Сама великая война для чешского народа была лишь воротами в славное будущее. Сколько славных чешских имен утвердилось за

это время ренессанса Златой Праги. Именно Чехословакия дала незабываемый для мира пример, как маститый ученый, профессор Массарик явился истинным вождем Культуры и доказал, что действительно примат духа, примат культуры слагает народную твердыню. С тех пор каждая встреча с представителями Чехословакии наполняла нас радостью. И Ян Массарик в Лондоне, и Осуцкий в Париже, и Новак в Нью-Йорке, и многие другие деятели и ученые Чехословакии лишь подтверждали своими суждениями, что давняя радость моя о Златой Праге была не случайной.

Вспомним, как сказал чехословацкий посланник в Вашингтоне Фердинанд Веверка в 1933 году на конвенции нашего Пакта: “Главная причина, почему народы отвергают войну, лежит не только в ужасах ее, но в ее глупости, в ее бессмысленности, в ее непроизводительности в экономическом и политическом смысле. Война обернулась от выгодного в особо невыгодное предприятие. Отвергание войны как средства разрешения мировых конфликтов — эта новая гипотеза, приносящая миру понятие мира как изначального общественного состояния, заставляет нас, конечно, пересмотреть и изменить самые основы цивилизации. Мир есть состояние ума, мир есть элементарное положение вещей, не обратная сторона войны, не свободный вздох между битвами. Когда это осознание снизойдет на нас как реальность, тогда придет время, когда угнетенное и измученное человечество поймет и примет истинный мир — мир Евангельский, мир на земле и всем народам благоволение”.

Эти слова являются зовом истинного носителя знамени Культуры. Мыслить о таком всеосознанном, действенном мире может народ, который понимает всю жизненность основ труда, сокровищ творчества, которые всегда будут сокровищами истинными. Под таким уклоном взаимного доброжелательства и обоюдного понимания протекают мои сношения со Златой Прагой.

Еще одна встреча. Бурный рейс из Гавра в Нью-Йорк. Пассажиров мало на “Париже”. И вдруг мы встречаемся с друзьями, о которых столько слышали, к которым сердце наше было столько лет открыто, но встреча случилась только в Атлантическую бурю. Эта встреча напомнила мне еще одну встречу, происшедшую в Париже, в доме княгини Тенишевой; там совершенно неожиданно и просто я встретил моего незримого друга Милоша Мартена. А здесь, среди бурных волн, мы встретили его вдову, супругу генерала Клечанды, и самого генерала, едущих в Колумбию. Встретились — точно бы уже годами были лично знакомы. Зазвучало обоюдно то доверие, без которого не имеют смысла человеческие отношения. Дай Бог каждой стране таких деятелей, как генерал Клечанда. Перед исполнением тридцатилетия дружбы со Златой Прагой именно встреча с генералом Клечандой и его супругой была завершающим аккордом, который лишь подтвердил еще раз правильность радости о Златой Праге, вспыхнувшей уже в 1906 году.

Разного характера бывают воспоминания. Иногда они — лишь ожерелье фактов, коллекция наблюдателя. И такие накопления можно записать, в каких-то взаимоотношениях и они будут нужны. Но в таком собирательстве сердце может остаться вне трепета

восхищения. Только там, где обстоятельства сплетаются в сердечное восхищение, — там есть настоящий смысл записать то, что дало радость. “Будем радоваться”. Легко сказать, но не всегда легко выполнить этот призыв. Потому так особенно бережно будем ценить все, что может живоносно поддерживать радость духа. Истинна радость, когда в основе ее лежат культура, дружба и человечность. Привет Златой Праге.

1936 г.

Урусвати, Гималаи.

ОБОРОНА

Оборона Родины есть долг человека. Так же точно, как мы защищаем достоинство матери и отца, так же точно — в защиту Родины приносятся опыт и познания. Небрежение к родине было бы прежде всего некультурностью.

Культура есть истинное просветленное познание. Культура есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества. Культура есть красота во всем ее творческом величии. Культура есть точное знание вне предрассудков и суеверий. Культура есть утверждение добра — во всей его действительности. Культура есть песнь мирного труда в его бесконечном совершенствовании. Культура есть переоценка ценностей для нахождения истинных сокровищ народа. Культура утверждается в сердце народа и создает стремление к строительству. Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живет во всем мыслящем и

сознательном. Культура защищает историческое достоинство народа.

Всякое культуроборство есть невежество. Всякое против культуры сквернословие есть признак животности. Человечность и служение человечеству воздвигнутся от культуры. Нести знамя культуры — это значит охранить лучшие мировые ценности. Если мировое понятие близко душе человечества, то насколько же ближе и проникновеннее звучит слово о Родине.

Утверждение о Родине не будет отвлеченным, туманным понятием. Кто берется утверждать, тот и сознает всю ответственность подвига утверждения. Люди не могут удовлетворяться отвлеченностями. В мире все реально, и в высшей красоте реальны сияющие вершины. На земле покоится вершина. На кристалле мысли зиждется осознание Родины, в общечеловеческом ее понимании. Защита Родины есть защита и своего достоинства.

Защита Родины есть и оборона культуры. Поверх каждодневной пыли сияет понятие Родины. Тот, кто осознает это понятие — прекрасное и нерушимое, — тот может почитать себя сознательным работником культуры. В трудах, среди препятствий, будто бы необоримых, находятся молодые силы. В любви к человечеству, в любви к Родине найдут молодые сердца неосудимое, светлое стремление к подвигу. В этом русском слове — в подвиге — заключено понятие движения, преуспевания и неустанного созидательства.

Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах — мы будем оборонять.

Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о ее счастье, о ее преуспевании всенародном. Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях.

“Поверх всяких Россий, есть одна
незабываемая Россия.

Поверх всякой любви, есть одна
общечеловеческая любовь”.

1936 г.

Урусвати, Гималаи.

БОРЬБА С НЕВЕЖЕСТВОМ

“Борьба с невежеством должна быть явлением мировым. Ни один народ не может хвалиться, что он достаточно просвещен. Никто не может найти довольно сил, чтобы одолеть невежество в единоборстве. Знание должно быть всемирным и поддержано в полном сотрудничестве. Пути сообщения не знают преград, также и пути знания должны процветать в обмене мнений. Не нужно думать, что где-то достаточно сделано для образования. Знание настолько расширяется, что требуется постоянное обновление методов. Ужасно видеть окаменелые мозги, которые не допускают новых достижений. Каждый отрицатель не может называться ученым. Наука свободна, честна и бесстрашна. Наука

может мгновенно изменить и просветить вопросы мироздания. Наука прекрасна и потому беспредельна. Наука не выносит запретов, предрассудков и суеверий. Наука может найти великое даже в поисках малого. Спросите великих ученых — сколько раз самые изумительные открытия происходили в процессе обычных наблюдений. Глаз был открыт и мозг не запылен. Путь умеющих смотреть свободно будет путем будущего. Именно борьба с невежеством неотложна, как с разложением и тлением. Нелегка борьба с темным невежеством, оно имеет много пособников. Оно ютится во многих странах и прикрывается различными одеяниями. Нужно запастись и мужеством, и терпением, ибо борьба с невежеством есть борьба с хаосом”.

Уже пять веков до нашей эры с Востока раздались благословенные слова: “Невежество есть тягчайшее преступление”. Затем и великие отшельники первых веков христианства заповедали, что “невежество есть ад”. Действительно, из этой темной пропасти рождаются все братоубийственные преступления, мир наполняется тою ложью и тьмою, которая способствует самым безобразным, самым жестоким и отвратительным деяниям.

Глотать пищу еще не значит жить. Так же точно быть грамотным еще не значит быть просвещенным. Грамота есть естественное питание, но мы видим, что как пища может быть и полезной и вредной, так же и значки грамоты могут служить и свету и тьме. Просвещение и культура будут синонимами. Как в том, так и в другом наименовании заключена готовность к беспредельному познанию. В горниле такого постоянного обновления

сознания очищается и сущность человеческая. В этом честном и неограниченном труде знания люди облагораживаются и начинают понимать, что есть — служение человечеству и миру. Истинный ученый имеет глаз открытый и мысль нестесненную. Но, как и все в мире, глаз должен быть воспитан, и мысль должна быть воспитана. От первых шагов образования светлое допущение и раскрытие горизонтов должно входить в основу начальной школы. Знание должно быть освобождено от условных рамок. Знание есть путь к радости, но радость есть особая мудрость.

Ученый и художник знают значение слова — вдохновение. Они знают, что есть прозрение, в котором открываются им новые утонченные формы и познаются доселе не замеченные, а может быть, и позабытые высокие энергии. Из далеких веков уже пришло сознание того, что мысль есть энергия, мысль светоносна. Давным-давно некоторые люди знали о том, что мысль может быть внушаема или, вернее, передаваема. Но даже и такая старая истина лишь в самое последнее время, на глазах нынешнего поколения, вошла в обиход ученого мышления. Все мы были свидетелями, как еще совсем недавно, невежды глумились над так называемым магнетизмом и гипнотизмом. Доходило до того, что та же сила в разных ее наименованиях воспринималась иначе. Месмеризм был осмеян и осужден, и он же под именем гипнотизма получил некоторое право на существование. Ведь для чего-то некоторые пилюли должны быть позолочены, а склянки лекарств снабжены особыми ярлыками. И можно понять, по каким причинам некоторые химические элементы, теперь вполне

признанные, должны были быть прикрываемы алхимиками под названиями орлов, фениксов и другими символами.

Все мы помним, как во время образования проф. Бехтеревым Неврологического института, все, кому не лень было, насмеялись над его опытами передачи мысли на расстоянии. Широкая известность имени Бехтерева не избавила его не только от насмешек, но даже и от всяких подозрений. Невежды шептали, что не могло же целое учреждение возникать для исследования процессов нервной системы и мысли. Шептали о каких-то политических затеях или о романтических увлечениях и даже о помешательстве Бехтерева. Вот до каких Геркулесовых столбов доходили судороги невежества. Помню, как при этих злошептаниях мучительно вспоминалась книга Гастона Тиссандье “Мученики науки”. Куда же дальше идти, когда еще на нашем веку некая академия обозвала великого Эдисона шарлатаном за его фонограф, а некие университеты не допускали женщин к высшему образованию. Ведь это было, повторяю, не в средневековье, а на нашем веку. Делалось это не какими-то безграмотными дикарями, но людьми, забронировавшими себя мертвым, официальным ярлыком учености. Не будем перечислять бесконечный ряд истинных мучеников науки, но раз мы упомянули о гонениях на женское образование, то вспомним хотя бы гениальную математичку Софью Ковалевскую, которая не могла поступить ни в один университет, а в то же время удостаивалась мирового признания ее работ по высшей математике. А сколько прекрасных ученых и врачей можно бы припомнить, которые, гонимые их

невежественными коллегами, должны были даже покидать свою родину.

Мир гордится великим именем физиолога Павлова, повсюду твердятся формулы его учения о рефлексах и другие его гениальные прозрения. Но даже и эта нобелевски увенчанная всемирная деятельность вызывала в некоторых специфических кругах пожимание плечами. Среди этих пожимателей плечами тоже ищите невежество. Поистине никакие мундиры, никакие мертвенные, схоластические ярлыки не пригреют человеконенавистничество, зависть и тупую ограниченность. Бороться с безграмотностью куда легче, нежели поразить мрачную гидру человеконенавистничества, со всеми ее атрибутами — зависти, сомнения, пошлости, злошептания и тех подпольных кампаний, которые силы мрака умеют так ловко проделывать. Ведь силы зла и с ними силы невежества — позорные синонимы — весьма сплоченны. Из всех чувств — любовь и ненависть являются наиболее объединяющими и сильнейшими.

Конечно, несмотря на все ярые попытки невежества, светлое познание продвигается по всему миру. Вспомним хотя бы недавние сведения, порадовавшие просвещенный мир. Вспомним все замечательные достижения великого биолога Боше о жизни растений. Проф. Комптон заявляет, что мысль человека является самым важным фактором мира. Проф. Метальников дает исследования об иммунитете и о бессмертии одноклеточных. Д-р Котик исследует перенос чувствительности. Профессор Мюнстерского университета В. Стемпель доказывает существование

незримых излучений от всех живых существ. Д-р Доблер из Гейлброннского университета утверждает существование еще недавно осмеянных излучений земли и связь их с человеческим магнетизмом. Гарри М. Джонсон, проф. университета Виргинии, делает поучительные заключения о безумии. Д-р Отриан, заведующий метеорологической станцией в Германии, наблюдает влияние атмосферных явлений. Аббат Морэ, французский астроном, делает интереснейшие выводы о солнечных пятнах. Американский биолог Бернард Проктор изучает условия жизни на высотах. Французский ученый д-р Леви Валенси предостерегает об эпидемиях безумия. Д-р Ризе делает опыты над воздействием ритмов. Д-р Бернард Рид, британский ученый, сближает находения древнейшей медицины с современными исследованиями о витаминах. Венгерский молодой ученый открывает лучи-невидимки. Всем известны опыты профессоров Ришэ и Жиллэ и выводы сэра Оливера Лоджа. Проф. Лейденского университета В. де Хааз исследует абсолютный нуль, доказывая его невозможность. Профессор Гарвардского университета д-р Кеннон делает выводы о значении удачи в научных открытиях. Химик Минглей дает смелый прогноз грядущих открытий. Проф. Гарвардского университета Иосиф Райн и Уильям Мак-Дугалл достигают замечательных результатов по передаче мысли на расстоянии. Сколько прекрасных достижений! Итак, в каждой стране имеются светлые искатели, неутомимо и бесстрашно приоткрывающие завесы знания. И все-таки эти великие люди остаются единицами и вынуждены

каждый в своей области, а иногда и в общественном мнении преодолевать незаслуженные затруднения.

Можно привести длиннейший ряд произведенных за последнее время работ, расширяющих условные рамки мышления. Сама природа деятельно приходит на помощь каждому мыслителю. Солнечные пятна, со всеми около них выводами, о которых пишут величайшие авторитеты нашего времени, как проф. Джинс, Аббот и др., напоминают нам о том, что недалеко время, когда и столь осмеянная астрология окажется не чем иным, как просто формулой астрохимии, и еще одна великая отрасль науки будет освобождена от наветов. И люди поймут, что они живут окруженные великими химизмами и сами представляют из себя утонченнейшую и сильнейшую химическую лабораторию. Все читали о недавно произведенных опытах с химизмом человеческих секретов и излучений из пальцев, причем излучения некоторых людей убивали вредные бактерии. Так же точно вспомнят и опыты проф. Юревича, подтверждающие, насколько энергия, излучаемая человеком, является проводником и соединителем для иначе не поддающихся сочетанию элементов. И разве не о том же свидетельствовали попытки столь несправедливо преследуемого Килли. Итак, изучение человеческих излучений и психической энергии настоятельно зовет человечество к ближайшим, изумительнейшим достижениям.

Невежды очень любят смеяться над индусскими йогами. Для невежд хождение по огню, сидение на воде, глотание сильнейших ядов, остановка или ускорение пульса по желанию, погребение заживо и возвращение к

жизни через несколько недель — все это лишь ловкие фокусы и шарлатанство. Но вот, в весьма позитивном и распространенном журнале “Модерн ревью” можно прочесть статью с фотографиями о ходящих по огню в Мисоре, о чем журнал сообщает в связи с прогремевшими по всему миру демонстрациями кашмирца Кхуда Букса в Лондоне. Сидение на воде на Ганге было названо шарлатанством, и осторожные люди, даже видевшие это, добавляли: не знаем, не было ли какой-то подводной поддержки. Но сейчас английские газеты оповещают о женщине, настолько меняющей свой вес, что подобное проявление на воде для нее вполне доступно, как проявление изменения полярности. По всему миру прошли сообщения о необъяснимых, с точки зрения условий науки, манифестациях баварки Т. Нейман, а сейчас все газеты были полны об удивительном случае с девятилетней девочкой Шанти в Дели. Ряд выдающихся наблюдателей проверили этот замечательный случай.

Из Латвии приходит сведение, описанное в целой брошюре, о необыкновенном случае чтения мыслей восьмилетней девочкой. Недавно зарегистрированы несомненные случаи улавливания радиоволн без аппарата и замечательная способность двух итальянских мальчиков — видеть через стены и другие непроницаемые предметы. Конечно, в средневековье все эти злосчастные по необыкновенности своей люди были бы, наверно, сожжены на кострах. Но и в настоящее время человек, улавливающий самосильно радиоволны, все-таки отведал сумасшедший дом.

Не забудем также и замечательные прозрения и яснослышания Жанны д'Арк, спасшие Францию, но за которые невежественные современники возвели ее на костер. И не только сами обладающие необыкновенными способностями, но даже и наблюдатели их подвергаются со стороны невежд и по сие время всяким гонениям. Вспомним несправедливые насмешки и над Обществом психических исследований. Преследуется каждый зародыш нового беспридрассудочного научного завоевания. Получается необыкновенно уродливое зрелище. С одной стороны, открываются новые учебные заведения, одним видом своим как бы зовущие для последующих познаний, но с другой стороны, каждое необычное явление, не вошедшее еще в элементарные учебники, оказывается достойным не только насмешек, но и всяких гонений. Значит, гидра невежества не только в безграмотности, но и в окаменелости восприятий и в человеконенавистничестве.

“Всякое отрицание истины невежественно и вредно не только самому отрицателю, но и пространственно. Противоборство против истины заражает пространство; но бывает еще более отвратительное действие, когда люди, однажды познав истину, потом от нее отступают. Безумно такое отступление во тьму! Можно найти случаи в истории человечества, когда уже постигались частицы Истины, но затем, по причине крайнего невежества, некоторые лжеучителя пытались снова скрыть от народа непреложное положение вещей, получались акты, которые когда-то будут рассматриваться, как позорные страницы истории. При этом не давалось никаких доказательств, но приказывалось отрицать очевидность.

Как бы неверие в солнце предписывалось, потому что кто-то, по слабому зрению, не мог взглянуть на солнце. Кто-то, по незнанию и по самости, запрещал и другим знать действительность. Пусть люди припомнят, сколько отступлений во тьму происходило в разные века. Может быть, такие воспоминания подвинут человечество к честности и справедливости”.

Итак, каждый, для кого Просвещение и Культура не пустой звук, должен в своей области по мере сил бороться с невежеством. Пусть никто не скажет, что у него нет возможности к тому, — это было бы неправдой. Невежество, — и явное, и тайное, со всей его притворностью и изворотливостью, увы! существует везде. В каждом обиходе ясный ум может усмотреть, какая пыль и грязь должны быть убраны. И сейчас, когда в мире грохочут пушки и конкурируют ядовитые газы, именно тогда всякая борьба с невежеством будет особенно нужна. Будет нужна оборона всего лучшего, прекрасного и просвещенного.

Если даже кто-то и не преуспее в своих благих попытках, то все же это будут попытки, а не только отвлеченные намерения. Кроме того, в каждой попытке уже есть элемент действительности. Потому каждая попытка уже будет добротворчеством. Наверное, какие-то приспешники невежества будут шептать, что именно теперь неуместны слова о культуре и просвещении. Это их обычная уловка, чтобы в каждый момент человеческой жизни найти причину, почему именно тогда устремление к культуре и к просвещению несвоевременно. Этою своею формулою служители

невежества и выдают себя. Ведь именно добро, культура и просвещение всегда своевременны.

Не может быть такого человеческого состояния, в котором человекообразие было бы неуместным и несвоевременным. Шептать о такой несвоевременности могло бы лишь человеконенавистничество, которое, во мраке своей берлоги, всегда мечтает обратить род человеческий в чудовищ, взаимно друг друга пожирающих.

Поистине, от мала до велика каждый может и обязан внести свою лепту в дело борьбы с невежеством. Объединяясь в группы и единолично, каждый может где-то пресечь глумливое чудовище невежества. Каждый труд уже заключает в себе попытку к усовершенствованию и к просвещению. Только невежество могло унижать труд как таковой и бесстыдно насмехаться над исканиями знания. В справедливом негодовании против каждого проявления невежества, против каждого невежественного отрицания работник культуры найдет и действенную мысль, и яркое слово и запечатлеет прекрасным действием победоносный путь просвещения.

Слава поборникам Культуры! Слава труженикам! Слава бесстрашным!

*10 июня 1936 г.
Урусвати, Гималаи.*

ГОРЬКИЙ

Восемнадцатого июня в Горках, около Москвы, скончался великий русский писатель Максим Горький.

За последние месяцы ушло три великих русских: физиолог Павлов, композитор Глазунов и теперь Горький. Всех троих знал весь мир. Кто же не слышал о рефлексах Павлова. Кто, наряду с Чайковским и Римским-Корсаковым, не восхищался Глазуновым. Кто же, в ряду корифеев русской литературы, не читал Горького, запечатлевшего неувядающие русские образы.

Более полумиллиона людей пришло поклониться праху великого писателя, а в день похорон гроб сопровождало семьсот тысяч почитателей. Представители государства держали почетный караул и несли после сожжения праха урну для установки ее в стене Московского Кремля. Присутствовал весь дипломатический корпус. Пушечный салют проводил знаменитого писателя. Некоторые французские газеты были поражены, что писателю всею нацией были оказаны такие высокие почести. Были венки от французского и чехословацкого правительств. Иностранная пресса единодушно откликнулась достойным словом, почтив память Горького.

В Москве постановлено воздвигнуть на государственный счет памятники М. Горькому в Москве, Ленинграде и Нижнем Новгороде, который теперь именуется именем Горького.

Муниципальный Совет Праги постановил присвоить одной из улиц столицы Чехословакии имя Максима Горького.

Бенеш, президент Чехословакии, отправил следующую телеграмму в Москву: “Смерть Максима Горького заставит весь мир и Чехословацкую республику в частности — задуматься о развитии русского народа за

последние пятьдесят лет и Советского Союза со времени революции. Участие Горького в этом процессе было, в духовном отношении, чрезвычайно велико и убедительно. Для меня лично Горький, как и все русские классики, был учителем во многих отношениях, и вспоминаю я о нем с благодарностью”.

Ромен Роллан по телефону из Швейцарии прислал следующее письмо, почтив память умершего: “В этот мучительный час расставанья я вспоминаю о Горьком не как о великом писателе, и даже не о его ярком жизненном пути и могучем творчестве. Мне вспоминается его полноводная жизнь, подобная его родной Волге, жизнь, которая неслась в его творениях потоками мыслей и образов. Горький был первым, высочайшим из мировых художников слова, расчищавшим пути для пролетарской революции, отдавшим ей свои силы, престиж своей славы и богатый жизненный опыт... Подобно Данте, Горький вышел из ада. Но он ушел оттуда не один. Он увел с собой, он спас своих товарищей по страданиям”.

В Парижских газетах, дошедших в Гималаи, сообщается много показательных знаков повсеместного почитания умершего писателя. Почтили его и друзья, почтили все страны и секторы. Даже в самых сдержанных отзывах высоко вспоминаются произведения Горького: “На Дне”, “Буревестник”, “Городок Окуров”, “Мещане”, “Мать” и его последние произведения: “Дело Артамоновых” и “Клим Самгин”. И, в конце концов, добавляется: “Умер человек и художник, которого мы все любили”. Итак, искусство объединило и врагов, и друзей. От самого начала своей яркой писательской деятельности Горький (его имя было Алексей Максимович Пешков, но

все его знали по псевдониму) занял выдающееся место в ряду русских классиков. Как о всяком большом человеке и великом таланте, около Горького собралось много легенд, а с ними и много наветов. Кто-то хотел его представить бездушным материалистом, кто-то вырывал из жизни отдельные словечки, по которым нельзя судить ни человека, ни произведение. Но история в своей неподкупности выявит в полной мере этот большой облик, и люди найдут в нем черты, для многих совсем неожиданные.

Доктор Л. Левин в “Известиях” (20 июня) рассказывает о последних днях М. Горького:

— Алексей Максимович умирал, как и жил, великим человеком. В эти тяжелые дни болезни он ни разу не говорил о себе. Все его мысли были не в Горках, а в Москве, в Кремле. Даже в промежутках между двумя подушками кислорода он просил меня показать ему номер газеты, где был напечатан проект сталинской конституции. В короткие, светлые промежутки болезни он говорил на свои любимые темы: о литературе, о так волновавшей его грядущей войне. Последний день и ночь он был в бреду. Находясь неотступно у постели, я разбирал короткие, отрывочные фразы:

“Будет война... Надо готовиться... Надо быть застегнутыми на все пуговицы”.

Н. Берберова, работавшая с Горьким, сообщает о характерном эпизоде его жизни. “Это было в день прихода очередной книжки “Современных записок” с окончанием “Митиной Любви” Бунина. Все было отставлено. Работа, корреспонденция, чтение газет. Горький заперся у себя в кабинете, к завтраку пришел с

опозданием и в рассеянности... И только к чаю выяснилось. “Понимаете... Замечательная вещь... Замечательная...” — и больше он ничего не мог сказать о “Митиной Любви”. — Трудно поверить, что этот человек мог плакать настоящими слезами от стихов Лермонтова, Блока и многих других”. — “Вот, что однажды написал он мне — в этой цитате отразилось все его отношение к поэтам и к поэзии: “Очень прельщает меня широта и разнообразие тем и сюжетов поэзии. Я считаю это качество признаком добрым, оно намекает на обширное поле зрения автора, на его внутреннюю свободу, на отсутствие скованности с тем или иным настроением, той или иной идеей. Мне кажется, что определение: “поэт — эхо мировой жизни”, самое верное. Конечно, есть и должны быть уши, воспринимающие только басовые крики жизни, души, которые слышат лишь лирику ее... Но А. С. Пушкин слышал все, чувствовал все и потому не имеет равных... Разве есть что-нибудь лучше литературы — искусства слова? Ничего нет. Это самое удивительное, таинственное и прекрасное в мире сем”. В упоминании о похвале Горького повести Бунина характерно для широты взглядов Горького, что Бунин принадлежит к другой группе литературной, и потому такая похвала особенно ценна.

Многие ценные черты Горького выяснятся со временем. Мне приходилось встречаться с ним многократно как в частных беседах, так и среди всяких заседаний комитетов, собраний. Во всем этом многообразии вспыхивали постоянно новые, замечательные черты характера Горького, подчас совершенно не совпадавшие с суровой наружностью

писателя. Помню, как однажды, когда в одной большой литературной организации нужно было найти спешное решение, я спросил Горького о его мнении. Он же улыбнулся и ответил: “Да о чем тут рассуждать, вот лучше Вы как художник почувствуйте, что и как надо. Да, да, именно почувствуйте, ведь Вы интуитивист. Иногда поверх рассудка нужно хватить самую сущностью”.

Помню и другой случай, когда в дружеском кругу Горький проявил еще одну, неожиданную для многих, сторону. Говорили о йогах, о всяких необычайных явлениях, родиной которых была Индия. Многие из присутствовавших поглядывали на молчавшего Горького, очевидно, ожидая, что он как-нибудь очень сурово резюмирует беседу. Но его заключение было для многих совсем неожиданным. Он сказал, внутренне осветившись: “А все-таки, замечательные люди эти индусы. Говорю только о том, что сам видел. Однажды, на Кавказе, пришлось мне встретиться с приезжим индусом, о котором рассказывалось много таинственного. В то время я не прочь был и, в свою очередь, пожать плечами о многом. И вот мы, наконец, встретились и то, что я увидал, я увидал своими глазами. Размотал он катушку ниток и бросил нитку вверх. Смотрю, а нитка-то стоит в воздухе и не падает. Затем он спросил и меня, хочу ли я что-нибудь посмотреть в его альбоме, и что именно. Я сказал, что хотел бы посмотреть виды индусских городов. Он достал откуда-то альбом и, посмотрев на меня, сказал: “Вот и посмотрите индусские города”. Альбом оказался состоящим из гладких медных листов, на которых были

прекрасно воспроизведены виды городов, храмов и прочих видов Индии. Я перелистал весь альбом, внимательно рассматривая воспроизведения. Кончив, я закрыл альбом и передал его индусу. Он, улыбнувшись, сказал мне: “Вот вы видели города Индии”, — дунул на альбом и опять передал мне его в руки, предлагая посмотреть еще. Я открыл альбом, и он оказался состоящим из чистых, полированных медных листов, без всякого следа изображений. Замечательные люди эти индусы”.

Вот и такая черта Горького, разве она не свидетельствует о его вмещении и широком сознании.

Он очень хотел иметь мою картину. Из бывших тогда у меня он выбрал не реалистический пейзаж, но именно одну из так называемой “предвоенной” серии — “Город Осужденный”, именно такую, которая ответила бы прежде всего поэту. Да, автор “Буревестника” и не мог не быть большим поэтом. Через все уклоны жизни, всеми путями своего разностороннего таланта Горький шел путем русского народа, вмещая всю многогранность и богатство души народной.

Парижские газеты сообщают любопытное сведение: “Горький в роли Гаруна эль-Рашида”. “Известия” (21 июня) печатают фотографию М. Горького в облике бродяги. Было это в 1928 году. Горькому захотелось посмотреть, что делается в новых пивных, что за люди сидят там, нет ли среди них его старых типов со “дна”, что с ними случилось, каковы новые посетители и т. д. Но как реализовать такую экспедицию? Горький решил потряхнуть стариной, побродяжить. Он пристраивает бороду и — волосатый, заросший, как медведь, искусно

загримированный — ведет задушевные беседы. В результате этого бродяжничества появился очерк, включенный в книгу “По Союзу Советов”.

Знающие Горького понимают, что этот эпизод вполне для него характерен. Будучи истинным реалистом во всей вместимости, он считал нужным убеждаться на деле не только для внесения в свою записную книгу новых типов, но для установления синтеза для истинного расширения своего сознания.

“Он был доверчив, он доверял, он любил доверять, его обманывали... Однажды он вышел из своего кабинета напевая и выражая лицом такое сияние восторга, что все остолбенели. Оказывается, он прочел очередную газетную заметку об открытом кем-то, где-то, каком-то микробе”.

Пришлось мне встретиться с Горьким и в деле издательства Сытина (Москва), и в издательстве “Нива”. Предполагались огромные литературные обобщения и просветительные программы. Нужно было видеть, как каждая условность и формальность коробила Горького, которому хотелось сразу превозмочь обычные формальные затруднения. Он мог строить в широких размерах. Взять хотя бы выдвинутые им три мощных культурных построения. Имею в виду “Дом Всемирной Литературы”, “Дом Ученых” и “Дом Искусств”. Все три идеи показывают размах мысли Горького, стремившегося через все трудности найти слова вечные, слова просвещения и культуры. Нерасплесканной он пронес свою чашу служения человечеству.

От имени “Лиги Культуры” принесем наши искренние чувства памяти Горького, которая прочно и ярко утвердится в Пантеоне Всемирной славы.

12 июля 1936 г.

Гималаи.

МИР

“Мир” не случайно означает и вселенную, и мирность. Не случайно эти два великих понятия объединены в одном звучании. Вспомнишь о вселенной, представишь и труд мирный. Приступая к труду, осознаешь и вселенную.

О мире особенно говорят, когда боятся войны. Но ведь войны бывают всякие — и внешние, и внутренние. И зримые, и незримые. Которая война страшнее — это еще вопрос...

“Да, истинное несчастье обоих человечеств, древнего и нового, что их величайший поэт и мудрейший учитель — певец не мира, а войны, слепой Гомер. Вместе с верой в богов утратил он и веру в мир.

Нет и не будет меж львов и людей никакого
союза.

Волки и агнцы не могут дружиться согласием
сердца:

Вечно враждебны они, злоумышленны друг против
друга,

Так и меж нас невозможна любовь; никаких
договоров

Быть между нами не может, доколе один,
распростертый,

Кровью своей не насытит свирепого Бога Аррея.

Это и значит: “Все будут убивать друг друга”. “В мире конца не будет войне...”

“Илиадой”, Троянской войной начинается бесконечная война, та самая, которая через все века всемирной истории длится и до наших дней”, — восклицает Мережковский в “Атлантиде”. Мало ли надрывных стенаний. И Данте нашел палящие места для убийц и злобствующих.

Если рассмотреть все символы и скрижали, то в образах и иероглифах всюду найдем то же желание, сердечно-сокровенное моление о мире.

“Не делай зла животным”, — заповедь Триптолема, посланного Деметрою к одичалым людям послепопотоного мира, чтобы, научив их земледелию, возвысить от звериной жизни к человеческой. “Зла не делай животным” — в Евангельском смысле звучит: “блажен кто милует тварь”, ибо “вся тварь совокупно стонет и мучится донныне”, вместе с человеком, и вместе с ним “освобождена будет от рабства тлению”: с ним погибает — с ним и спасается.

Надо человеку убивать животных, чтобы питаться мясом? Нет, не надо, — учит Деметра Плодоносящая. Дух убийства, войны входит в человека с кровавою пищею, а дух мира — с бескровною.

И Гезиод, пастух, пасущий овец на Геликонской горе, поет:

Бог законом поставил и зверю, и птице, и рыбе,
Чтоб пожирали друг друга, — на то им неведома
Правда!

Людам же Правду послал.

Правда: не убий. Всем и всегда возможный, первый шаг: не убивать — не воевать. “Убей — умрешь, дай жизнь — жив будешь: это и младенцу понятно, это же и тайна тайн”.

Нужно ли оборонять культуру? Нужно, всегда и во всем.

Нужно ли помочь труженикам культуры, утесняемым и обремененным? Нужно, всегда и во всем.

Нужно ли объединяться вокруг знака культуры, чтобы обороть попытки разложения? Нужно, всегда и во всем.

Может быть, культура, знание, красота достаточно всюду защищены и утверждены? Может быть, уже вполне и всюду укреплены основы культуры?

Может быть, работники культуры имеют особый оплот в законах и в сознании народов?

По-прежнему Лига Культуры как голос общественного мнения неотложно нужна!

О мире, о неубийстве приходится говорить. Что же это такое? Неужели все тысячелетия не научили людей тому, что заповедано всеми скрижалями? Но что же видим? Чем дальше, тем неотступнее нужно твердить о сущности мира. Где же тут эволюция, если грозная пушка уже наведена и смертный яд сеется безумно. Даже так умудрились люди, что яд и отравы уже налетают с неба! Из того самого неба, откуда лилась панацейная прана.

Что же это? Под землею — мины, подкопы! С неба — яд и отравы. Высоко подняты жерла чудовищных пушек. Скоро будет “праздник” ядра, когда оно совершит кругосветное путешествие; когда достигнет всего, что можно разрушить.

“Народы не догадываются, перед какою ужасающею опасностью стоит человечество в случае новой войны”, — пишет в своем докладе Лиге Наций проф. Андре Мейер. “Газы прошлой войны были игрушкой, детской забавой, по сравнению с тем, что мы увидим, если разразится новая война”, — добавляет другой эксперт, проф. Колумбийского университета В. Каннон.

По недавнему сообщению д-ра Хильтона Айре Джонса в Нью-Йорке, новоизобретенный газ может уничтожить целую армию так же легко, как “потушить свечу”.

Правда! Изобретатель отравы думает, что творит правду. Литейщик пушки гордится, что его орудие сразит человека и за горизонтом. Точильщик клинка предвкушает, как железо пронзит все покровы... Мысли человека!

Ох, не такая правда нужна. “Людам необходима другая правда”, — говорит Горький, правда, которая повышала бы творческую энергию. Правда нужна, возбуждающая доверие человека к воле своей, к разуму, к добротворчеству.

Другие делают непробойные брони и панцыри. Может быть, они надеются создать оборону против всех злобных вторжений? Пусть будет так.

Оборона культуры, оборона родины, оборона достоинства не мыслит о насильственном вторжении. Броня обороны не есть яд разрушения. Оправдана оборона и осуждено нападение.

Не удивительно ли, по-русски слово мир единозвучно и для мирности, и для вселенной. Единозвучны эти понятия не по бедности языка. Язык богатый.

Единозначны они по существу. Вселенная и мирное творчество нераздельны. Всеми иероглифами хотели древние дать понять это целебное, спасительное единозначие.

Мир — вселенная и мир — труд мирный вселенский, посев — творящий, красота мира — победительница.

24 июля 1936 г.

Урусвати.

ЗНАК ЭРЫ

“Мы любим ту жизнь, которая нам являет себя на земле, оттого что мы о другой ничего не знаем”.

Эврипид.

Институт психосинтеза в Риме под руководством д-ра Роберта Ассагиоли. Институты парапсихологии в Германии. Институты метапсихические во Франции. Курсы психологии в Дьюк-Университете под руководством проф. Райна в Новой Каролине. Неврологический институт в России. Физиологический институт имени Павлова. Курсы психологии в Цюрихе профессора Юнга. Институт Эранос в Асконе, в Швейцарии. Институт исследований эволюционной биологии в Лондоне. Интереснейшие исследования Лестер-Института в Лондоне. Опыты исландского профессора Колмана по фотографии мысли. Специальная кафедра психических исследований в Стокгольмском университете. Многие разбросанные по различным странам общества психических исследований. Можно перечислять без конца подобные очаги живой мысли,

стремящейся познать новые пределы науки. Пусть эти светлые достижения еще далеко не объединены и часто находятся под давлением всяких условных перегородок. Все же каждый непредубежденный наблюдатель может убедиться, насколько за последнее время, как истинные знаки эпохи, расширяются пути освобожденной науки.

В океане печатного материала трудно охватить количественное и качественное определение происходящего. К тому же и не все пути сообщения доступны самоотверженным работникам, в большинстве случаев не обладающим средствами. Иногда средства приходят только в случае очевидной утилитарности опытов. Как в средневековье легче всего находились средства на производство золота из непрочных металлов, так же и великая руководящая мощь мысли сейчас все еще с трудом укладывается в рамки утилитарно-механического мышления.

Конечно, как всегда, полезны всякие съезды, общения, переписки, но и в этом остается столько недомолвок или недоумений, что уже предсужденные выводы опять замедляются. Но все же ясно одно, что так называемое одухотворение науки постепенно укрепляется повсеместно. Выкрики невежественных критиков и всяких против знания злоумышленников остаются отчужденными в своей злобной разрушительности. Правда, эти разрушительные громы невежества все еще оглушительны, но в общественном мнении все-таки просыпается настойчивое желание борьбы с невежеством. В энциклопедиях можно находить поучительные примеры, как еще недавние суровые осуждения трудов смелых искателей уже сменяются

более осторожными суждениями. Итак, все поборники знания, готовые для борьбы с невежеством во всех его проявлениях, могут составлять поучительные и ободряющие списки всего благодетельного, что уже делается сейчас.

Все же борьба с невежеством неотложна. Никто не должен успокаивать себя тем, что уже достаточно знания. В беспредельности познание никогда не достаточно. Чем больше будет попыток к познанию, тем сильнее и отвратительнее будут судороги невежества. Ведь и Парацельс, так оцененный сейчас, в свое время был убит завистниками, не перенесшими его достижений. Еще на нашем веку великий Менделеев не был избран в Академию наук. Не уменьшается число примеров, когда истинные находения бывают оценены далеко от места их зарождения. Вспоминаю замечательные слова Рабиндраната Тагора, произнесенные им после получения Нобелевской премии. Великий мыслитель сказал одной депутации, пришедшей к нему с поздравлением: “Почему вы поздравляете теперь, а не раньше?” В копилке жизни можно находить множество таких примеров, которые в просторах Культуры совершенно неуместны и в ближайшей эволюции не должны быть повторяемы. Организованная борьба с невежеством, самоотверженный поход за культуру, оборона знания от всех разлагающих попыток — все это должно стать знаменательной печатью века. Мощь мысли! Осознание психической энергии!

“Каждое познавательное движение встретим дружелюбно. Найдем силы отрешиться от личных привычек и суеверий. Не будем думать, что легко

обороть атавизм, ибо наслоения физические несут в себе предрассудки многих веков. Но если твердо осознаем тягость таких отложений, то уже один из самых трудных затворов будет открыт. За ним отопрется и следующий, когда поймем, зачем должны приложить в земном мире все действие. Только таким путем дойдем и до третьего входа, где поймем сокровище вверенной людям основной энергии. Кто научит признать ее, тот будет истинным наставником. Не доходит человек до понимания своей мощи без руководителя. Много всевозможных уловок таится на пути человека. Каждая приютившаяся явленная ехидна надеется скрыть от человека самое драгоценное. Он, как путник заблудившийся, не знает, в какой стихии искать преуспевания, но сокровище в нем самом. Мудрость всех веков указывает: “Познай самого себя”. В таком совете обращено внимание на самое сокровенное, которому суждено стать явным. Огненная мощь, временно названная психической энергией, даст человеку путь к счастью будущего. Не будем надеяться, что люди легко признают свое достояние, они изобретут все доводы, чтобы опорочить каждое нахождение энергии. Они обойдут молчанием сужденное качество своего продвижения, но, тем не менее, путь един”.

Никогда не откажемся, что мы с большим увлечением следим за достижениями науки. Будь то в Обществе психических исследований или в Дьюк-Университете, по передаче мысли, или в случае замечательной девочки в Дели, или в деле фотографирования Мира Невидимого — решительно во всех проявлениях познания каждый культурный человек должен быть доброжелательно открыт. Записной лист “Борьба с невежеством” написан,

точно бы отвечая на некультурные злоумышления. Как Общество психических исследований, так и спиритуализм в его высоких проявлениях, так и все опыты над психической энергией должны быть встречаемы доброжелательно и вызывать тщательнейшее научное исследование.

Только невежды не знают, сколько полезнейших институтов и университетских курсов по изучению психических явлений открыто во многих странах за последнее время. Только невежды не хотят знать, сколько научных книг выдающихся ученых, например, Алекс. Кареля (работавшего с Линдбергом), издано в последние годы. Итак, пусть каждая некультурная атака на познание встречает четкий, обоснованный отпор, чтобы безумные воинствующие невежды садились в ту лужу, которую они заслуживают. Пусть невежды будут выявлены самым ярким способом.

Мы всегда останемся доброжелателями всех искренних познавателей. И теософы, и психические исследователи, и спиритуалисты, и физиологи, к какому бы лагерю они ни принадлежали, они являются пионерами науки грядущего. Психические явления, сила мысли как основа человеческого творчества и прогресса — найдут себе заслуженное место в достижениях эволюции. “Изучай все окружающее”. “Познавай без утомлений”. “Сердце есть бездна”. “Крылата мысль”.

Множество ободрительных призывов несется из глубины веков. Человеческий кооператив получает поддержку из всех твердынь и древнего, и нового познания.

“Излучение прогрессии коллективной энергии может доказать, что единение — не только нравственное понятие, но и мощный психический двигатель. Когда твердим о единении, мы хотим внушить сознание великой силы, находящейся в распоряжении каждого человека. Невозможно представить неопытному исследователю, насколько возрастает собирательная энергия. К такому проявлению надлежит подготовить сознание. Удача опыта зависит от устремления всех участников. Если хотя бы один не пожелает участвовать всем сердцем, то лучше и не приступать к опыту. Уже в древности знали мощь объединенной силы. Одиночные наблюдения иногда объединялись в общие исследования, получалась целая цепь, и наблюдатели полагали руку на плечо предыдущего. Можно было видеть необычные колебания энергии; при согласованном устремлении получалась напряженная сила. Таким образом, когда говорю о единении, имею в виду реальную силу. Пусть запомнят все, кому нужно запоминать”.

“Психическая энергия в древности иногда называлась воздухом сердца. Этим хотели сказать, что сердце живет психической энергией. Действительно, как без воздуха человек не может прожить долго, так и сердце отходит от жизни без психической энергии. Многие старинные определения должны быть пересмотрены доброжелательно. Люди давно замечали явление, которое теперь остается в небрежении”.

“Намагничивание воды, поставленной около спящего человека, уже будет показателем выделения его излучений и отложением силы на предметах. Следует весьма внимательно отмечать такие отложения, они

могут напомнить об обязанности человека наполнять окружающее прекрасными отложениями. Каждый сон — не только наука для тонкого тела, но и рассадник психических отложений”.

“Также показательны опыты над распространением силы отложений. Можно заметить, что энергия испаряется в разной степени. Некоторые сильные излучения могут действовать несравнимо дальше, если они будут посланы чистым мышлением. Итак, чистое мышление тоже не есть лишь нравственное понятие, но реальное умножение силы. Умение воспринять значение нравственных понятий относится к области науки. Нельзя легкомысленно делить науку на материальную и духовную — граница будет несуществующей”.

“Наблюдения следует вести не только над согласованными привходящими, но также и над разъединяющими проявлениями. Опыт ценен разносторонний. Невозможно предрешить при начале исследования, какие именно ингредиенты потребуются для усиления следствия. Можно призвать сотрудничество самых неожиданных предметов, ибо свойства тончайших энергий не могут быть ограничены. Такая беспредельность возможностей нисколько не нарушает научности исследования. Можно применить индивидуальные методы и такие новые проявления мужественно принять. Никто не может указать, где кончается мощь человека. При этом не сверхчеловек, но именно самый здоровый человек может окрылиться счастливым достижением. В каждом обиходе может быть изучаема психическая энергия. Не нужно особых, дорогих лабораторий, чтобы воспитывать сознание.

Каждый век несет свою весть человечеству. Психическая энергия имеет назначение помочь человечеству среди нерешимых для него проблем”.

“Умейте терпеливо наблюдать, какие условия наиболее благоприятствуют опыту. Могут быть условия космические или на яркую световую окраску, или на минералы, или на явления животных. Можно наблюдать, как присутствие человека в соседней комнате может воздействовать на ток энергии. Ведь человек не дает себе отчета, как он настроен в данное время. Можно наблюдать, что человек будет утверждать наилучшее свое настроение, но аппарат покажет раздражение или другие нехорошие чувства. Не из лжи человек будет скрывать внутреннее чувство, но чаще всего от неумения распознать свои ощущения”.

“Кроме исследований психической энергии на цвет, испытывайте ее на звук и аромат. Можно получить показательные воздействия музыки, при этом замечайте и расстояние, и самые музыкальные гармонии. Много говорят о воздействии музыки на людей, но показательных опытов почти не производят. Можно заметить воздействие музыки на настроение человека, но это будет общим местом. Конечно, предполагается, что веселая музыка сообщает радость, а печальная — горе, но таких выводов недостаточно. Можно проверить, какая гармония наиболее близка психической энергии человека. Какая симфония может наиболее мощно влиять на успокоение или на вдохновение людей. Нужно испытывать различные музыкальные произведения. Само качество гармонизации даст лучшие указания о путях звука и жизни человека. Также необходимо исследовать

влияние ароматов. Нужно приближать как цветы пахучие, так и разные составы, которые должны возбуждать или понижать психическую энергию. В конце концов, можно соединить цвет, звук и аромат и наблюдать сотрудничество всех трех двигателей”.

“Люди, наконец, поймут, какие мощные воздействия их окружают. Они познают, что весь обиход их жизни проявляет великое воздействие на их судьбу. Люди научатся внимательно относиться к каждому предмету. Они окружают себя истинными друзьями и уберегутся от разрушительных влияний. Так спасительная энергия поможет в переустройстве жизни”.

“Обычно самому главному уделяют наименьшее внимание. Но мы не устанем твердить о том, что неотложно нужно человечеству. Среди таких кажущихся повторений мы утвердим желание познания. Люди слишком привыкли, что за них кто-то думает и что мир обязан взять их на попечение. Но каждый должен внести свое сотрудничество. Умение приложить свою психическую энергию будет постепенным воспитанием сознания”.

В семье, в школах, в общественной жизни будет утверждаться познание энергий. Искусство мышления во всей красоте опять сделается любимым спортом, истинными крыльями человечества.

*14 июня 1936 г.
Урусвати.*